

960.

Est. A-16764

Проф. Н. К. ГРУНСКІЙ.

ОЧЕРКИ

по

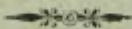
ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СИТАКСИСА

СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

т. I.

I. II.

В. 1--2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

История грам.
Проф. Н. К. ГРУНЦЕИЙ.

Est. A-16464

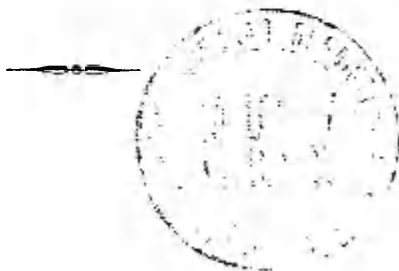
ОЧЕРКИ

по

ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СИНТАКСИСА

СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

—
ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1910.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1910 годъ.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOOGU
i 31622704

I. Синтаксисъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ до второй половины XIX вѣка.

До XVI столѣтія источникомъ филологическихъ познаній Руси являются главнымъ образомъ южнославянскія передѣлки и компиляціи нѣкоторыхъ греческихъ грамматическихъ трудовъ. Особой популярностью среди книжниковъ древней Руси пользовалось разсужденіе „О восьми частяхъ слова“. Въ этомъ разсужденіи мы видимъ грамматическіе термины, позже завоевавшіе себѣ распространеніе: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ... паденія или падежи: правый, родной, виновный, дательный, звательный..., времена, лица, залого. Ранѣе господствовало убѣжденіе, что разсужденіе это является переводомъ грамматическаго трактата Іоанна Дамаскина. Миѣніе это, выставленное впервые Калайдовичемъ въ его извѣстномъ сочиненіи объ Іоаниѣ Экзархѣ Болгарскомъ (послѣдняго Калайдовичъ считалъ переводчикомъ), нашло себѣ опроверженіе въ лицѣ послѣдующихъ ученыхъ (особенно обстоятельно данный вопросъ изложенъ въ трудѣ акад. Ягича „Разсужденіе южно-слав. и русской старины о церковно-слав. яз.“, 1 т. изслѣдованій по рус. яз., изд. Акад. Н. по отд. рус. яз. и слов., 325—328, гдѣ доказывается, что это разсужденіе основывается лишь на греческихъ сочиненіяхъ, но болѣе поздняго времени—XIV ст.—и представляетъ передѣлку, возникшую на южно-слав. почвѣ).

Въ XVI в. мы видимъ уже довольно порядочное число различныхъ грамматическихъ статей. Во главѣ ихъ находятся статьи, принадлежащія или только приписываемыя Максиму Греку, слѣдовательно уже отчасти составленныя и на Руси. Статьи эти были посвящены нѣкоторымъ общимъ вопросамъ, напримѣръ,—о разницѣ между греческимъ и славянскимъ языками, о ихъ сравнительныхъ достоин-

ствахъ, частнымъ вопросамъ, наримѣръ, объ употребленіи союзовъ, предлоговъ. Максиму Греку приписывается одна также статья, по содержанию сходная съ ранѣе упомянутымъ грамматическимъ разсужденіемъ „О восьми частяхъ слова“, представляющая также большое сходство съ послѣднимъ и по формѣ изложенія вопроса, слѣдовательно, являющаяся, въ сущности, заимствованіемъ.

Съ XVI столѣтія начинаютъ попадаться въ рукописныхъ сборникахъ различныя грамматическія статьи. Мудрствованія тогдашнихъ грамматиковъ, основанныя, конечно, еще на учености греческой, часто могутъ поражать насъ необычными странностями. Мы видимъ, наримѣръ, подобныя характеристики гласныхъ звуковъ: а=гласъ простъ, е=скуденъ, и=узокъ, о=остръ, у=пространенъ, ъ=толстъ и кратокъ, α=назнаменателенъ, ε=доволенъ, ι=плоскъ и пр. Отмѣчая подобные странные опыты фізіологіи звуковъ, проф. Буличъ (Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, 155—156) отмѣчаетъ и случаи мѣткихъ наблюденій, наримѣръ, схвачено фізіологическое родство („сходительны“) звучныхъ и отзвучныхъ согласныхъ б и п, в и ф и пр., при чемъ звучные, или звонкіе, названы „чистыми“, а отзвучные, или глухіе, названы „тусклыми“.

Съ XVI вѣка появляются передѣлки латинской грамматики Доната (римск. грамматика IV в. по Р. Хр.), грамматики столь распространенной въ Западной Европѣ, слѣдовательно, опять-таки увеличиваются источники грамматической мудрости. Къ категоріи грамматическихъ трудовъ относились иногда и такъ называемые алфавиты или азбуковники. Чаще же это были любопытный лексическій матеріалъ, попытки словарей иностранныхъ и вообще собранія непонятныхъ словъ (иногда еще это были своего рода попытки энциклопедій въ азбучномъ порядкѣ).

Первыя печатныя грамматики появились въ юго-западной Руси въ концѣ XVI столѣтія.

Въ изданной въ 1591 году греко-славянской грамматикѣ, такъ называемой 'Αδελφότης, синтаксиса нѣтъ, несмотря на то, что по дѣленію грамматики на части, которое мы находимъ въ началѣ, мы ожидали бы встрѣтить таковой. Отчасти къ синтаксису можно отнести то немного, что говорится о сочиненіи предлоговъ (л. 145—150), при чемъ отмѣтить нужно, что иногда падежи опредѣляются здѣсь невѣрно. Синтаксиса нѣтъ и въ грамматикѣ Л. Зизанія, изданной въ 1596 г., хотя въ началѣ грамматики мы находимъ дѣленіе грамматики на 4 части, какъ и въ предыдущей грамматикѣ. Здѣсь,

какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, сказалось вліяніе Ἀδελ-φότης'а.

Первую обработку церковно-славянскаго синтаксиса представляетъ грамматика М. Смотрицкаго, изд. въ 1619 г.

I.

Что есть Сѣнтаксисъ; Сѣнтаксисъ есть третїа часть Грамматїки, Блаженски Сочиненїе нарицаема: ꙗже реченїа ко ѡбщїи сабѣ частѣмъ козногїмаа, ѡзвѣстнымъ нѣкоимъ чїномъ оучитъ сочинати, ѡ тѣмъ сокровенъ ѡухъ разумъ ѡкрылати.

Такое опредѣленіе синтаксиса находимъ у Мелетїа Смотрицкаго (см. 194 стр. его грамматики изд. 1721 г. М.). Синтаксисъ Смотрицкїй дѣлится на 2 части: синтаксисъ простой и образный; первый учитъ о „сочиненїи“ восьми частей рѣчи (при чемъ подъ употребляемымъ терминомъ „сочиненїе“ нужно подразумѣвать согласованїе и управленїе), второй же—„ꙗже оучитъ ѡбразъ прѣкианагш сочиненїа оутѣпашнїухъ“—какъ выясняется въ дальнѣйшемъ, говорить о тѣхъ оборотахъ, которые утвердились, вопреки правиламъ синтаксиса, благодаря употребленїю „искусныхъ писателей“. Этотъ образный синтаксисъ занимаетъ у Мелетїа лишь около 5 страницъ, а простой около 85. Дѣленїе было сдѣлано не особенно удачно. На это указываетъ то обстоятельство, что о тѣхъ отступленїяхъ, о которыхъ говоритъ образный синтаксисъ (ихъ всего приведено только 9), пришло Смотрицкому говорить и въ синтаксисѣ простомъ. И послѣднее являлось вполнѣ естественнымъ: нѣкоторыя изъ названїй, которыя даетъ Смотрицкїй отступленїямъ, повидимому, говорятъ о внесенїи въ образный синтаксисъ элементовъ несинтаксическихъ, напримѣръ, синекдоха и проч., но, если всмотрѣться, то окажется, что подъ подобными названїями кроются дѣйствительно синтаксическія явленїя, не заключающїя въ себѣ ничего противъ правилъ синтаксиса.

Первое „отступленїе“—„просѡесисъ“, или „приложенїе“, несоблюденїе правилъ синтаксиса, Смотрицкїй видитъ въ томъ, что два или болѣе существительныхъ соединяются безъ союза для обозначенїя одного предмета (см. о томъ же въ простомъ синтаксисѣ л. 298 об.). Второе отступленїе является извращенїемъ примѣненїя термина синекдохи, подъ это опредѣленїе подводятся такїе примѣры, какъ: Ахиллей скорь ногама, и отступленїе здѣсь въ томъ, что часть объясняетъ, опредѣляетъ цѣлое (см. также л. 202 об.). Можетъ быть, въ 3-мъ отступленїи можно видѣть чисто формальную, синтаксическую точку зрѣ-

нія: здѣсь говорится о томъ, что собирательныя имена существительныя сочетаются съ прилагательными или членомъ во множественномъ числѣ (ср. о томъ же въ простомъ синт. л. 195 об., 111 об.); 4, 5 и 6 отступленія говорятъ о пропускѣ слова—глагола въ такихъ случаяхъ: *гтыдѣнню прешдолаѣ нечитота, коазни дерзоты; онъ заравткуютъ и ты; гноке твоей оучатга, Гевѣргн—грамматикни...* 7 и 8 отступленія говорятъ о замѣнѣ одного падежа другимъ. (*члѣокѣна вѣбоже видиши, вѣтѣцъ мой вѣтъ; кмѣгто члѣокѣкк*) или одной грамматической категоріи другой (вещь вредно есть клеветати—вм. клевета); 10 отступленіе посвящено изложенію эллинизмовъ (на самомъ же дѣлѣ указываемые здѣсь обороты не являются эллинизмами): *дрѣгъ кѣренъ, оутѣшно вѣтъ ѣ полѣзно*, подразумевается *стажаніе*, такимъ образомъ, по Смотрицкому, *эллипсисъ*; какъ особенность аттического діалекта указываются такія будто бы свойственныя славянамъ выраженія: *каголѣнное лица вмѣсто лица* или въ употребленіе *самъ: и теке сама дѣш...*

Къ образному синтаксису въ грамматикѣ Смотрицкаго присоединено около 2 страницъ „*о чинѣ грамматическѣ*“, гдѣ даны очень короткія правила (всего 10) о порядкѣ словъ (такъ: въ началѣ сочиненія частицы, предлоги—прав. 1, звательный пад., если онъ есть, слѣдуетъ—прав. 2, затѣмъ: именительный пад. передъ глаголомъ, прилагательный передъ существительнымъ и проч.). Эти правила, какъ черезчуръ общія, конечно, не могли вполнѣ характеризовать дѣйствительный порядокъ словъ въ той рѣчи, которая была положена въ основу грамматики Смотрицкаго, но все же давали въ общемъ понятіе объ особенно часто употреблявшихся соединеніяхъ словъ.

Для того, чтобы яснѣе представить содержаніе синтаксиса Смотрицкаго, я дамъ общую схему содержанія этого труда. „Сочиненіе“ имени существительнаго и прилагательнаго проводится вмѣстѣ, такъ какъ для автора ясна близость этихъ частей рѣчи, онъ говоритъ о случаяхъ выступленія имени прилагательнаго въ качествѣ существительнаго. Выставляя извѣстное общее правило, Смотрицкій приводитъ далѣе „престеженія“ и иногда „изъятія“, „оувѣщенія“—такъ строятся обыкновенно главы. Сказавъ объ общихъ положеніяхъ согласованія и особенностяхъ согласованія (я упомянулъ о нихъ ранѣе), объ особенностяхъ прилагательныхъ, Смотрицкій переходитъ къ употребленію падежей, при чемъ болѣе подробно говоритъ о родительномъ падежѣ, дательномъ и творительномъ падежахъ. Далѣе идетъ изложеніе правилъ сочиненія мѣстоименій (указательныхъ, возносительныхъ, возвратительныхъ и др.), о сочиненіи глагола (объ имени-

тельною съ глаголомъ, объ именительномъ послѣ глагола, о родительномъ и другихъ падежахъ, здѣсь же и о падежахъ времени, о числительныхъ и числительныхъ именъ сочиненіи, о собственныхъ именахъ—при обозначеніи „глагола или движенія“, о постановкѣ глаголовъ безъ падежей—„самостоятельныхъ“ глаголовъ, о сочиненіи послѣднихъ съ падежомъ, съ предлогомъ, о сочиненіи глаголовъ (переходительныхъ, дѣстрадательныхъ, неопредѣленныхъ и др.), о сочиненіи дѣепричастій, причастнодѣтій, глаголовъ безличныхъ, причастія, нарѣчія, союза, междометія. То обстоятельство, что Смотрицкій вездѣ говоритъ о сочиненіи, позволяетъ ему стать на болѣе даже научную точку зрѣнія, такъ, напримѣръ, у него нѣтъ ученія объ управленіи предлоговъ падежами, а онъ говоритъ лишь, что извѣстный предлогъ сочиняется съ тѣмъ или инымъ падежомъ.

Въ дальнѣйшемъ, говоря о передачѣ греческаго неопредѣленнаго склоненія съ членомъ (л. 220 об.—222. Ср. 234) славянскимъ *еже* съ неопредѣленнымъ склоненіемъ, Смотрицкій замѣчаетъ, что *еже* не можетъ относиться къ разряду мѣстоименій, а является союзомъ значенія винословнаго, и сравниваетъ его съ малорусскимъ (малорусски) *не хай* (ср. также 234 об., 221—*абы, дабы*). Признавая возможность передачи съ *еже*, Смотрицкій въ то же время считаетъ болѣе „чистой“ передачу безъ *еже* однимъ неопредѣленнымъ склоненіемъ (есть у Смотрицкаго и ссылки на русскій языкъ, „русски сказуему“ л. 130 об.: въ параллель обороту *прежде даже* приводится русское *первое пока*).

Говоря о стеченіи отрицаній въ греческомъ языкѣ (оусугубленіи, трегубленіи, 229 об.—230 об.), Смотрицкій указываетъ на несвойственность усиленій отрицаній славянской рѣчи, при чемъ приводитъ примѣры, на самомъ дѣлѣ искусственные, но которые онъ считалъ болѣе свойственными (такъ, болѣе свойственнымъ ему казался такой оборотъ: ни еди́ну за́повѣдь твою сотвори́хъ вмѣсто: не сотвори́хъ и пр.).

Нѣтъ цѣльности въ ученіи Смотрицкаго о сочиненіи нарѣчій, предлоговъ и союзовъ въ томъ отношеніи, что эти части рѣчи у него смѣшиваются (такъ, нарѣчія у Смотрицкаго сочиняются съ различными падежами, т. е. обладаютъ, такимъ образомъ, свойствомъ предлоговъ, напримѣръ, *без матере, внутрь дому* и пр., или же попадаютъ такія несуразныя сочиненія, какъ: *трьци мѣтомъ*—здѣсь оказывается творительный съ нарѣчіемъ; предлоги, когда „знаменуютъ станіе сочиняются творительному“, при чемъ приводятся такіе при-

мѣры: во ꙗркви, на камени—отнесенные ошибочно къ творительнымъ падежамъ, къ союзамъ отнесены *ради, дѣла*, сочетающіеся съ родительнымъ падежомъ, 227 об.—234 об.).

На первыхъ же страницахъ мы находимъ такія правила, какъ постановку прилагательнаго въ среднемъ родѣ множ. числа при неодушевленныхъ предметахъ различныхъ родовъ, напримѣръ: гнѣвъ, мрость, наматозлобіе вредна суть, или употребленіе род. пад. мн. ч. въ такихъ случаяхъ, какъ: высѣкая древесъ падѣша (вм. древеса). Особенной искусственностью отличается установлеше въ параллель греческимъ формамъ на εον, латин. герунд. на diu такихъ славян. формъ, какъ *носительно, уповательно* и пр. (223 об.—224). Проводя параллели, Смотрицкій видитъ грецизмы тамъ, гдѣ ихъ совершенно не было (такъ, напр., л. 196: употребленіе средняго рода въ такихъ случаяхъ: *злаку травному... дождь маіа полезно есть*, здѣсь можно было бы сравнить съ тѣмъ эллипсисомъ, о которомъ говоритъ Смотрицкій въ „образномъ“ синтаксисѣ; затѣмъ 200 об., 123 об., 126). Но съ другой стороны, Смотрицкій указываетъ и особенности славянской рѣчи сравнительно съ „греческими діалектами“. Эта сторона труда Смотрицкаго, его сличенія, дѣлаетъ его трудъ особенно интереснымъ: получается своего рода изслѣдованіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ, изслѣдованіе иногда совершенно неумѣлое, но уже обнаруживающее въ авторѣ вдумчивость, наблюдательность. Интересно также и то, что для ряда приводимыхъ примѣровъ Смотрицкій указываетъ и источники, коими онъ пользовался. Вотъ отличія славянскаго синтаксиса отъ греческаго: свойство обращенія существительнаго въ прилагательное въ подобныхъ случаяхъ, какъ—*начала премудрости страхъ* Гдѣнъ вм. Гдѣа, но если при словѣ Гдѣа стояло бы прилагательное, то форма родительнаго падежа должна была бы остаться; на листахъ 104, 105, 106 помѣщено разсужденіе съ параллельными церковно-славянскими и греческими текстами о разномъ согласованіи „возносительнаго“ мѣстоименія, о согласованіи въ славянскомъ съ сказуемымъ придаточнаго предложенія; непосредственно за этимъ замѣчается сходство въ греческомъ и славянскомъ относительно употребленія возносительнаго мѣстоименія предъ тѣмъ словомъ, къ которому оно относится, или даже безъ него: *вонъ же аще день... іаже подобаетъ...* и пр. Говоря о членѣ, Смотрицкій обращаетъ вниманіе опять на разницу въ данномъ случаѣ между греческимъ и славянскимъ языками. Различая членъ „подчинный“—*о, ѣ, то* и „подчинный“, Смотрицкій указываетъ на то, что употребленіе въ славянскомъ языкѣ перваго въ томъ видѣ, какъ въ

греческомъ, вносить „сматеніе“. Здѣсь Смотрицкій снова обращается къ примѣрамъ. Не выдѣляя греческаго члена въ особую часть рѣчи, а называя его „мѣстоименіемъ“, Смотрицкій проводитъ здѣсь мысль о необходимости отдѣлять то, что свойственно греческимъ діалектамъ или славянской рѣчи, о необходимости изслѣдовать послѣднюю. Такимъ образомъ совершенно неправильно высказываемая мысль, что въ славянскомъ языкѣ Смотрицкій видѣлъ „почти что діалектъ греческаго языка“ (Будиловичъ, М. В. Ломоносовъ, 69). „Догѣбитъ намъ кѣтъна слакѣнскаго діалѣкта тѣлѣта сотворити, не ѣмже ѡкразѣ свѣйткѣнна тѣ Грекѣ сѣтъ ѣ намъ слакѣнонѣ быти. Ёллинскомѣ во діалѣктѣ тѣхѣх ѡупотрекѣніе предчѣннѣ ѣзрадѣнѣ, лѣпота ѣсть ѣ многоа ѣнерѣга (дѣйтко ѣли сила), слакѣнскѣ же многоа пѣшемъ рѣзѣма ѡврачѣніе, ѣ Бочинѣна Грамматѣчна сматѣніе“ (206 об.). Смотрицкій указываетъ на ошибочность передачи въ переводахъ греческихъ причастій съ членомъ русскими подобными же оборотами (т. е. прич. съ мѣстоимен.), говоритъ о необходимости въ такихъ случаяхъ пользоваться славянскими причастіями полного окончанія, говоритъ также о передачѣ греческаго причастія изъяснительнымъ наклоненіемъ въ славянскомъ языкѣ. Здѣсь особенно необходимо подчеркнуть филологическое чутье Смотрицкаго, такъ какъ онъ свободно могъ бы быть въ данныхъ случаяхъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ полнымъ подражаніемъ греческимъ образцамъ, которое онъ находилъ въ своихъ матеріалахъ.

Разсматривая ученіе Смотрицкаго о стихосложеніи, проф. Перетцъ (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы т. I въ Зап. Ист.-фил. фак. Импер. С.-Петербург. унив., ч. 54, в. 2, стр. 27) высказалъ мысль, что Смотрицкій „не остался внѣ вліянія“ извѣстной въ то время грамматики Альвара, эта мысль была подтверждена нѣкоторыми параллелями. Сличая синтаксисъ въ обѣихъ грамматикахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что Смотрицкій пользовался грамматикой Альвара; это наглядно сказывается особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но пользованіе довольно удачно скрывается, можетъ быть, благодаря желанію самого составителя сдѣлать это, а можетъ, благодаря тому, что онъ пользовался различными источниками и при пользованіи ими, несомнѣнно, дѣлалъ собственныя комбинаціи.

Приведу параллели.

1-е правило у Смотрицкаго говоритъ о согласованіи именъ прилагат., мѣстоим. и пр. съ именами существительными. Послѣ этого

Объ этомъ же говоритъ *praeceptum II* у Альвара, послѣ этого правила слѣдуетъ также *arrendix*:

правила слѣдуютъ такого рода „пристеженіа“:

а. **Въществительнаа, соуза частіцми сопряженнаа, многѣжды множественное притѣжѣтъ Прилагательное: іѣкв...**

б. **Единственное Прилагательное, многѣ различныхъ родовѣхъ Вшествительнымъ припрѣгаемое, ближайшемъ согласовати въ родѣ, числѣ, ѣ падежи, держитѣ іѣкв, безуміе твоѣ, презорѣ, и гордогѣ тѣготна ми ѣтъ.**

1. Substantiva conjuncta fere adjectivum multitudinis requirunt...

Quodsi adjectivum singularis sit numeri, cum viciniorе substantivo genere, numero & casu contentiet. Q. Cic. de petit. Cons. *Multorum arrogantia, multorum superbia, multorum odia ac molestia perferenda est* (стр. 247).

Въ дальнѣйшихъ — 3, 4, 5 пристеженіяхъ говорится о томъ же, о чемъ и въ 2, 3, 4 прибавленіяхъ у Альвара, съ небольшою лишь разницею. Затѣмъ отмѣчу въ общемъ по пагинаціи тѣ мѣста, въ которыхъ замѣчается сходство. У Альвара—313 (гр. II), у Смотрицкаго—рѣи (пр. ѣ), 313 (нач.)—рѣ8 об. (пр. ѣ), 320 (2, нач. формулировки правила на стр. 319)—рѣа (пр. ѣ, интересны тожественные термины „радуются—gaudent“ въ смыслѣ: требуютъ, хотя *gaudent* въ такомъ же смыслѣ употребляется и въ другихъ грамматикахъ), 323—гѣ (4), 331 (гр. 1)—гѣ (гл. ѣ), 245—гѣ, 246—гѣ, 259—гѣ (о есмь), 270—гѣ об., 286—гѣ об., 247, 291, 315—гѣз, 344—гѣз об. За ученіемъ о простой „конструкціи“ у Альвара идетъ глава de figurata constructione, т. е. соотвѣтствіе „образному“ синтаксису—Смотрицкаго. Въ этой (20-й гл., 356—360) мы находимъ также общія мѣста въ ученіи о Zeugmѣ, силлещисѣ и пр. Провождая мысль о томъ, что въ числѣ своихъ пособій Смотрицкій имѣлъ грамматику Альвара, я опираюсь не только на сходствѣ содержанія тѣхъ или иныхъ правилъ; это сходство могло, конечно, вытекать изъ одинаковости матеріала, изъ установленности уже извѣстныхъ грамматическихъ рамокъ, нѣкоторыхъ формулировокъ. Для меня особенно было важно то, что Смотрицкій обнаруживалъ заимствованія въ такихъ частностяхъ, которыя прямо указываютъ на непосредственный источникъ. На приведенныхъ выше параллеляхъ мы можемъ замѣтить слѣдующую особенность: примѣръ, приводимый Смотрицкимъ, похожъ на примѣръ у Альвара. Приводя примѣры, Альваръ ссылается на источники, на различныхъ авторовъ, у Смотрицкаго очень часто мы видимъ тѣ же примѣры съ измѣненіемъ, иногда примѣнительно къ нуждамъ славянскаго языка, иногда безъ измѣненій и, конечно, у же

безъ указаній источниковъ. Зато въ другихъ случаяхъ Смотрицкій поступаетъ подобно Альвару, когда пользуется славянскими текстами— онъ дѣлаетъ ссылки.

Сличеніе грамматики Смотрицкаго съ грамматикой Ласкариса въ отдѣлѣ синтаксиса и отчасти сличеніе общее заставляетъ меня совершенно отрицательно отнестись не только къ мнѣнію Будиловича— „Смотрицкій иногда рабски придерживался своего прототипа „Греческой грамматики“ Ласкариса“ (М. В. Ломоносовъ... 68; повтореніе этого мнѣнія находимъ въ другихъ трудахъ, напримѣръ, у Чудинова Фил. Зап. 71 г. III, 181, 177), но и къ болѣе смягченному мнѣнію проф. Студинскаго („Адельфотѣс“... Записки наук. товарищества имени Шевченка, т. VII, 42)—„при переглядѣ жерел, якими Смотрицкій користувався при списуваню свого твору, не треба випускати з очий такожъ грамматики Ласкариса“. Для того, чтобы выставить мнѣніе, подобное выставленному Будиловичемъ, совершенно недостаточно тѣхъ данныхъ, которыя находимъ у него: сходство въ общемъ въ 2—3 мѣстахъ еще ничего особеннаго не говоритъ. Противъ 2-го мнѣнія, по существу своему, повидимому, такого объективнаго и понятнаго, я высказался потому, что нахожу его стоящимъ во внутренней, незамѣтной сразу, связи съ первымъ: проф. Студинскій въ концѣ своей статьи объ Адельфотѣсѣ дѣлаетъ заключеніе о заимствованіи нѣкоторой части Смотрицкимъ изъ этой грамматики, и послѣ этого заключенія проф. Студинскій, какъ бы не желая умалить значенія особенно грамматики Ласкариса какъ источника, и высказываетъ приведенную выше фразу.

Въ разборѣ грамматики Смотрицкаго Засадкевичъ въ своемъ спеціальному изслѣдованіи (Мел. Смотрицкій, какъ филологъ. Од. 83 г. глав. III) ограничивается общими фразами о зависимости этой грамматики отъ грамматикъ греческихъ, совершенно не предпринимая для обслѣдованія этого вопроса болѣе детальнаго анализа. О синтаксисѣ Смотрицкаго говорится лишь нѣсколько словъ, при чемъ снова повторяется общая мысль о зависимости отъ греческихъ грамматикъ. Указывая на эту неполноту, недопустимую въ спеціальному изслѣдованіи, я въ то же время долженъ сказать, что въ общей оцѣнкѣ значенія грамматики Смотрицкаго, той роли, которую она сыграла въ дальнѣйшемъ, Засадкевичъ стоитъ на гораздо болѣе правильной дорогѣ, чѣмъ Будиловичъ, слишкомъ низко ставившій Смотрицкаго какъ филолога. При своей оцѣнкѣ Засадкевичъ въ общемъ держался взгляда, высказаннаго Каченовскимъ, въ его „Историческомъ взглядѣ на грам-

матики славянскихъ нарѣчій“ (въ Труд. Общ. Люб. Росс. Слов. ч. IX). Давая въ общемъ болѣе правильную оцѣнку, Засадкевичъ въ отдѣльныхъ пунктахъ этой оцѣнки былъ неправъ именно благодаря отсутствію въ изслѣдованіи его болѣе частичнаго анализа, такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Смотрицкій „уничтожилъ“ членъ, какъ несвойственный славянскому языку, что Смотрицкій „ввелъ“ въ славянскую грамматику „ученіе о видахъ“ (98) и пр.

Грамматика М. Смотрицкаго оказала несомнѣнное вліяніе на изданныя позже—въ концѣ XVII и XVIII столѣтія—грамматики церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

Первой грамматикой русскаго языка является грамматика, написанная на латинскомъ языкѣ Лудольфомъ и изданная въ 1696 г. въ Оксфордѣ. (*Henrici Wilhelmi Ludolfi grammatica Russica quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam*)...

Объ этой грамматикѣ имѣются кое-какія свѣдѣнія въ нашей научной литературѣ, но нельзя сказать, чтобы свѣдѣнія эти были точны. Такъ, напримѣръ, Балицкій (Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія. Кіевъ. 1876 г., стр. 14) указываетъ, что Лудольфъ использовалъ въ своей грамматикѣ грамматику Смотрицкаго „по своему крайнему разумѣнію“, снабдивъ получившуюся компиляцію промахами и ошибками, что грамматика Лудольфа ограничивается только этимологіей и практическими приложеніями (Ср. также Каченовскаго „Историческій взглядъ на грамматики славянскихъ нарѣчій“ въ Трудахъ общества Люб. Росс. Слов. часть IX. Чудинова. О препод. отеч. языка, Фил. Зап. 71 г., III, 186—8. Въ предисловіи Добровскаго къ грамматикѣ Пухмайера—*Lehrgebäude der Russischen Sprache*. Prag, 1820, XIX—XX—находимъ очень краткую замѣтку съ осторожнымъ указаніемъ о пользованіи Лудольфомъ при составленіи склоненій и спряженій слав. грамматикой Смотрицкаго, о чемъ говоритъ и самъ Лудольфъ).

Небольшая грамматика Лудольфа (42 стр.) любопытна прежде всего, какъ первый опытъ систематизаціи главныхъ элементовъ чисто народнаго языка. Авторъ въ этомъ случаѣ былъ пионеромъ. Лудольфъ зналъ, что въ Россіи литературнымъ языкомъ является языкъ славянской; создавая свою грамматику, онъ высказывалъ такое пожеланіе: *Forsan hoc specimen Russos persuadebit, posse et in vulgari dialecto aliquid imprimi sicuti Nationi Russicae decori et utilitati foret, si*

more aliarum gentium propriam linguam excolere atque bonos libros in ea edere conarentur... (praefatio—въ концѣ). Не безъ крупныхъ ошибокъ, иногда даже курьезныхъ, эта грамматика передавала все же главные основы русскаго языка, авторъ проводилъ, насколько могъ конечно, разницу между языкомъ русскимъ и славянскимъ.

Синтаксиса, какъ отдѣльной части, у Лудольфа нѣтъ, но есть зато цѣлый рядъ указаній, относящихся къ синтаксису. Я приведу цѣликомъ эти указанія: они заслуживаютъ этого уже потому, что въ ихъ формулировкѣ—первыя попытки нашего синтаксиса.

На стр. 13 Лудольфъ говоритъ о сохраненіи двойственнаго числа въ русскомъ языкѣ и объ употребленіи формъ двойственнаго числа послѣ числительнаго *три* и *четыре*.

H

(На стр. 14) Cum verbo звѣ et verbo вѣ v. g. иваномъ меня зовѣ vocant me Johannem, i. e. nomen mihi est Johannis. онъ по-словомъ былъ во французской землѣ. fuit legatus in Gallia.

Стр. 14. In idiotismis nonnullis Russicis. *я простъ своими денгами omni mea pecunia orbatus sum* а скуденъ денгами pecunia indigeo. не погнушай са нашимъ кушеніемъ nolī spernere nostros cibos.

Стр. 14. Genetivo utuntur interdum loco nominativi post particulam negativam *нетъ* v. g. *нету таково члвчка которой все знаетъ* non datur talis homo qui omnia scit.

Стр. 14—15. Quantitatem indeterminatam quoque more Gallicae linguae per genetivum exprimunt. ut. *дай мнѣ хлѣба* da mihi panem. Germanice *gebt mir brod.* *дай мнѣ хлѣбъ* significat da mihi totum panem. Germanice *gebt mir das brod.*

Стр. 15. Genetivus quoque post comparativum ponitur *онъ старши братъ моево* ille senior est quam frater meus.

Стр. 15. Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto Vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quae ipsis Slavonice tradita fuit. ut. *Боже помилуй* miserere Deus.

Стр. 19. Accusativus singularis masculini similis est Nominativo quando construitur cum Substantivo rei inanimatae а *кутилъ доброй ножикъ*.

Стр. 20. Quando Adjectivum solum ponitur sine Substantivo, ultima vocalis Nominativi singularis masculini adjicitur; ut *учонной человекъ* homo doctus *кажетъ са мнѣ что онъ не учонъ* videtur mihi quod ipse non sit doctus.

Стр. 23. Notandum quod *sвои* sit possessivum tam primae et secundae, quam tertiae personae. pro ratione verbi praecedentis. v. g. *держу въ свои руки* teneo in manu mea. *ты держиши въ свои руки* tu tenes in manu tua. *онъ держитъ въ свои руки*...

Глава 1-я разговоровъ (стр. 43) озаглавлена: *в сочиненіи предлога*. Начинается такъ: где ты былъ. у брата моего, у сѣстрѣ твоеи. ѡткуди придешиъ.....

Въ изданной въ 1723 г. грамматикѣ Максимова (Грамматика Благенская къ кратцѣ говоранна къ Грекоблагенской школы Таже къ великимъ Новгородѣ.....) хотя и довольно страницъ посвящено синтаксису, но для изслѣдователя эти страницы не представляютъ особаго интереса, такъ какъ заимствуются правила изъ предыдущихъ трудовъ, главнымъ же образомъ изъ синтаксиса у Смотрицкаго.

Вторая по времени русская грамматика была также написана не на русскомъ языкѣ, хотя уже русскимъ ученымъ. Это была небольшая, всего въ 48 страницъ, грамматика на нѣмецкомъ языкѣ, приписываемая Адоурову и изданная какъ приложение къ нѣмецко-латинско-русскому словарю, изданному Академіей Наукъ въ 1731 г. (Deutsch-Lateinisch-und Ruzsisches Lexicon samt denen Anfangs-Gründen der Ruzsischen Sprache...). Въ „Начальныхъ основахъ“ синтаксису посвящена послѣдняя глава, раздѣленная на 12 §§ и заключающая всего 2 страницы (46—48).

Я бы не сказалъ, что грамматическій опытъ этотъ представляетъ собою лишь „извлечение“ изъ грамматики Смотрицкаго, какъ то было высказано Будиловичемъ (М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, 70). Сравнивая страницу за страницей, мы убѣждаемся въ томъ, что авторъ „Началъ“ во многомъ шелъ по иному пути, что онъ вносилъ совершенно новый матеріалъ и въ этомъ матеріалѣ умѣло разбирался. И общее отношеніе къ нѣкоторымъ важнымъ грамматическимъ вопросамъ здѣсь также иное.

Въ подтвержденіе сказаннаго я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторые данныя.

„Начал. основы“ дѣлятся на 11 главъ, и въ эти 11 главъ вложено по содержанию то, что заключаютъ въ себѣ 3 части грамматики у Смотрицкаго (орфографія, этимологія, синтаксисъ; 4-я часть просодія). Говоря о русскомъ алфавитѣ, Адоуровъ указываетъ на возможность выбросить нѣкоторыя буквы (насчитываетъ онъ въ русскомъ алфавитѣ

41 букву, у Смотрицкаго—40); въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Адодуровъ прокладываетъ путь для Ломоносова. Предназначая, очевидно, „начала“ главнымъ образомъ для иностранцевъ, Адодуровъ стремился дать точное обозначеніе произношенія каждой буквы русскаго алфавита, прибѣгалъ для этого къ сличенію съ произношеніемъ особенно нѣмецкихъ словъ, отчасти словъ другихъ языковъ, напримѣръ, польскаго, французскаго. Для примѣра отмѣчу: В wie ein W, aber bald hart, bald sanft, nachdem es zu Anfang einer Silbe oder am Ende stehet. Als Вода liess Woda, ровъ liess Roff (стр. 3). Говоря о *и*, Адодуровъ замѣчаетъ, что въ русскомъ алфавитѣ недостаетъ знаковъ какъ для обозначенія двоякаго произношенія этого звука, такъ и для произношенія нѣкоторыхъ другихъ звуковъ (очевидно, подразумѣвается прежде всего *й*). Интересна подмѣченная черта произношенія *и*, хотя въ данномъ случаѣ Адодуровъ имѣлъ предшественниковъ, на что онъ и самъ указываетъ (у Смотрицкаго есть также различіе *и* и *Г*, но послѣднее Смотрицкій считалъ заимствованнымъ изъ греческаго, какъ *ξ*, *ψ* и др., стр. 5, изд. грам. 1721). Для отгѣненія разницы отношенія къ звукамъ у Адодурова и Смотрицкаго можно указать на опредѣленіе звука, передаваемого буквами *и*, *і*: Адодуровъ считаетъ ихъ по произношенію одинаковыми, разницу въ написаніяхъ объясняетъ только правилами орфографіи (стр. 3, 4), Смотрицкій видитъ разницу въ произношеніи (стр. 6 об).

Наименѣе разработанъ у Адодурова синтаксисъ; на это уже ясно показываетъ самый объемъ этого отдѣла, крайне незначительный. Опредѣляя въ началѣ задачу синтаксиса какъ ученія о правильномъ составленіи рѣчи, Адодуровъ замѣчаетъ, что есть правила, которыя свойственны всѣмъ языкамъ. Изложеніе послѣднихъ правилъ онъ, какъ говорить самъ, и даетъ въ заключеніе „начальныхъ основъ“. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ число данныхъ у Адодурова немногихъ правилъ вошли правила, которыя могли быть примѣнены къ русскому языку, но, напримѣръ, не къ латинскому, греческому и др. Это особенно сказалось въ § 5, въ которомъ говорится о такихъ случаяхъ, какъ *онъ будетъ архiereемъ*, или § 6—о родительномъ падежѣ при глаголахъ съ отрицаніемъ, или въ § 11. Я приведу цѣлкомъ этотъ §, какъ образчикъ другихъ §§: Diejenigen Lateinischen Redens-Arten, bei welchen der Accusativus durch den Infinitivum regieret wird, pflegen in der Russischen Sprache mit dem Nominativus in gleichem Tempore, Numero und Persona und der Particula что dass, construiert zu werden als: я думаю что тебѣ сіе мое письмо ненепріятно

будеть, ich meine, dieser mein Brief werde dir nicht unangenehm sein.

Первые два §§ въ нѣсколькихъ словахъ говорятъ о согласованіи имени прилагательнаго и мѣстоименія относительнаго съ именемъ существительнымъ. § 3 излагаетъ то, о чемъ болѣе подробно, какъ объ особенности славянскаго языка, говорить Смотрицкій (197—8), о переходѣ имени существительнаго въ прилагательное въ такихъ случаяхъ, какъ книга Цицеронова, но дворъ челоуѣка знатнаго. § 4 по содержанию соответствуетъ сказанному у Смотрицкаго на стр. 210, но по формѣ нѣтъ:

Смотрицкій:

Именительный глау личному навлоченіа шпредѣленнаго члвкѣ или тѣи предложѣный, соглагуетъ ѣму въ родѣ, числѣ, и лицѣ: члво, члвонн соткорн нѣтъ нѣо и зѣмаю...

Адодуровъ:

Das Verbum Personale, wenn es Finiti Modi ist, regieret einen Nominativum, welcher im gleichen Numero und Persona dem Verbo vorherstehet, oder kürzter, wo man wer fragen kan, folget der Nominativus, als я читаю ich lese, ты сидишь du sitzest, онъ пишетъ er schreibt, дѣти играютъ die Kinder spielen.

Обратить также нужно вниманіе на прибавку у Адодурова oder kürzter... Если же мы сравнимъ § 6, въ которомъ говорится объ управленіи глаголомъ винительнаго падежа, съ тѣмъ, что находимъ у Смотрицкаго (листы 212—3), то найдемъ какъ-то болѣе цѣльности въ правилахъ Адодурова. Говоря о винительномъ падежѣ при глаголахъ, Адодуровъ прибавляетъ, какъ и относительно именительнаго, wobei die Frage WAS geminiglich vorkommt (въ § 9 относительно дательнаго WEM). И въ § 7—объ управленіи глаголомъ страдательнаго залога родительнымъ падежомъ съ предлогомъ *отъ* или только творительнымъ—замѣтна указанная ранѣе разница въ изложеніи съ Смотрицкимъ. §-фу 7-му (о томъ, что всякій глаголь можетъ сочетаться съ предлогомъ и зависящимъ отъ послѣдняго падежомъ) можно привести изъ Смотрицкаго лишь отчасти аналогичное мѣсто (л. 233).

Если § 12 очень схожъ съ тѣмъ, что говоритъ Смотрицкій на 223, 226 листахъ (объ управленіи причастій и дѣепричастій такими же падежами, какъ соотвѣтственныхъ имъ глаголовъ), то § 10 излагаетъ правило совсѣмъ иначе, чѣмъ у Смотрицкаго.

Смотрицкій (л. 217):

Адодуrowъ:

Ко вопрошенію вѣременному, когда
вѣщаваетъ Родительный: Тако, насто-
щаго дне родила: Ко вопрошенію, до-
болѣ; вѣщаваетъ кинительный...

Auf die Frage *Wie lange?* wird
der *Accusatiuus* ohne *Praeposition*
gebrauchet, als: Твой отецъ жилъ
сорокъ лѣтъ...

Начало приведеннаго § изъ Адодуrowа заканчивается грамматиче-
скими наблюденіями, соответствія которымъ нѣтъ у Смотрицкаго:

Es kann auch der *Accusatiuus* mit der *Praeposition* во oder въ, und
чрезъ *construiet* werden, als: ты во всю ночь не спалъ oder ты чрезъ
всю ночь не спалъ... онъ во весь день... онъ сіе дѣло въ два дни
oder чрезъ два дни... Hiebei ist zu merken, dass die Ausdrückung mit
der *Präposition* чрезъ nicht so schön klinget, als diejenige, wobel man
die *Präposition* во gebrauchet.

Мнѣ, кажется, удалось найти тотъ трудъ, которымъ особенно
воспользовался Адодуrowъ при составленіи своихъ синтаксическихъ
правилъ. Это грамматика іезуита Альвара, пользовавшаяся распростра-
неніемъ особенно въ Польшѣ. Если мы раскроемъ *Praecepta aliquot de*
Constructione (см. 185 — 189 стр. изд. 1766 г. *Emmanuelis Alvari e*
societate Jesu de Institutione Grammatica. Brunsbergae), то прежде
всего бросится въ глаза дѣленіе на кратенькіе §§ съ обозначеніемъ
римскими цифрами, хотя ранѣе и потомъ дѣленіе иное. То же мы
находимъ у Адодуrowа. Кромѣ этого, краткость этой части сравни-
тельно съ другими, опять то же у Адодуrowа. Но что особенно важно,
сходство обнаруживается въ изложеніи и порядкѣ изложенія правилъ.

Alvari.

Адодуrowъ.

Praeceptum I.

I.

Substantivum nomen concordat
cum Adjectivo in genere, numero,
& casu...

Muss das *Adjectivum* mit dem
Substantivo übereinkommen in glei-
chem *Genere, Numero* und *Casu...*

Pr. II.

II.

Relativum Qui... *cobaeret cum*
antecedente in genere & numero...

Muss das *Pronomen Relativum*
mit dem vorhergehenden *Sustantivo*
im *Genere* und *Numero* überein-
stimmen...

Pr. III.

III.

Verbum personale finiti modi

Das *Verbum Personale*, wenn

<p>postulat ante se Nominativum ejusdem numeri, & personae</p>	<p>es finiti modi ist, regieret einen Nominativum, welcher im gleichen Numero und Persona dem Verbo vorherstehet...</p>
--	---

§ III въ синтаксисѣ Адодурова, сходство котораго я отмѣчалъ съ сказаннымъ на стр. 210 въ грамматикѣ Смотрицкаго, имѣетъ нѣкоторое сходство съ § VII у Альвара. Затѣмъ параллели въ дальнѣйшемъ: Адод. § VI — Альв. VIII, VII—IX, VIII — XI, IX — XII, X—XIII, XII—XV. Сходство въ этихъ §§ большее или меньшее. § XI Адодуровъ представляетъ, повидимому, также примѣненіе и измѣненіе § IV объ Accusat. cum infinitivo. Важно отмѣтить то, что Адодуровъ, иногда очень близко передавая текстъ источника, дѣлалъ примѣненія правилъ къ употребленію въ русскомъ языкѣ и отмѣтилъ извѣстную разницу.

Впрочемъ, я долженъ нѣсколько оговориться: пользованіе Адодурова Граесерт'ами, приведенными у Альвара (послѣдній самъ заимствовалъ ихъ), представляется мнѣ вполне вѣроятнымъ въ силу распространенности грамматики Альвара.

Сдѣланный анализъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) грамматическій трудъ, приписываемый Адодурову, не представляетъ собою сокращенія грамматики М. Смотрицкаго, какъ то проводится въ нашей научной литературѣ¹⁾. 2) Въ исторіи русской грамматики трудъ этотъ долженъ считаться непосредственнымъ предшественникомъ грамматики Ломоносова не только по времени, но и по умѣлому пользованію фактами чисто русскаго языка. 3) Въ краткомъ отдѣлѣ, посвященномъ синтаксису, Адодуровъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ правилъ классическаго міра о конструкціи, которыя приведены были въ грамматикѣ Альвара (*Praecepta aliquot de constructione Tyronibus ediscenda*).

Уже Калайдовичъ (Іоаннъ Эксархъ Болгарскій, 120—2) отмѣтилъ достоинства труда Крижанича, сопоставилъ и сравнилъ нѣкоторые его наблюденія съ тѣмъ, что дала позднѣйшая разработка русскаго

¹⁾ Въ дополненіе къ тому, что сказано о мнѣніи Будиловича, можно привести еще данныя изъ новѣйшаго сочиненія проф. Булича — Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, стр. 324: „Краткая русская грамматика... составленная по грамматикѣ М. Смотрицкаго и приписываемая В. Е. Адодурову“. (Ср. также сказанное у проф. Булича на стр. 213, очевидно, опять подъ вліяніемъ изслѣдованія Будиловича).

языка въ трудахъ Востокова (относительно различія прилагательныхъ усѣченныхъ, по Крижаничу „простыхъ“, и сложныхъ, по Крижаничу „изрядныхъ“, Востокова прим. 53) и Болдырева (относительно видовъ: Крижаничъ дѣлилъ глаголы на 3 вида — однократный, многократный неопредѣленный; а также относительно будущаго времени). Высоко было оцѣнено значеніе труда Крижанича Бодянскимъ, издавшимъ въ Читеніяхъ Общества Ист. и Древ. (1848 г. № 1, 1859 г. № 4) Грамматично Изказанје, а также Шафарикомъ (*Geschichte d. südslav. Liter.*, 103). Я уже упоминалъ о мнѣніи Будиловича. Въ спеціальномъ изслѣдованіи А. Маркевича „Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность“ (Варшава 1876 г., изъ Варш. Ун. Изв.) есть глава, посвященная вопросу: „Грамматика Юрія Крижанича; значеніе ея и сравненіе съ грамматикой Мелетія Смотрицкаго“ (161—197), въ которой авторъ высказываетъ такое общее положеніе: „грамматично изказанје“—первый примѣръ у насъ критической грамматики, а потому оно стоитъ выше, не говоря уже о грамматикѣ Лаврентія Зизанія, труда Мелетія Смотрицкаго“ (167). Въ этомъ положеніи нельзя не замѣтить преувеличенія значенія грамматики Крижанича, вытекшаго изъ недостаточнаго сравненія съ трудомъ М. Смотрицкаго и изъ недостаточной оцѣнки этого послѣдняго труда. Въ сущности, до сихъ поръ у насъ нѣтъ настоящей оцѣнки грамматики М. Смотрицкаго и нѣтъ обстоятельнаго обслѣдованія отношенія къ этому труду послѣдующихъ трудовъ грамматическихъ. Если характеризовать грамматическіе труды Смотрицкаго и Крижанича со стороны начатковъ научности, со стороны болѣе правильныхъ критическихъ пріемовъ, Смотрицкому надо отдать предпочтеніе. У Крижанича прежде всего бросается въ глаза нѣкоторая тенденціозность, полемичность, вся постановка труда неправильна уже потому, что въ основу клался несуществующій языкъ. Въ то же время нельзя отрицать и у Крижанича разносторонности лингвистическихъ познаній, но завладѣвшая имъ идея не позволяетъ ему часто правильно разобраться въ различныхъ вопросахъ. Если у Смотрицкаго мы лишь отчасти замѣчаемъ вымышленныя правила, да и то подъ вліяніемъ образцовъ иностранныхъ, у Крижанича подобныя правила — цѣлая система: личный произволь у него господствуетъ. Впрочемъ, это и вытекаетъ изъ его желанія сдѣлать изъ русскаго языка языкъ всеславянскій, и идя навстрѣчу этой идеѣ, Крижаничъ производитъ въ языкѣ такую ломку, которая совершенно была недорустима для Смотрицкаго, ограничившагося въ общемъ наблюденіемъ имѣвшагося матеріала.

Въ мою задачу не входитъ сравнительная оцѣнка всего Грамматическаго изказанія съ Синтагмой, но для опредѣленія достоинствъ синтаксиса у Крижанича мнѣ необходимо было произвести эту сравнительную общую оцѣнку и отмѣтить несправедливо установившуюся переоцѣнку труда Крижанича сравнительно съ трудомъ Смотрицкаго. Сравненіе показываетъ, что Крижаничъ широко пользовался работой Смотрицкаго и лишь иногда дѣлаетъ объ этомъ упоминапія.

Синтаксисъ изложенъ у Крижанича не только въ 16-ой главѣ, какъ отмѣчено у Маркевича (цит. соч., 195, хотя ср. 194), но синтаксическіе вопросы затронуты и въ 15-й главѣ, при чемъ нѣкоторые вопросы, изложенные въ послѣдней, снова возбуждаются въ 16-ой главѣ. § 5-й 5-ой главы въ большей своей части содержитъ ученіе о ненужности „артра“, о лишнемъ употребленіи *иже, еже*, согласно греческимъ образцамъ (ср. § 10 той же главы). То же самое, но въ большемъ размѣрѣ и съ ссылкой на Смотрицкаго, излагается въ §§ 9 и 10 6-ой главы. Разница съ Смотрицкимъ не по существу, а лишь въ количествѣ приводимыхъ примѣровъ. § 4-й VI главы—объ имену зъ Ричиною имѣетъ источникомъ то, что говорится у Смотрицкаго на стр. 210—211 (съ выпущеніемъ о двойств. числѣ) и 219 об. (о томъ, что неопред. имѣетъ предъ собою винит. падежъ—*accus. cum infin.*). Говоря объ употребленіи *accus. cum infin.*, Крижаничъ замѣчаетъ, что для насъ болѣе обычны обороты съ союзомъ *иже*. Въ § 7-мъ 5-й главы Крижаничъ говоритъ объ опущеніи въ переводахъ отрицанія *не* соотвѣтственно греческому тексту (въ такихъ случаяхъ, какъ: ничтоже ме лишитъ) и о перестановкѣ отрицанія *не*. Этотъ § даетъ болѣе правильное пониманіе даннаго вопроса, чѣмъ то находимъ у Смотрицкаго (229 об.—230 об.). Въ § 8 Крижаничъ говоритъ о пропускѣ вспомогательнаго глагола *јесем, јеси, јест*, а въ § 9 даетъ неудачное объясненіе замѣченному употребленію *јест* вм. *сут* при множ. числѣ—изъ *јесут*, также неудачно замѣчаніе о большей правильности постановки *се* (т. е. ся), въ такихъ случаяхъ: *ісповѣм ти се* (вмѣсто: *ісповѣмса*).

Изъ наблюденій Крижанича въ 5-й главѣ я особенно выдвинулъ бы то, которое даетъ намъ такіе примѣры чисто народныхъ оборотовъ, какъ *грамота дати* и пр., т. е. случаи употребленія имен. пад. вмѣсто винительнаго. Это мѣсто выдѣляетъ и г. Маркевичъ, указывая на то, что въ объясненіи этой формы съ Крижаничемъ сходилса впоследствии П. А. Лавровскій (Марк., цит. соч., 194).

Въ отдѣлѣ согласованія (гл. 16, § 1) у Крижанича находимъ

правила, уже болѣе соотвѣтствующія чисто народному употребленію, чѣмъ то имѣется у М. Смотрицкаго. Крижаничъ не увлекался здѣсь тѣмъ, что даютъ греческій и латинскій языки, а наоборотъ иногда даже отгвнялъ разницу конструкціи этихъ языковъ сравнительно съ славянскими. Крижаничъ вѣрно отмѣчаетъ, что прилагательное, выходящая въ качествѣ существительнаго, часто въ славянскихъ языкахъ ставится въ среднемъ родѣ един. числа, въ латинскомъ и греческомъ въ ср. родѣ множеств. числа. Въ § 2, гдѣ Крижаничъ говоритъ о согласованіи *киъ*, *ѡже*, мы встрѣчаемъ и такое чисто вымышленное наблюденіе, что въ славянскомъ рѣдко сравнительно съ латинскимъ употребленіе этихъ мѣстоименій, а употребляются: *i toi*, *i onъ*, *i sei*, *i oвъ*. § 3 является передачей (безъ упоминанія) и распространеніемъ того, что находимъ у Смотрицкаго (стр. 197—198, 198 об.: относительно перехода род. пад. сущ. въ прилаг. и проч.). О § 4 я уже сказалъ.

Интересно отношеніе Крижанича къ дательному самостоятельному: онъ считаетъ этотъ оборотъ возникшимъ изъ греческаго родительнаго въ силу того, что греческій родительный падежь оканчивался на *оо*, поэтому и въ славянскомъ начали употреблять изъ подражанія форму на *ѡ*, каковая принадлежитъ дательному падежу. Оборотъ дательный самостоятельный Крижаничъ считалъ совершенно несвойственнымъ славянскимъ языкамъ и рекомендовалъ замѣнять его другими оборотами: творительнымъ пад., оборотомъ съ *когда*, *за*, *при* и др.

На правильную точку становится Крижаничъ, когда говоритъ о разницѣ въ употребленіи *толк*, *колик* и пр. для выраженія количества и мѣры съ одной стороны и для выраженія числа съ другой, въ послѣднемъ случаѣ Крижаничъ отмѣчаетъ неправильность перевода греческаго *πόσοι*, *τόσοι* и проч. посредствомъ кулики, тулики, о необходимости употребленія кулико, тулико (также много, мало и проч. § 11).

II.

Въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова, вышедшей въ свѣтъ въ 1757 г. (обозначеніе на первомъ и второмъ изданіи 1755 г. не соотвѣтствовало дѣйствительности), синтаксису отведена сравнительно незначительная часть. Ему посвящено послѣднее „шестое наставленіе“, трактующее о сочиненіи частей слова (термина „синтаксисъ“ у Ломоносова нѣтъ), глава 5-я перваго наставленія—о сложеніи знаменательныхъ частей слова (также можно отнести 4 гл. 1-го наста-

вленія, если включать въ понятіе синтаксисъ — изложеніе значенія частей рѣчи и формъ).

Ломоносовъ, не употребляя слово синтаксисъ, лишь отчасти воспользовался въ данномъ случаѣ тѣмъ, что давалъ Мелетій Смотрицкій: „синтаксисъ есть третія часть грамматики, славенски сочиненіе нарицаемая“... Естественно, что, будучи защитникомъ преимущественнаго употребленія родныхъ словъ, Ломоносовъ стремился, гдѣ возможно, даже въ терминахъ замѣнять ими иностранные. „Сочиненію“ онъ не отводитъ такого мѣста, какъ Смотрицкій, мы видимъ, что „сочиненіе“ у него разбито и не составляетъ по объему того, что находимъ у Смотрицкаго. Въ § 80, начинающемъ 5-ую главу 1-го наставленія, мы находимъ и опредѣленіе предложенія или, какъ выражался въ данномъ случаѣ Ломоносовъ, „рѣчи“ (терминъ „предложеніе“ находимъ у Ломоносова въ риторикѣ): „сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій, производитъ рѣчи, полной разумъ въ себѣ составляющія, чрезъ снесеніе разныхъ понятій. Напримѣръ: *начало премудрости есть страхъ Господень*“. Изъ приведенныхъ Сухомлиновымъ (Сочин. Ломоносова, изд. Ак. Н. т. 4, 109—110 ст.) параллелей изъ возможныхъ источниковъ, которыми могъ пользоваться Ломоносовъ, лишь одно, да и то не совсѣмъ, подходит къ данному опредѣленію (именно изъ Присциана). А я бы выставилъ источникомъ Ломоносовскаго опредѣленія данныя изъ грамматики Мелетія Смотрицкаго. Какъ изъ дальнѣйшаго будетъ видно, Ломоносовъ широко черпалъ изъ этой грамматики, при чемъ придавалъ своимъ заимствованиямъ иной порядокъ. И вотъ въ 1-й части грамматики Смотрицкаго (ореографіи) мы находимъ такое мѣсто: Реченія составляютъ слово: „Есть же слово реченій еложеніе, раздѣлихъ говореніа такающее: ѡкъш, оупокѡхъ на мѣтъ вжю (17 стр.).

О заимствованія здѣсь можетъ говорить и слѣдующее наблюденіе: глава 4-я посвящена у Ломоносова знаменательнымъ частямъ чловѣческаго *слова*, между тѣмъ какъ раньше подъ „словомъ“ подразумевалось слово въ нашемъ пониманіи, а не рѣчь, какъ то болѣе послѣдовательно проведено у Смотрицкаго, который, соответственно своему пониманію слова, какъ предложенія, рѣчи, и называлъ наши части рѣчи—частями слова (ср. грамматика М. Смотрицкаго изд. 1721 г. стр. 17 об. и др.; хотя и Смотрицкій говоритъ о сложеніи словесъ, стр. 1).

§ 81, говорящій о томъ, что среди реченій имени, какъ знаменующему вещь, принадлежитъ первое мѣсто, а глаголу, какъ изъясляющему оныя

вещи дѣянiя“,—второе, является вполне заимствованнымъ изъ латинскихъ грамматикъ (ср. дальше приведенныя цитаты изъ Присциана въ акад. изд. соч. Ломон.). Въ § 82 говорится о томъ, что дѣйствiе можетъ распространяться на другой предметъ или оставаться само по себѣ. Отсюда выводится Ломоносовымъ, что необходимо „для наполненiя разума“, т. е. для полнаго предложенiя. Въ § 83 говорится о томъ, благодаря чему „рѣчь распространяется“: благодаря именамъ прилагательнымъ, прилагательнымъ съ зависимыми отъ нихъ существительными, родительнымъ падежомъ, предлогами. Въ § 84—о пропускѣ иногда словъ или ихъ перестановкѣ. Въ § 85 Ломоносовъ говоритъ, что до сихъ поръ шло дѣло о сочиненiи простомъ, но есть сочиненiе сложное, когда соединяются рѣчи, „полный разумъ содержанiя“, т. е. когда соединяются отдѣльныя предложенiя. „Сiе бываетъ—1) мѣстоименiями возносительными кто, который, тотъ... 2) дѣепричастiями и 3) союзами“. Въ § 86 есть характерное заключенiе ко всему 1-му наставленiю: „общая грамматика есть философское понятiе всего челоувѣческаго слова; а особливая, какова российская, грамматика есть знанiе, какъ говорить и писать чисто российскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленiю“.

Приведенныя заключительныя слова важны при характеристикѣ отношенiя Ломоносова къ грамматическимъ вопросамъ. Несомнѣнно, какъ показали изслѣдованiя Будиловича (Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, С.-Пб. 1869 г., особ. 72—73 ст.) и Сухомлинова (прим. къ соч. Ломон., акад. изд., особ. на 50—53 стр. и слѣд.), Ломоносовъ пользовался тогдашними философскими грамматиками. Отсюда у него и раздѣленiе грамматики по ея существу на двѣ части, при чемъ части какъ-то не связанныя другъ съ другомъ. Последнее особенно ярко обнаруживается, если мы сравнимъ тѣ положенiя, которыя уже рассмотрѣны нами и которыя отнесены Ломоносовымъ къ общей философской грамматикѣ, съ тѣмъ, что уже примѣнительно къ русскому языку находимъ въ шестомъ наставленiи. Положенiя философской грамматики чувствуются особенно въ другихъ мѣстахъ. Это положенiя о той или иной нормѣ въ языкѣ, создавшейся путемъ отвлеченiя главнымъ образомъ отъ данныхъ латинскаго или греческаго языка и примѣняемой къ другимъ языкамъ. Въ сущности, такимъ образомъ на трудѣ Ломоносова замѣтны тѣ же черты, которыя особенно отмѣчались въ цѣломъ грамматическомъ теченiи въ XIX вѣкѣ.

Говоря объ общей части синтаксиса у Ломоносова, я остановлюсь

и на главѣ 4-й 1-го наставленія, трактующей о частяхъ рѣчи и словесныхъ формахъ. Здѣсь мы видимъ такое же, какъ и въ 5-й главѣ, выдѣленіе имени и глагола (§ 40), которые называются знаменательными частями слова, впрочемъ, въ дальнѣйшемъ (§ 46) знаменательными частями слова называются и другія части рѣчи, а (§ 45) имя и глаголь въ отличіе отъ другихъ—главными, прочія части рѣчи—служебными. Отношеніе этихъ послѣднихъ къ имени и глаголу опредѣляется тѣмъ, что всѣ эти части рѣчи „въ сношеніи и въ сокращеніи оныхъ служатъ“ (§ 45), такъ (§ 46) мѣстоименіе служитъ для сокращенія „именованій“, причастіе какъ сокращеніе, благодаря соединенію имени и глагола, нарѣчіе—„для краткаго изображенія обстоятельство, междометіе—для краткаго изъясненія движеній духа“ и пр.

Говоря о падежахъ, Ломоносовъ выдѣляетъ нѣкоторыя сильно бросающіяся въ глаза функціи падежей, напримѣръ, какъ выраженіе орудія—творительный, принадлежности—родительный, но съ другой стороны имѣются и такія опредѣленія: „когда дѣяніе или вещь къ вещи присвояются отъ инуда“ (дательн.), „сіи перемѣны называются падежами“ (§ 56).

Проводится мысль, что въ нѣкоторыхъ языкахъ обиліе и даже избытокъ падежей, у другихъ недостатокъ (§§ 57, 58), въ русскомъ языкѣ избытокъ заключается въ томъ, что имѣется 7-й падежь—предложный (§ 58). Говоря о родахъ, Ломоносовъ не признаетъ ихъ „необходимой нужды, для человѣческаго слова“ (§ 62); относительно двойственнаго числа онъ сомнѣвается, не введено ли оно въ славянскій языкъ изъ греческаго „насильно“ (§ 55). Въ славянскомъ глаголѣ отмѣчается десять временъ (§ 66), при чемъ въ данномъ случаѣ, какъ указываютъ изслѣдователи, Ломоносовъ запутался въ данномъ вопросѣ и не использовалъ тѣхъ наблюденій и какъ бы предчувствій видовъ русскаго глагола, которыя находимъ у Мелетія Смотрицкаго. Принимая господствующее дѣленіе на залого, Ломоносовъ въ § 73 дѣлаетъ указаніе на то, что Мел. Смотрицкій допустилъ ошибку относительно этого вопроса въ славянскихъ глаголахъ, слѣдуя за греческими и латинскими образцами, а въ наставленіи 4-мъ (не въ третьемъ, какъ сказано у Ломоносова въ § 73) дѣлаетъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе вѣрныя указанія относительно свойствъ залоговъ (напримѣръ § 363—относительно неправильности смѣшенія страдательнаго залога съ возвратнымъ, уподобленіе *ся*—латинскому *r*). Съ другой стороны, мы находимъ иногда очень странные выводы, такъ въ § 408 о сложеніи глаголовъ съ предлогами: „до значитъ худой

конецъ какого дѣла: доигралъ до побоевъ“ и пр. Называя глагольные измѣненія спряженіями, Ломоносовъ въ концѣ концовъ все же (§ 79) раздѣляетъ всѣ слова на склоняемые и несклоняемые.

Конечно, предъявлять ко всѣмъ этимъ положеніямъ, въ большинствѣ заимствованнымъ, тѣ требованія, которыя мы предъявляемъ къ современной постановкѣ вопросовъ, невозможно. Интересно то, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ какъ-то чувствуется, что составитель русской грамматики XVIII в. былъ недалекъ отъ истины, но подходилъ къ ней неправильнымъ путемъ. Возьмемъ хотя бы мысль о томъ (§ 42 и др.), что въ мѣстоименіи, нарѣчій, „междуметій“ выражается стремленіе сократить рѣчь. Законы экономіи въ языкѣ подмѣнены, но подмѣнены нѣсколько неврѣно, а между тѣмъ этотъ законъ достоинство, трудное завоеваніе нашей науки XIX столѣтія. Нужно замѣтить также, что въ разобранныхъ §§ предъ нами проходитъ та грамматическая система (ученіе о родахъ, числахъ, о нарицательныхъ, собственныхъ, собирательныхъ, увеличительныхъ и пр. именахъ, наклоненіяхъ, залогахъ и пр.), каковую мы встрѣчаемъ до сихъ поръ въ нашихъ грамматикахъ.

Наставленіе шестое посвящено вопросамъ согласованія и управленія въ русскомъ языкѣ. Здѣсь нужно отмѣтить одну важную черту, характеризующую взглядъ Ломоносова на взаимоотношеніе грамматики частной къ языку. Приведу § 477: „имена существительныя, соединенныя однимъ глаголомъ, часто требуютъ числа множественнаго; *миръ да любовь пребудутъ съ вами*. Иногда и единственное число служить: *взгляды, рѣчь и учтивость часто обольщаютъ*“. Мы видимъ, что правила исходятъ изъ употребленія въ языкѣ, а не навязываются языку. Вслѣдъ за приведеннымъ параграфомъ слѣдуетъ ноложеніе: „множественные глаголы благороднѣйшему лицу слѣдуютъ; первое благороднѣе второго, второе третьяго“ (§ 478). Въ этомъ положеніи явленіе языка получаетъ нелѣпое объясненіе; то же самое мы видимъ и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ § 482: „существительныя, до похвалы или похуленія надлежащія, требуютъ родительнаго падежа: *человѣкъ превосходнаго остроумія...*“ (ср. у Смотрицкаго л. 198 об.). И въ дальнѣйшемъ мы видимъ, что Ломоносовъ, считаясь, какъ указано выше, съ данными языка, выводитъ изъ нихъ правила употребленія. Наблюденіе Ломоносова надъ употребленіемъ родительнаго падежа до сихъ поръ цитируется изслѣдователями. Важно здѣсь, кромѣ обычнаго указанія на *partitiv*’ный характеръ родительнаго падежа, указаніе на то, что дѣйствіе простирается не на долгое время.

Затѣмъ Ломоносовъ говоритъ еще такъ: „Въ семь (т. е. родит. пад.) заключается еще учтивость: *покажи свою книгу*, сказано со властью; *покажи своей книги*, рѣчь учтивѣ“. Это наблюденіе врядъ ли считалось съ настоящимъ употребленіемъ даннаго оборота даже въ то время. Та же искусственность внесена и примѣрами: (§ 506) „Дарій побѣжденъ отъ Александра“ и пр., хотя самъ Ломоносовъ въ дальнѣйшемъ (§ 510—511) различаетъ неправильности употребленія предлога *отъ* при нѣкоторыхъ глаголахъ. Въ обнаруживающейся здѣсь у Ломоносова какой-то неустановленности, несмотря на то, что онъ стремился разобраться въ употребленіи падежей съ предлогомъ и безъ предлога, мнѣ думается, сыграло не малую роль то, что онъ здѣсь не опирается исключительно на данныхъ русскаго языка, а для правильнаго употребленія совѣтовалъ „прилѣжное чтеніе и довольное разумнѣе книгъ церковныхъ“ (§ 512). Имѣли здѣсь вліяніе, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, грамматика Мел. Смотрицкаго и отчасти *Anfangsgründe d. rus. Spr.* Адодурова (см. примѣчаніе Сухомлинова, стр. 220 къ § 506). Ломоносовъ правильно подмѣтилъ свойство неопредѣленнаго наклоненія, что оно употребляется въ значеніи повелѣнія, съ частицей *ми*—для выраженія сомнѣнія, съ частицей *не*—отчаянія, съ *быль* получаетъ силу начинательнаго глагола, съ *быть* (§ 530 лучше было бы сблизить съ § 526) для выраженія „принужденія“. Возставая противъ подобныхъ неправильностей въ языкѣ въ силу подражанія, какъ: „идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель“, Ломоносовъ высказываетъ сожалѣніе объ исчезновеніи оборотовъ дательнаго самостоятельнаго и высказываетъ надежду, что „краткость и красота“ этого оборота въ „Россійское слово возвратится“ (§ 532—533).

Въ 4-й главѣ, говорящей „о сочиненіи вспомогательныхъ частей слова“, Ломоносовъ, излагая правила сочетанія мѣстоименій, причастій, нарѣчій, предлоговъ, говоритъ и о союзахъ, соединяющихъ предложенія, такимъ образомъ хотя вскользь затрогиваетъ и въ этой части предложеніе сложное. Здѣсь, между прочимъ, говорится о союзахъ „наносительныхъ“ (и такъ). Въ концѣ главы говорится о сочетаемости „междуметій“ съ именительнымъ и звательнымъ падежами. Въ главѣ 5-й, послѣдней—„о сочиненіи частей слова по разнымъ обстоятельствамъ“—Ломоносовъ доходитъ до пониманія основныхъ функций падежей, онъ говоритъ здѣсь объ употребленіи винительнаго, родительнаго и предложнаго падежей съ предлогами на вопросы: гдѣ, куда, откуда, объ употребленіи падежей для обозначенія времени, количества, возраста, мѣры, цѣли.

Находятъ, что Ломоносовъ въ грамматическихъ работахъ пользовался точнымъ методомъ естественныхъ наукъ. Эту черту подмѣтилъ еще Шлецеръ, и за нее онъ упрекалъ Ломоносова, въ настоящее же время въ этомъ видятъ достоинство трудовъ Ломоносова и считаютъ его отцомъ русской грамматики. Можно, однако, сказать, что, исходя изъ фактовъ, Ломоносовъ имѣлъ этихъ фактовъ очень мало, а дѣлалъ обобщенія. Это можно сказать и по отношенію къ анализу частныхъ явленій русскаго языка и по отношенію къ попыткамъ опредѣленія законовъ русскаго языка. Въ послѣднемъ случаѣ важно подчеркнуть взаимоотношеніе философской грамматики и русской грамматики, которое проводилъ, слѣдуя за другими, Ломоносовъ. Характерны, на примѣръ, слова: „сего числа наклоненій меньше въ словъ человѣческомъ быть не можетъ, и тѣмъ довольствуется языкъ Россійскій“, § 70. Взглядъ на грамматику у Ломоносова былъ, конечно, практической. Въ этомъ случаѣ былъ неправъ Гротъ, когда оспаривалъ (Филолог. Разыск. 2, 67—68) мысль Давыдова, что въ практическомъ воззрѣніи на грамматику Ломоносовъ слѣдовалъ школѣ Готшеда. Была, конечно, разница между Ломоносовымъ и школой Готшеда, но эта разница была обусловлена разными положеніями. Сумѣвъ обобщить въ нѣкоторыхъ частяхъ то, что давала предыдущая грамматическая разработка, воспользовавшись тѣми данными, которыя находились въ ближайшихъ источникахъ—особенно въ грамматикѣ Смотрицкаго и отчасти въ „Начальныхъ основахъ русскаго языка“, приписываемыхъ Адодурову, Ломоносовъ въ разныхъ параграфахъ пользовался тѣмъ, что давало ему личное знаніе русскаго языка. Я не могу согласиться съ проф. Будде, по которому Ломоносовъ „собственно не имѣлъ предшественниковъ для себя въ пониманіи свойствъ живого русскаго языка и въ построеніи грамматики на изученіи этихъ свойствъ“ (Нѣсколько замѣтокъ по исторіи русскаго языка, *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1899, май, 80). Особенно трудно согласиться съ дальнѣйшими словами того же автора: „Вотъ почему Буслаевъ въ своей оцѣнкѣ „Грамматики“ Ломоносова стоитъ гораздо глубже Грота, который искалъ зависимости между „Грамматикой“ Ломоносова и болѣе ранними грамматическими работами“. Задачей „особливой“ грамматики Ломоносовъ ставилъ знаніе языка „по лутчему, рассудительному его употребленію“. Правда, видя различное въ чемъ либо употребленіе, Ломоносовъ не закрывалъ глаза и въ то же время не стремился насиловать, измѣнять употребляемое. Въ этомъ случаѣ характерны его слова въ § 483: „прилагательныхъ именъ падежи, съ коими они со-

чиняются, общимъ правиламъ не подвержены, ради разныхъ ихъ знаменованій, что должно знать изъ употребленія“. Что особенно можетъ остановить наше вниманіе при сравненіи „сочиненія“ у Ломоносова съ нашей синтаксической системой, это отсутствіе ученія о такъ называемыхъ членахъ предложенія. Какъ и у предшественниковъ Ломоносова по составленію славянскихъ грамматикъ, мы видимъ въ синтаксическомъ отдѣлѣ части рѣчи. Распредѣляя свое синтаксическое ученіе по частямъ рѣчи, Ломоносовъ, какъ и въ первыхъ наставленіяхъ, придерживается порядка сначала знаменательныхъ частей рѣчи, а потомъ служебныхъ. Изложеніе идетъ въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что неправы были изслѣдователи, особенно Вейсманъ (Замѣтки по исторіи русской грамматики, *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1899, июль, 123), утверждавшіе, что правила излагаются Ломоносовымъ безъ всякой системы. Въ изложеніи синтаксиса систематичность менѣе замѣтна, можетъ быть, потому, что Ломоносовъ касается лишь верхушекъ синтаксическихъ вопросовъ. Изъ пониманія Ломоносовымъ общей и частной грамматикъ дѣлается яснымъ, почему синтаксисъ у него раздѣленъ между двумя наставленіями—первымъ и послѣднимъ (такъ что неправъ былъ Будиловичъ, писавшій: „неизвѣстно, напимѣръ, почему нѣкоторыя правила согласованія вошли въ особую главу сочиненія частей слова вообще и почему другія не вошли“. Цит. соч. 79).

Нѣкоторые §§ наглядно говорятъ о заимствованіяхъ Ломоносова у Смотрицкаго. Приведу одинъ изъ наиболѣе въ этомъ случаѣ характерныхъ §§—§ 482 (Ср. также прим. у Сухомлинова):

Грам. *Ломоносова.*

Существительныя, до похвалы или похуленія надлежащія, требуютъ родительнаго падежа: *человѣкъ превосходнаго характера...*

или § 539 (см. также ссылку у Будиловича, цит. соч., 71, прим. 1):

Первообразныя мѣстоименія дательнаго падежа, *мнѣ, тебѣ, себѣ* вмѣсто производныхъ, *мой, твой, свой*, во всякомъ родѣ и числѣ съ существительными въ именительномъ падежѣ произносимыми сочиняются.....

Грам. *Смотрицкаго.*

Существительная къ чести или безчестію возносимаа родительнъ пріемлютъ: *іакъ, мѹжь сѣрдца високаго....* (198 об.)

Первообразныя Мѣстоименій дательніи ми, ти, си: вмѣсто производныхъ *мой, твой, свой* во всякомъ родѣ, числѣ и падежѣ существительнымъ сочиняются.... (202 об.)

Если взять первые §§ синтаксиса въ грамматикѣ Ломоносова и сравнить съ данными на различныхъ листахъ въ грамматикѣ Смотрицкаго, то можно вполнѣ убѣдиться, въ какой сильной зависимости находился Ломоносовъ отъ Смотрицкаго.

Грам. Ломоносова.

Грам. Смотрицкаго.

§ 469 (у Ломоносова выпущено только дѣепричастное и причастно-дѣтельное, измѣнены, какъ и въ другихъ случаяхъ, примѣры)	194 об.
§ 470)	194 об. 195.
§ 471) вполнѣ переданы	227
§ 472)	198 об.
§ 473 (здѣсь Ломоносовъ оставилъ безъ вниманія выясненіе Смотрицкаго о чередованіи и условіяхъ чередованія родит. пад. съ притяжательными прилагательными)	197—197 об.
§ 474 (Ломоносовъ воспользовался здѣсь отчасти и примѣромъ).	196
§ 475 (нѣсколько измѣнено)	210
§§ 476—479	211, 210, 210 об. 195, 195 об. 203 об.—204 (у Сухомлинова приведена къ § 481 параллель изъ л. 197 об.—198, но эта параллель не подходитъ).
§ 481	198 об.
§ 482	199 об., 201—202
§ 483	
§ 484 (сообразно съ русскимъ языкомъ замѣненъ предлогъ <i>отъ—изъ</i>).	

Сличенія можно было бы продолжить, но для установленія того, что Ломоносовъ широко черпалъ изъ грамматики Смотрицкаго, достаточно и приведенныхъ. Не безъ нѣкотораго вліянія на Ломоносова была грамматика, приписываемая Адодурову (такъ, напр., о сочетаніи числ. *два, три, четыре* съ родительнымъ пад.—Anfänge. 32—33—§ 486 у Ломоносова, о творительн. пад. стр. 47—§ 516, о винительномъ времени—48—§ 585. У Сухомлинова указанъ, какъ параллель къ § 504 грамматики Ломоносова, §—VIII изъ синт. въ грамматикѣ Адодурова, но это неправильно, потому что у Смотрицкаго находимъ болѣе близ-

кое мѣсто, л. 233—о сочетаніи глаголовъ съ предлогами и безъ таковыхъ), можетъ быть, имѣла нѣкоторое вліяніе и грамматика Лудольфа (стоитъ особенно сравнить § 503 грамматики Ломоносова и стр. 14—15 грамматики Лудольфа о родительномъ п. для обозначенія части). Но все это не исключаетъ возможности признать въ синтаксисѣ у Ломоносова проявленія самостоятельности: самостоятельность обнаруживается въ распредѣленіи матеріала, въ внесеніи наблюденій, которыхъ нѣтъ у предшественниковъ. Къ такимъ наблюденіямъ можно отнести: о формѣ прилагательнаго и существительнаго послѣ числительныхъ два, три, четыре, § 487, любопытное объясненіе разнаго употребленія — *двое мѣщанъ, но два архіерея* — „сіе употребляется только о людяхъ, и то большей части нискихъ“ (т. е. двое, трое съ род. пад.), объ употребленіи числ. твои, трои съ „бездушными вещами“—§ 492, 493, стремленіе объяснить характеръ родительнаго падежа—§ 503, стремленіе разобраться въ конструкціи глаголовъ, связанной съ переходомъ глагола изъ одного залога въ другой—§§ 506—518 и пр. и пр.

Грамматика Ломоносова дала матеріалъ для ряда учебниковъ. Въ 1767 г. была издана „Россійская универсальная грамматика или Всеобщее Писмословіе“ Курганова (изд. „во градѣ святаго Петра“). Авторъ задавался здѣсь педагогическими цѣлями: въ виду трудности для дѣтей въ пониманіи существующей русской грамматики, онъ задумалъ, „подражая славянскимъ и чужестраннымъ грамматикамъ“, составить свою болѣе понятную, или говоря его словами—„преобразить оную... въ удобнѣйшее расположеніе и объясненіе со многими пополненіемъ“. Трудно признать въ этой книгѣ, пользовавшейся извѣстностью и выдержавшей 9 изданій въ теченіе 40 лѣтъ, удачную популяризацию—изложеніе не только не легче для пониманія грамматики Ломоносова, но благодаря введенію балласта, заимствованнаго изъ грамматики Смотрицкаго, должно представляться болѣе труднымъ для усвоенія. Составитель не только стремится популяризовать грамматику Ломоносова, какъ высказано было Кирпичниковымъ (Очерки по исторіи новой русской литературы. С.-Петербург. 1896 г., 55), но онъ использовалъ и Адодурова и особенно М. Смотрицкаго, изъ котораго переносилъ цѣликомъ несвойственныя для русскаго языка правила и формы, у котораго онъ заимствовалъ и образный синтаксисъ и „чинъ грамматическій“. Къ числу „пополненій“ въ отдѣлѣ синтаксиса можно отнести сказан-

ное о союзахъ, главнымъ образомъ различные примѣры употребленія союзовъ (79—80), „прилогъ *де*“, о „прилогахъ *ста, станя* и *ка*“, (81—2), замѣчанія о простомъ и сложномъ сочиненіи рѣчи, о періодахъ (83—7). Приведу очень характерныя мѣста о „прилогахъ“. „Сія частица *ДЕ* обыкновенно употребляется въ разговорахъ и на письмѣ въ такихъ случаяхъ, когда одинъ другому слова третьяго лица пересказываетъ. На пр. нѣкто Кандидатъ говорилъ полуросски такъ: Служилъ де я сорокъ лѣтъ а капиталу нѣтъ, и я де о томъ юристовъ просилъ, но они де хотя азардируютъ нынѣ на Акциденцію, точію де по новомодной поведенціи очень политично экскузуясь затрениать и пр. А въ просторѣчїи вмѣсто той частицы *ДЕ* употребляютъ какое то рѣченіе *ДИСКАТЬ*. Я дискать туда ходилъ.... Еще употребляется *ДЕ* въ крѣпостныхъ выписяхъ, въ допросахъ, и въ прочихъ симъ подобныхъ приказныхъ дѣлахъ третьимъ лицомъ. На пр. Сидоръ въ допросѣ показалъ, что пришедъ къ нему Карпъ говорилъ такую небылицу: это де зѣло обидно, что де у нихъ маломошныхъ постой всегда... Но въ нынѣшнихъ печатныхъ книгахъ, подражая иностранному стилю или пописи, вмѣсто частаго повторенія *ДЕ*, чужую или постороннюю рѣчь ставятъ безъ всякой перемѣны другою азбукою; или отмѣтя каждую строку только двойными запятыми.... Прилогъ *СТА*, употребляется въ старинномъ простоглаголіи, для изъявленія нѣкоего учтивства или почитанія, вмѣсто нынѣшняго сударь, сударыня, и полагается прежде и послѣ именъ и глаголовъ для обоего полу. Напримѣръ, незамай ста; полна ста господинъ; баринъ, барыня чево ста вамъ надобно. Но прилогъ *СТАНЯ* обыкновенно говорятъ къ женскому полу: нѣтъ станя; напрасно станя изволишь гнѣваться; ваша воля станя“. Въ небольшой главѣ о сложеніи рѣчей дается въ общемъ понятіе о составѣ простого предложенія и сложнаго, къ послѣднему отнесены не только предложенія, соединенныя союзами и мѣстоименіями, но и причастіями, дѣепричастіями и нарѣчїями.

(Балицкій, Матеріалы для ист. слав. языкозн., 34—5, совершенно отрицательно относится къ труду Курганова, вслѣдъ за нимъ, очевидно, и Чудиновъ, Фил. Зап., 71 г., V—VI, 220, называетъ книгу Курганова „пресловутой“, что является совершенно несправедливою оцѣнкою).

Глава XVIII—*de la Syntaxe* (242—69) въ *Elemens (sic) de la langue russe...* A Saint-Petersbourg (1768 г.) Шарпантъе не представляетъ для насъ ничего интереснаго, это заимствованіе изъ Ломоносова, въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ сокращеніями, въ другихъ съ дополненіями

въ смыслѣ расширенія главнымъ образомъ примѣровъ. Последнее было вполне понятно, такъ какъ грамматика писалась для иностранцевъ и требовала усиленія наглядности. Насколько трудна была для Шарпантье задача составленія учебника, это видно изъ его словъ въ предисловіи, но въ то же время сказать, что въ этой грамматикѣ является лишь „неумѣлое и неудачное заимствование матеріала въ необработанномъ видѣ изъ грамматики Ломоносова“ (Балицкий, Матеріалы... 19), нельзя. Грамматика Шарпантье выдержала нѣсколько изданій, ею пользовались при составленіи своихъ грамматикъ Родде (*Russische Sprachlehre...* Riga 1778, 2-е изд. см. предисловіе), Модрю (*Elémens raisonnés de la langue russe...* Paris 1802), трудъ этотъ въ сокращеніи изданъ на русскомъ языкѣ: Основательное сокращеніе въ 1808 г.). Трудъ Модрю для насъ интересенъ по своей общей части.

XVIII столѣтію принадлежитъ цѣлый рядъ грамматикъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, написанныхъ чисто съ практическими цѣлями и составленныхъ на основаніи особенно грамматики Ломоносова, а также Смотрицкаго, Адогурова, Лудольфа. Разбирать эти грамматики и болѣе точно опредѣлять ихъ непосредственные источники и улавливать крупинки самостоятельности не имѣетъ для насъ значенія. Эти грамматики выдерживали по нѣскольку изданій. Такъ упомянутая російская универсальная грамматика... Н. Курганова, изданная въ 1769 г., выдержала 5 изданій, изъ нихъ 3—въ XVIII ст. Краткая російская грамматика Сырѣйщикова, изд. въ 1787, 4 изд. и пр. (Упомяну также о нѣкоторыхъ другихъ составителяхъ: В. Свѣтовъ, П. Соколовъ, Мразовичъ, Аполлосъ, Groening, Charpentier, Rodde, Neum, Karjavine). Особого разсмотрѣнія заслуживаютъ лишь труды Барсова.

III.

Изъ непосредственныхъ продолжателей грамматическаго труда Ломоносова особенное останавливаетъ на себѣ вниманіе проф. Московскаго университета А. Барсовъ. Барсову принадлежатъ два труда по грамматикѣ,—одинъ краткій—Краткія правила російской грамматики¹⁾,

¹⁾ На основаніи грамматикъ Ломоносова и Адогурова были составлены „Краткія правила російской грамматики, собранныя изъ разныхъ російскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ гимназіяхъ Имп. Моск. Университета“. У Балицкаго—Матеріалы, 35, неправильно характеризуется эта небольшая книга: къ ней отнесено то, что относится къ подробному грамматическому труду Барсова.

вышедшій въ Москвѣ въ 1771 г. и выдержавшій нѣсколько изданій, и второй подробный, оставшійся въ рукописи, особенно для насъ интересный. Этотъ послѣдній трудъ былъ написанъ по предложенію комиссіи о народныхъ училищахъ и, какъ черезчуръ обширный и потому не соотвѣтствовавшій цѣлямъ этой комиссіи, не былъ изданъ въ свое время. Рукопись Барсова, присланная въ комиссію, затеряна, имѣются лишь списки, но не въ полномъ видѣ восстанавливающіе первоначальную рукопись. (Одинъ изъ списковъ, по сообщ. ак. Сухомлинова, находится въ Имп. Пуб. Библ.—по моимъ справкамъ его не оказалось. Впрочемъ, данный списокъ для меня и не былъ важнымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ синтаксиса. 2 другихъ списка, которыми я пользовался, принадлежатъ бібліотекѣ Имп. Московскаго Унив.).

Подробная грамматика Барсова состоитъ изъ 5 частей, изъ нихъ 5-я посвящена синтаксису. При составленіи синтаксиса Барсовъ имѣлъ главными пособіями, кромѣ Ломоносова и Смотрицкаго, одну нѣмецкую (австрійскую) грамматику, данную ему отъ комиссіи въ качествѣ образца (*Verbesserte Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Wien 1779*), труды Аделунга (*Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache. Leipzig 1782*), Куръ де Жебелена (*Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne, considéré dans l'histoire naturelle de la parole ou grammaire universelle et comparative. Paris.*

Сухомлиновъ, давшій въ своей Исторіи россійской академіи довольно обстоятельный очеркъ трудовъ Барсова, опредѣлилъ въ общихъ чертахъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ источники труда Барсова (т. 4-й, 186—298). Правильно отмѣчено, что Барсовъ черпалъ дословно не только изъ иностранныхъ источниковъ, но и изъ русскихъ (Ломоносова). Для выполненія задачи нашего изслѣдованія необходимо войти детальнѣе, чѣмъ сдѣлано то Сухомлиновымъ, въ разсмотрѣніе синтаксиса въ трудѣ Барсова и сдѣлать характеристику этого отдѣла сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлано было ранѣе по русскому синтаксису.

Для данной цѣли пользуюсь матеріаломъ изъ списковъ грамматики Барсова, находящихся въ бібліотекѣ Императорскаго Московскаго университета (при чемъ обозначеніе только страницъ показываетъ заимствованіе изъ списка большаго формата, съ поправками самого Барсова, какъ говоритъ Сухомлиновъ, а съ помѣткой II—изъ списка меньшаго формата).

„Словосочиненіе (Syntaxis) учить разнымъ слова. или части рѣчи.

правильно, и съ употребленіемъ въ языкѣ принятымъ сходственно соединять въ одну рѣчь, полный или хотя нѣкоторый смыслъ имѣющую“ (1). „Рѣчь же полный смыслъ имѣющая состоитъ въ ясномъ и въ разумительномъ утвержденіи или отрицаніи сказуемаго о подлежащемъ“ (1).

(Во II нѣтъ: „хотя нѣкоторый смыслъ имѣющую“, въ приведенномъ мѣстѣ это вставка).

Сдѣлавъ эти общія опредѣленія, Барсовъ указываетъ на необходимость сдѣлать въ дальнѣйшемъ заимствованія изъ логики: „Такое заимствованіе... здѣсь и наипаче должно... признать нужнымъ, для точнѣйшаго понятія правилъ синтаксическихъ“ (1—2). Барсовъ здѣсь же и обращаетъ вниманіе на то, что: „новѣйшіе филологи, философскимъ образомъ свойства и части и правила грамматики рассматривающіе, и упоминаютъ о семъ вообще въ грамматикѣ, или и особенно въ синтаксисѣ, прямымъ и явнымъ, или постороннимъ и прикровеннымъ образомъ, какъ то Г. Куртъ де Жебеленъ въ разсужденіи французскаго, а Г. Аделунгъ нѣмецкаго языка: да и у насъ господинъ Ломоносовъ, за долго прежде сихъ достопочтенныхъ грамматиковъ о томъ же предлагалъ хотя косвеннымъ нѣсколько образомъ, въ философическомъ введеніи своемъ къ російской грамматикѣ“...

Эти слова для насъ важны въ томъ отношеніи, что ясно указываютъ на постепенный ходъ въ развитіи нашей грамматики: если Ломоносовъ, хотя и „косвеннымъ“ путемъ содѣйствовалъ внесенію логическаго элемента въ нашу грамматику, то Барсовъ сознаетъ необходимость даже болѣе прямого къ ней обращенія. И въ данномъ случаѣ у Барсова были уже указанные имъ самимъ предшественники.

Далѣе Барсовъ и приводитъ: „свѣдѣнія заимствованныя изъ логики“, но эти свѣдѣнія нѣсколько не соотвѣтствуютъ заглавію: они смѣшаннаго характера, логико-грамматическаго. Приведу выдержки. „О связи въ предложеніи. а) Во всякомъ сказуемомъ, по раздробленію понятій въ точность, различаются двѣ части, а именно: самое сказуемое собственно такъ называемое, и его съ подлежащимъ *связаніе*, которое обыкновенно называется *связью* или *связкою* сказуемаго съ подлежащимъ. б) Сію связь въ утвердительномъ предложеніи собственно составляетъ глаголь существительный *есмь*, во всѣхъ лицахъ, числахъ и временахъ изъявительнаго наклоненія (а по грамматически и повелительнаго); также другой существительный глаголь *бываю*... в) Но при томъ изъ всѣхъ лицъ настоящаго времени изъявительнаго

наклоненія глагола существительнаго *есмь*, въ російскомъ языкѣ употребительно только третіе единственное есть“... Далѣе о формахъ: *суть, еси, есмы*, объ употребленіи существительныхъ глаголовъ въ качествѣ „главнаго“, т. е. самостоятельнаго сказуемаго. „Прочіе же глаголы изъявительнаго и повелительнаго наклоненія, всѣ содержатъ уже сами въ себѣ и связь предложенія и сказуемое цѣлое или главное и начальное: по элику оны посредствомъ причастій своихъ и возносительныхъ мѣстоименій могутъ приведены быть къ существительному глаголу *есмь*. Такимъ образомъ въ сихъ рѣчахъ: *они спятъ, она уснетъ, она пишетъ*, глаголы содержатъ въ себѣ цѣлое сказуемое; а въ слѣдующихъ *онъ писалъ книгу, онъ написалъ прошеніе, онъ напишетъ скоро, они будутъ писать письма*, глаголы составляютъ по крайней мѣрѣ главную часть или начало цѣлаго сказуемаго; всѣ же чрезъ упомянутое логическое приведеніе значатъ: *они суть спящіе, она будетъ уснувшіею* или *она есть та, которая уснетъ, онъ есть пишущій; онъ есть писавшій книгу... онъ есть тотъ, который напишетъ скоро*“ (5—6).

Я привожу такія большія выдержки, потому что нахожу въ нихъ цѣнный матеріалъ для исторіи нашего синтаксиса, матеріалъ притомъ до сихъ поръ необнародованный. Прежде всего мы видимъ здѣсь разграниченіе логической работы надъ предложеніемъ отъ грамматической въ вопросѣ о замѣнѣ одного оборота другимъ. Что такимъ образомъ различалось Барсовымъ, то въ дальнѣйшемъ смѣшивалось. Въ приведенномъ мѣстѣ предъ нами какъ бы зерно, начало такъ развившагося ученія о замѣнѣ или сокращеніи придаточныхъ предложеній, но здѣсь эта замѣна выступаетъ въ качествѣ логическаго процесса. Получается уже извѣстная градація предложеній: онъ есть тотъ, который написалъ; онъ есть написавшій; онъ написалъ.

Опущеніемъ объясняется возникновеніе предложеній изъ двухъ словъ (напр., мы благодарны) или одного слова (гремятъ, или: громъ, вмѣсто первоначальнаго: громъ гремитъ; вѣтеръ, тихо, и пр.). Заканчивается изложеніе вопроса о связкѣ указаніемъ на различіе отрицательнаго предложенія отъ утвердительнаго: отрицательное „собственно означается частицею *не*; токмо при томъ наблюдать должно, чтобъ сія частица точно принадлежала къ связкѣ, явной или сокрытой и пропущенной, а не къ подлежащему или собственному сказуемому“... Въ отдѣлѣ о подлежащемъ и сказуемомъ прежде всего указывается, что „по строгости логической“ подлежащее должно стоять на первомъ мѣстѣ въ предложеніи, но что въ силу „грамматическаго или общаго

употребленія“ ставится на первомъ мѣстѣ и сказуемое. Различаются грамматическія и логическія подлежащее и сказуемое. „Впрочемъ грамматическое подлежащее и сказуемое иногда въ одномъ и томъ же самомъ предложеніи не сходствуетъ съ логическимъ, на примѣръ въ слѣдующемъ предложеніи *мнози суть звани* (II-званны), логическое подлежащее есть *звани*, а грамматическое *мнози*, такъ что въ грамматикѣ для надлежащаго сочиненія словъ и для разобранія онаго довольно, чтобъ мы какимъ нибудь образомъ, и въ какомъ бы то ни было мѣстѣ различить могли, съ одной стороны то, о чемъ говорится, а съ другой, что о немъ сказывается, какъ и въ предложенномъ примѣрѣ по грамматически можно сказать, что рѣчь идетъ о *многихъ* т. е. *людяхъ* или *юстяхъ*, а сказывается объ нихъ, что они *званы*“ (8—9). „Подлежащее и сказуемое называются вообще *терминами*; и каждой такой терминъ, когда онъ состоитъ изъ одного слова называется *простой* или *неописанной* (incomplexus), а изъ двухъ словъ или болѣе *описанной* (complexus)“ (9). Перечисляется затѣмъ то, изъ чего состоитъ простое подлежащее: имя существительное, мѣстоим. сущ., прилагательное мѣстоим., причастіе (при чемъ указывается на скрытое присутствіе им. сущ. при прил., мѣст. и прич.), неокончателное наклоненіе и наконецъ: „изъ какого бы то ни было слова, взятаго въ называемомъ такъ матеріальномъ его смыслѣ, на примѣръ *Богомъ есть творительный надежь*, т. е. объявляя только о звукѣ и выговорѣ сего слова, а не касаясь впрочемъ его знаменованія, что имъ означается *существо всевышнее*“ (11). Затѣмъ, указывая, что сказуемое можетъ состоять изъ имени прилагательнаго, глагола, Барсовъ продолжаетъ: „изъ всякаго другаго слова, которое индѣ, въ силу показаннаго предъ симъ, можетъ также быть и подлежащимъ, т. е. изъ имени и мѣстоименія существительнаго, мѣстоименія жъ прилагательнаго, изъ прилагательнаго жъ имени мѣстоименія и причастія, въ существительномъ знаменованіи употребленнаго, изъ неокончателнаго наклоненія и изъ слова взятаго въ матеріальномъ смыслѣ, на примѣръ, *первое мѣстоименіе вопросительное есть кто. Родительный надежь отъ имени существительнаго домъ есть дому*“... (11). Говоря объ образованіи „описаннаго термина“ подлежащаго и сказуемаго черезъ прибавленіе различныхъ поясняющихъ словъ и даже цѣлыхъ предложеній, „возносительнымъ мѣстоименіемъ или какимъ нибудь союзомъ“ соединяемыхъ, Барсовъ проводитъ исключительно логическую точку зрѣнія; примѣры, какъ *учитель, который дѣло свое знаетъ*,... составляютъ одно простое предложеніе, въ противополож-

ность простымъ онъ отличаетъ „сложныя“ предложенія, это такія, которыя состоятъ изъ двухъ и болѣе предложеній, при чемъ каждое изъ предложеній должно имѣть свое особое подлежащее и сказуемое, а также такія, которыя у насъ называются слитными (Барсовъ показываетъ здѣсь тотъ же процессъ образованія, какой мы находимъ и въ позднѣйшихъ грамматикахъ).

Говоря о необходимости предварительнаго логическаго разсмотрѣнія рѣчи предъ грамматическимъ ея разборомъ, Барсовъ даетъ и небольшое упражненіе въ такомъ разсмотрѣніи (17—20).

Опредѣляя задачу словосочиненія—показывать правила сочиненія измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ частей рѣчи, Барсовъ даетъ слѣдующее дѣленіе синтаксиса: 1) согласованіе или согласіе частей рѣчи между собою, 2) управленіе ихъ, 3) порядокъ ихъ, 4) выраженіе или сила ихъ, 5) фигуры синтаксическія, 6) разбираеніе грамматическое. Въ общемъ, управленіе въ отличіе отъ согласованія характеризуется какъ „несходственное“ измѣненіе, встрѣчаемъ термины „управляющій“, „управляемый“, устанавливаются термины: *словосочиненіе согласія, или сходства, или непреходное*, соотвѣтственно — *Syntaxis concordantiae, seu convenientiae sive intransitiva*, словосочиненіе управленія или переходное *Syntaxis rectionis, seu transitiva* (23). Въ общихъ замѣчаніяхъ о порядкѣ словъ устанавливается двоякій порядокъ; общій, или естественный, и особенный, или свободный. Подъ „выраженіемъ грамматическимъ“ разумѣется то, что мы называемъ логическимъ удареніемъ въ предложеніи, подъ фигурами синтаксическими—нѣкоторыя отступленія отъ правилъ синтаксиса.

Все до сихъ поръ изложенное является обширнымъ введеніемъ къ изложенію синтаксиса. Если сравнимъ съ грамматикой Ломоносова, то въ концѣ перваго наставленія, какъ мы знаемъ, найдемъ лишь отчасти сходство по содержанію съ этимъ введеніемъ. Такимъ образомъ, тѣсно соединяя положенія логики съ синтаксисомъ, развивая эти положенія, Барсовъ уже во введеніи выказалъ извѣстную самостоятельность по отношенію къ грамматикѣ Ломоносова, которую онъ высоко ставилъ. Барсовъ былъ у насъ пионеромъ того направленія, которое получило вскорѣ сильное развитіе. Если же дальше сравнимъ съ внѣшней стороны синтаксисъ у Барсова съ синтаксисами у Смотрицкаго и Ломоносова, этихъ во многомъ источниковъ для Барсова, то прежде всего въ глаза бросится стремленіе у Барсова къ опредѣленной группировкѣ правилъ, къ ихъ систематизаціи: такъ напримѣръ, глава I, посвященная сочиненію измѣняемыхъ частей рѣчи, дѣлится на 5 §§,

каждый § имѣетъ также подраздѣленія, при чемъ крупными подраздѣленіями являются: согласованіе и управление. Подробно дѣлать изложеніе всѣхъ синтаксическихъ правилъ въ „словосочиненіи“ Барсова я не буду, ограничусь лишь краткимъ обзорѣніемъ и остановлюсь подробнѣе на томъ, чего мы не находимъ у Ломоносова и Смотрицкаго.

И въ общихъ правилахъ о „согласіи“ и въ правилахъ о „согласіи“ именъ существительныхъ Барсовъ особенно подробно останавливается на приложеніи; устанавливается, что приложеніе можетъ быть одно или нѣсколько, что всѣ части рѣчи, выступающія въ качествѣ подлежащихъ, могутъ имѣть эти приложенія (39). Въ словосочиненіи различаются своего рода ранги: имена собственные выше нарицательныхъ, имена вообще выше глаголовъ и т. д. (33), при чемъ ожидаемый порядокъ словъ по важности ихъ значенія не соблюдается. При правилахъ о согласованіи именъ прилагательныхъ, причастій и проч., дается гораздо большее количество примѣровъ, чѣмъ у Ломоносова и Смотрицкаго. Останавливаютъ здѣсь на себѣ также вниманіе замѣчанія частнаго характера о согласованіи прилагательнаго въ такихъ случаяхъ, какъ: *число квадратное двадцать пять*, не съ числительнымъ, а со словомъ, *число*, „которое часто служитъ вмѣсто приложенія къ разнымъ особеннымъ числамъ“ (какъ имя общее) (43); затѣмъ, о постановкѣ существительнаго, прилагательнаго, причастія и проч. во множественномъ числѣ въ такихъ случаяхъ, какъ *Апостолы Петръ съ Павломъ, онѣе дочь съ сыномъ, малолѣтныя...* (44). При стремленіи къ систематизаціи, мы замѣчаемъ у Барсова и нѣкоторую разбросанность, что было отчасти причиной нѣкоторыхъ непоследовательностей, такъ говоря о постановкѣ послѣ числительныхъ *два, двѣ, три, четыре* родительнаго падежа (44—45), онъ въ дальнѣйшемъ уже признаетъ послѣ числительнаго *два* постановку не родительнаго падежа, а остатки славянскаго двойственнаго числа (61), въ связи съ этимъ интересно замѣчаніе, что *обѣ рѣки*, а не *руки* (51). Изъ „согласія и несогласія числительныхъ именъ“ отмѣчу замѣчанія: объ удержаніи иногда родительнаго падежа послѣ числительныхъ *пять, шесть* и проч. наряду съ соответственнымъ измѣненіемъ существительнаго съ числительнымъ—*о пяти стахъ рубляхъ, по сту рублевъ, сороку соболей* (46—47); объ употребленіи числительныхъ въ обратномъ порядкѣ для показанія неточнаго количества—*человѣка два*; для той же цѣли подобныя соединенія—*дни три четыре* (49); о прибавленіи слова „человѣкъ“ въ такихъ случаяхъ, какъ 2, 3, 4 чело-

вка слугъ, 5, 15 человекъ солдатъ и проч., при чемъ въ дальнѣйшемъ измѣненіи прибавочное слово измѣняется вмѣстѣ съ числительнымъ, а слово, показывающее „звание“, не склоняется (49, приписка). Цѣнными являются приведенныя въ концѣ разсматриваемаго отдѣла „изъятія“ (терминъ, заимствованный у Смотрицкаго), я приведу эти изъятія цѣликомъ. „а) Существительное *князь*, когда оно въ приложеніи къ собственному имени находится одно, безъ какого либо къ нему прилагательнаго, по елику оно при склоненіи онаго собственного чрезъ косвенные падежи въ единственномъ числѣ, по простому употребленію, само остается нескланяемымъ, напримѣръ, *князь Петръ, князь Петра, князь Петру,* и проч. Но оное жъ будучи съ прилагательнымъ, склоняется согласно съ собственнымъ, напримѣръ, *старою князя Петра, о старомъ князѣ Петрѣ* и проч. б) Нарипательное имя *число*, находящееся также въ приложеніи, къ какому бы то ни было, особенному числу; поелику при такомъ случаѣ, въ косвенныхъ падежахъ, и когда одно только сіе приложеніе скланяется, а особенное или дѣйствительное число остается безъ склоненія, напримѣръ, *числа двадцать пять, квадратнымъ числомъ двадцать пять, числамъ два и пять*, лучне, нежели *числомъ квадратнымъ двадцатью пятью* и проч. развѣ гдѣ для особливаго объясненія и различенія потребуетъ сего послѣдняго способа. в) Собственное имя *Александръ*; которое въ приказномъ слогѣ остается нескланяемымъ въ косвенныхъ падежахъ, а скланяется только принадлежащее къ нему отеческое имя и прозванье, существительное ли оно будетъ или прилагательное, напримѣръ, *Александръ Ивановичъ Бабръ*, или *Бабровъ, Александръ Ивановича Бабра* или *Баброва* и проч. также *князь Александръ Ивановича Шелештанскаго*“... (53—54). Изъ „управленія именъ вообще“— избѣгать должно, чтобъ управляющій падежъ не былъ равенъ или сходенъ съ управляемымъ; и для того надлежитъ рѣчь иногда переимѣнить, и произнести другимъ образомъ, напримѣръ, вмѣсто *Благодѣтелю мнѣ... не споръ съ сильнымъ словомъ* можно сказать: *Благодѣтелю моему... не споръ съ тѣмъ, кто силенъ словомъ*“. Въ „управленія именъ въ особенности по падежамъ“ обращаетъ вниманіе стремленіе опредѣлить отношенія, выражаемая этими падежами, т. е. опредѣлить основное значеніе падежей. Относительно родительнаго падежа эти отношенія выражены, какъ: 1) части къ цѣлому, 2) владѣнія какого либо къ владѣтелю, правленія къ правителю, принадлежности и тому подобнаго и обратно, 3) предмета къ лицу или вещи, или къ причинѣ, образу, способу, правилу и обратно, 4) качества,

свойства и состоянія къ подлежащему, въ которомъ оно находится и обратно, 5) количества вообще и особенно извѣстнаго счета, мѣры, вѣсу, къ подлежащему и обратно, 6) содержащаго къ содержащему и обратно, 7) вещества къ произведенному изъ него, и обратно, 8) участія въ какомъ нибудь мѣстѣ или времени, 9) дѣянія и страданія къ лицу, до котораго оно принадлежитъ или къ своему предмету. Приведенный матеріалъ въ данныхъ подраздѣленіяхъ даетъ возможность Барсову сказать, что родительный падежъ отвѣчаетъ не только на вопросы: чего, кого? чей, чья...? но и каковъ, какой, который...? Характеризуя отношенія, обозначаемаыя дательнымъ падежомъ, Барсовъ отмѣчаетъ точки совпаденія съ родительнымъ падежомъ, именно: отношеніе произведенія къ лицу производящему, отношенія родства, свойства, дѣянія и страданія (63 — 64). Опредѣляя отношенія, выражаемыя творительнымъ падежомъ, Барсовъ приводитъ данныя изъ „простонародныхъ выраженій“ (правда, творит. пад. какъ-то менѣе обработанъ): дымъ столбомъ, волосы дыбомъ, дуракъ дуракомъ и проч. (мѣсто съ этими примѣрами въ спискѣ большого формата зачеркнуто, вѣроятно, въ силу того, что внесено отчасти дальше—109, въ другомъ спискѣ отсутствуетъ), нагимъ нагохонекъ (96—97, нумерація страницъ не должна удивлять, такъ въ спискѣ послѣ стр. 64 занумерованы до 97 страницы, относящіяся къ предыдущей части грамматики). Въ небольшомъ отдѣлѣ о „падежахъ съ предлогомъ управляемыхъ именами“ Барсовъ дѣлаетъ прежде всего замѣчаніе общаго характера, что имена существительныя по большей части заимствуютъ предлоги изъ сочиненія глаголовъ (т. е. подразумеваются имена существительныя отглагольныя), а относительно другихъ случаевъ (напримѣръ, побѣда на враги, на враговъ, „частіе“ въ игрѣ и проч.), какъ замѣчаетъ Барсовъ, общихъ правилъ привести нельзя, а необходимо „познавать ихъ изъ употребленія“. Управленіе существительныхъ неокончательнымъ наклоненіемъ Барсовъ ставитъ также, главнымъ образомъ, въ связь съ управленіемъ глаголовъ, т. е. объясняетъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, указывая и особые въ данномъ случаѣ примѣры (гораздъ писать, мастеръ читать). Здѣсь важно подчеркнуть эти замѣчанія Барсова, потому что они не остались, повидимому, безъ вліянія на дальнѣйшіе труды по русскому синтаксису: такъ можно свободно предполагать, что выдвинутое Барсовымъ ученіе о вліяніи значенія слова могло быть усвоено и развито Кошанскимъ. Въ „согласіи“ мѣстоименій обращаютъ вниманіе слѣдующія замѣчанія: о такихъ соединеніяхъ мѣстоименій *это*—

я, это мнѣ несчастному (впрочемъ, мѣсто это зачеркнуто), объ употребленіи *то* въ такихъ случаяхъ—*Петръ то, Анна то...*, объ употребленіи въ „сѣверномъ“ (первоначально написано: новгородскомъ) нарѣчій въ такихъ случаяхъ: *тотъ, та, то, тою...*, о происхожденіи изъ этого „придатка“ „испорченнаго“ окончанія *отъ*, а „по Московскому выговору“ *атъ*, о происхожденіи оттуда же *этъ* (послѣ словъ, оканчивающихся на *ъ* и *й*—*кремень—этъ...*), о соединеніяхъ *самъ другъ, самъ третьей* (въ послѣднемъ случаѣ обращено вниманіе и на переходъ ударенія, такъ какъ числит. „третій“ или „трѣтей“) и т. д. „къ счету урожая хлѣба, и въ показаніе числа семейства“. Вкратцѣ сказавъ о согласованіи мѣстоименій прилагательныхъ съ существительными мѣстоименіями и именами, Барсовъ особенно подробно говоритъ о согласованіи мѣстоименій „возносительныхъ“, объясняя особенное свое вниманіе въ данномъ случаѣ тѣмъ, что о возносительныхъ мѣстоименіяхъ въ грамматикѣ Ломоносова сказано не совсѣмъ ясно и опредѣленно, а въ другихъ грамматикахъ невѣрно. Указывая на несамостоятельность мѣстоименій возносительныхъ, которыя являются „заимствованіями“ мѣстоименій другихъ названій, Барсовъ прежде всего дѣлитъ ихъ на два разряда по употребленію въ предложеніи, на главные и подчиненныя: *тотъ-кто, этотъ-который* и проч. Подчиненныя возносительныя согласуются съ своими главными въ родѣ, числѣ, но въ падежѣ могутъ съ ними расходиться; это зависитъ оттого, что падежъ подчиненнаго мѣстоименія управляется не тѣмъ словомъ, которымъ управляется мѣстоименіе главное. Указывается также, что *чей, чья...* не согласуются съ предыдущими мѣстоименіями и существительными не только въ падежѣ, но и въ родѣ и числѣ, а согласуются съ послѣдующимъ своимъ существительнымъ: *тотъ, чьихъ людей ты кликалъ, смотришь...* Отдѣль о „согласіи или сношеніи и соотвѣтствіи личныхъ мѣстоименій съ косвенными ихъ падежами и производными притяжательными“ представляютъ собою развитіе и болѣе глубокий анализъ тѣхъ наблюденій, которыя находимъ у Смотрицкаго и Ломоносова. Замѣчая о несвойственности русскому языку оборотовъ: *я взялъ мою шляпу* вмѣсто *свою* и проч., подобные обороты, какъ: *я исполняю данное мною*, Барсовъ объясняетъ тѣмъ, что *мною* зависитъ не отъ глагола, который непосредственно относится къ мѣстоименію личному, а отъ другого глагола „въ причастіе *данное* скрывающагося“. Рядомъ примѣровъ выясняется разница въ смыслѣ, зависящая отъ постановки мѣстоименій *его, ея*, или *свой* и проч. Въ „согласіи вопросительныхъ

мѣстоименій“ обращено вниманіе на то, что *кто* относится къ различнымъ родамъ „лицъ“, т. е., какъ опредѣляетъ Барсовъ, „существо разумомъ и волей одаренныхъ, а не вещей бездушныхъ, или и одушевленныхъ, но безсловесныхъ“, что на вопросы: чей, чья... часто въ отвѣтъ родительный падежъ, что на „всеобщій вопросъ о лицѣ и вещи“—*что?* „отвѣтъ прямой соглашается съ нимъ только въ падежъ...“ (111). Интересно здѣсь слѣдующее замѣчаніе: „оное жъ вопросительное *что?* принимаетъ также иногда предлогъ *за*; но падежъ слѣдующій потомъ зависитъ отъ глагола, а не отъ предлога онаго, напримѣръ, *что за люди идутъ...*“ (112). Въ „управленіи мѣстоименій“ Барсовъ такіе примѣры, какъ *вашъ Государя моего покорный слуга* стремится объяснить сравнивая съ примѣрами: *его, милостивца нашего домъ*, такимъ образомъ, предполагая болѣе первообразными обороты: *вашъ, сударя моего...* (112 или по другому обозначенію 80). Въ „согласіи глаголовъ съ именительнымъ падежомъ“ Барсовъ даетъ объясненіе такихъ, напримѣръ, выраженій, какъ *деньги есть* (гдѣ онъ называетъ *есть* подлежащимъ), видя причину въ малоупотребительности слова *суть*. Этимъ же объясняется употребленіе *есть* и глаголовъ „уподобляющихся ему знаменованіемъ“, какъ то *стало, съмчалось* и проч., при числительныхъ „основательныхъ“ (кромѣ *одинъ*). Разсматриваются разныя сочетанія глагола при нѣсколькихъ подлежащихъ, при соединеніяхъ посредствомъ *съ*, при чемъ указывается двоякость смысла въ выраженіяхъ: *мы съ тобою* („значитъ либо *мы и ты*, либо *я и ты*“...). Въ „согласіи глаголовъ съ двумя именительными“ Барсовъ останавливается и на переходѣ второго именительнаго въ творительный, указываетъ нѣкоторые глаголы, при которыхъ наблюдается подобный переходъ, при этомъ замѣчаетъ, что подобные переходы невозможны „въ происшествіяхъ или отношеніяхъ природныхъ, вѣчныхъ и перемѣннѣ неподверженныхъ“. Въ „согласіи глаголовъ съ неокончательнымъ наклоненіемъ“ одно изъ 3 правилъ слѣдующее: „если при такомъ предыдущемъ одномъ, или многихъ соединенныхъ, послѣдующимъ будетъ имя существительное: то глаголь ихъ связующій въ родѣ и числѣ сходствуетъ съ симъ послѣдующимъ именительнымъ, напримѣръ, *въ безводной и въ безлѣсной деревнѣ жить была великая скука*“... Такимъ образомъ, въ подобныхъ выраженіяхъ, повидимому, не чувствовалось необходимости перехода въ безличные обороты. Барсовъ устанавливаетъ два разряда различныхъ глаголовъ, какъ бы настоящіе безличные глаголы, „прямые“, ихъ немного и они по происхожденію „славенскіе“, заимствованные, такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ;

„россійскіе“ же безличные глаголы производны отъ личныхъ глаголовъ, такимъ образомъ, уже позднѣйшаго происхожденія. Къ безличнымъ Барсовъ относитъ и прилагательныя въ среднемъ родѣ, и существительное *жаль*, и „неправильное“ слово *мѣся*. Значеніе именительнаго падежа при безличныхъ глаголахъ Барсовъ переноситъ на неокончательное наклоненіе, употребляющееся при безличномъ глаголѣ, и на цѣлыя предложенія, соединяющіяся съ ними посредствомъ союзовъ. Указывается на соединеніе безличнаго глагола *бывало* съ формами настоящаго и будущаго времени, о появленіи иногда при настоящихъ безличныхъ глаголахъ подлежащаго: *довлѣтъ ти благодать моя, тебѣ подобаетъ тѣснѣ*. Пропускомъ безличныхъ глаголовъ объясняетъ Барсовъ „неправильности“ слѣдующихъ выраженій: *мнѣ было говорить, похатъ было, быть по сему, принести предъ насъ, бывать ли мнѣ въ отечествѣ, не бывать мнѣ..., быть бычку на веревочкѣ, быть умереть, быть писать* и проч., именно пропускомъ: *должно, надобно, необходимо* и проч. Устанавливая въ „управленіи глаголовъ“ прежде всего нѣсколько общихъ положеній, Барсовъ въ дальнѣйшемъ даетъ довольно большой подобранный матеріалъ относительно управленія тѣхъ или иныхъ глаголовъ. Общими положеніями являются указанія: послѣ извѣстнаго глагола въ опредѣленномъ значеніи ставится „либо всегда и непремѣнно тотъ же“, „либо вмѣсто его иногда и другой“, „при чемъ однако одинъ изъ таковыхъ порознь употребляемыхъ двухъ падежей иногда правильнѣе другого считается, какъ напримѣръ, при глаголѣ *учиться* дательный лучше, нежели родительный“; падежи при глаголахъ раздѣляются на „особенные“ и „общіе“, первые свойственны нѣкоторымъ извѣстнымъ глаголамъ, вторые „всѣмъ глаголамъ или весьма многочисленнымъ“ (такъ при глаголахъ дѣйствительнаго залога винительный падежъ, при страдательномъ залогѣ родительный падежъ съ предлогомъ *отъ* или творительный безъ предлога и пр.). Въ отдѣлѣ о родительномъ падежѣ Барсовъ останавливается на превращеніи оборотовъ личныхъ въ безличные при прибавленіи отрицанія, говоритъ также о томъ, что кромѣ родительнаго падежа при перечисленныхъ глаголахъ вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ стоять и другіе падежи, чего онъ и приводитъ примѣры; заканчивается этотъ отдѣлъ изложеніемъ замѣны родительнаго п. вещи неокончательнымъ наклоненіемъ (желаю возвратиться и пр.). Давая ряды глаголовъ, управляющихъ тѣмъ или инымъ падежомъ, Барсовъ указываетъ и на разныя измѣненія въ управленіи того или другаго глагола; отмѣчена двоякость конструкціи: не желаю взять *этой книги*

и...эту книгу, отмѣчены „нѣкоторыя особливья выраженія, какъ *конь о четырехъ ногахъ*, т. е. имѣть четыре ноги, *ходить о палочкѣ*, т. е. съ палочкою, *остался объ одномъ кафтанѣ*, т. е. съ однимъ кафтаномъ... и *о томъ живемъ*, т. е. больше не надобно. Управление глаголовъ Барсовъ распространяеть и на образованіе предложеній посредствомъ частицъ *что* и *чтобъ*, при чемъ останавливается, какъ онъ выражается, на приведеніи окончательной рѣчи въ неокончательную: въ виду того, что нѣкоторые писатели позволяютъ себѣ измѣнять предложенія съ *что* въ винительный съ неопредѣленнымъ, оборотъ несвойственный славянскому языку, Барсовъ и считаетъ своей обязанностью упомянуть о такихъ измѣненіяхъ. Но въ то же время онъ признаетъ возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго „приведенія“, на примѣръ, *я думаю сею челоуька быть друга*, и особенно *быть другомъ* и пр., признаетъ также большую свойственность русскому языку употребленія въ подобныхъ оборотахъ вмѣсто винительнаго падежа—падежа дательнаго: *Богъ хочетъ всемъ спастися*. Въ отдѣлѣ о сочиненіи неокончательнаго наклоненія съ глаголомъ Барсовъ не прочь и отъ объясненія оборотовъ: *иду работать* и пр. пропускомъ *чтобъ* (здѣсь, между прочимъ, подъ влияніемъ, конечно, современной литературной рѣчи встрѣчаются такія ссединенія: *я имѣю написать*). Разбираясь въ томъ измѣненіи, которое происходитъ съ формальной стороны при замѣнѣ глагола отглагольнымъ именемъ, Барсовъ даже такое свойство глагола, какъ залого, переноситъ на имена отглагольныя. Говоря о неокончательномъ наклоненіи, управляемомъ именами отглагольными, Барсовъ снова проводитъ мысль о томъ, что и здѣсь „существительныя производныя имена принимаютъ отъ глаголовъ своихъ управленіе...“ и особенно важно также слѣдующее замѣчаніе: „и сіе бываетъ не только по такому явственному произведенію, но иногда и по отдаленному средству“...

Въ отдѣлѣ „о сочиненіи причастій, дѣепричастій и причастодѣтій“ мы находимъ столь оцѣненное въ послѣдствіи и такъ развитое ученіе о сокращеніи предложеній. Здѣсь данъ рядъ примѣровъ полныхъ и сокращенныхъ предложеній, сокращенію подвергнуты и такіе примѣры: *онъ сидитъ и читаетъ—онъ сидя читаетъ*, но наряду съ этимъ: *кто Бога не боится, тотъ и людей не стыдится—не боящійся Бога не стыдится людей; онъ будучи или бывши еще въ дорогъ, писалъ сіе письмо—онъ писалъ, когда былъ еще въ дорогъ*.

Въ „сочиненіи предлоговъ“ (въ спискѣ I страницы перепутаны и одного листа нѣтъ, необходимо дополнить изъ II, стр. 78—9), гдѣ раз-

сматриваются различные предлоги со стороны того или другого управляемого ими падежа, Барсовъ стремится по отдѣльнымъ примѣрамъ опредѣлять и значеніе падежей при томъ или иномъ предлогѣ, такъ, напримѣръ, „винительный падежъ при предлогѣ *за* не всегда значить мѣсто, а часто также причину побудительную дѣйствія, какъ то любви, ненависти, платы, мести, награды... люблю за обычай“... Говорится здѣсь также объ условіяхъ произнесенія такъ или иначе нѣкоторыхъ предлоговъ (напр., *къ-ко, въ-во...*), о прибавкѣ къ косвеннымъ падежамъ личнаго мѣстоименія *онъ* послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ „буквы“ *и* (къ нему и пр.), о постановкѣ предлога съ именемъ числительнымъ послѣ именъ существительныхъ для обозначенія неточности числа (*дни на два...*). Въ отдѣлѣ „сочиненіе нарѣчій“ Барсовъ прежде всего возражаетъ противъ попытокъ нѣкоторыхъ грамматикъ замѣнить названіе „нарѣчіе“ *надглаголемъ*, въ виду того, что нарѣчія относятся не только къ глаголамъ, но и къ другимъ частямъ рѣчи, приводятся, между прочимъ, такіе примѣры: *подлинно честный человекъ, прямо Герой, весьма рано даже донинь*. Изъ дальнѣйшаго здѣсь приведу замѣчаніе о томъ, что въ отрицательныхъ предложеніяхъ частица *ни* усиливаетъ отрицательный смыслъ. Послѣ краткихъ отдѣловъ о сочиненіи союзовъ и междометій слѣдуетъ отдѣлъ „о сочиненіи частей рѣчи, наипаче же глаголовъ и предлоговъ по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ“, по заглавію, какъ видимъ, лишь нѣсколько отличающійся отъ заглавія послѣдняго отдѣла въ грамматикѣ Ломоносова. Въ началѣ Барсовъ даетъ поясняющее общее опредѣленіе: „оныя обстоятельства суть мѣсто, время, мѣра, вѣсъ, цѣна, которыхъ сочиненіе различается по нѣкоторымъ извѣстнымъ вопросамъ“... Это, какъ и у Ломоносова, дополненіе къ рассмотрѣнію различныхъ падежей и предлоговъ, только рассмотрѣніе здѣсь идетъ съ другого начала, съ постановки того или другого вопроса. Матеріала у Барсова здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, больше, чѣмъ у Ломоносова.

Въ „образномъ словосочиненіи“ Барсовъ останавливается на 5 „главныхъ синтаксическихъ фигурахъ“: 1) умолчаніи, 2) избыточествѣ, 3) сліяніи, 4) сложеніи, 5) осяженіи (въ 1 сп. нѣтъ конца), даетъ примѣры на эти фигуры, и наконецъ слѣдуетъ послѣдній отдѣлъ „о грамматическомъ разборѣ рѣчи“ (II списокъ, 97—106) съ образцами разбора.

Разсмотрѣніе синтаксиса въ грамматикѣ Барсова приводитъ насъ къ слѣдующей характеристикѣ этого труда. Безспорно здѣсь мы ви-

димъ большой шагъ впередъ, сравнительно съ синтаксисомъ въ грамматикѣ Ломоносова. Правда, Барсовъ черпалъ много у Ломоносова, заимствовалъ иногда даже чуть ли не дословно, но въ то же время онъ умѣло продолжилъ работу своего великаго предшественника. Продолженіе это заключалось не въ томъ только, что развита была лишь отчасти внесенная Ломоносовымъ струя освѣщенія явленій языка посредствомъ общихъ логическихъ законовъ, а и въ дальнѣйшемъ изученіи русскаго языка. Безспорно, Барсовъ использовалъ для своего труда довольно количество русскихъ произведеній; выбирая примѣры, онъ подвергалъ ихъ анализу съ общей и частныхъ точекъ зрѣнія. Въ то же время онъ стремился своему труду придать извѣстную систему. Въ подобномъ его стремленіи ему помогалъ тотъ элементъ, который онъ внесъ въ сильной степени, именно элементъ логическій. Барсовъ такимъ образомъ можетъ почитаться у насъ первымъ и яркимъ представителемъ чисто логическаго направленія въ грамматикѣ. Если смотрѣть на его грамматику со стороны болѣе или менѣе выдержанной системы, то ее можно поставить выше грамматики Греча, являющагося проводникомъ тѣхъ же началъ, какъ и Барсовъ, но, какъ показываетъ сличеніе ихъ трудовъ, независимо отъ Барсова.

Разобранная часть грамматики Барсова стоитъ выше соответствующей части въ грамматикѣ Греча еще и потому, что въ авторѣ ея обнаруживается вполне изслѣдователь языка, задумывавшійся даже надъ мелкими проявленіями его и анализовавшій эти явленія.

Конечно, грамматика Барсова, какъ не напечатанная, не могла распространять тѣхъ новыхъ началъ, которыя вносилъ Барсовъ, идя за указаніями иностранныхъ своихъ источниковъ, но эти начала свободно могъ распространять самъ Барсовъ, какъ преподаватель высшей школы. На это ясно указываютъ тѣ воспоминанія о Барсовѣ, которыя находимъ у Карамзина, хотя и не безъ нѣкотораго юмора относившагося къ „великому мужу русской грамматики“, погруженному въ область склоненій, спряженій и прочихъ грамматическихъ вопросовъ, но въ то же время признававшего, что своимъ умѣньемъ задумываться надъ словомъ онъ обязанъ руководству и влиянію Барсова.

IV.

На основаніи грамматикъ: Ломоносова, Смотрицкаго и отчасти *Anfangs-Gründe* Адодурова, составленъ синтаксисъ въ „Россійской грамматикѣ, сочиненной Императорской Академіей“ и изданной въ

первый разъ въ 1802 г. Это былъ трудъ главнымъ образомъ двухъ академиковъ Дмитрія и Петра Соколовыхъ, составителей академическаго словаря. Какъ видно и изъ предисловія, грамматика преслѣдовала болѣе учебныя, а не ученныя цѣли.

Синтаксисъ начинается съ § 279. §§ 279—280 служатъ какъ бы введеніемъ.

§ 279. ~~„Словосочиненіе есть третья часть грамматики, научающая правильному расположенію частей рѣчи и взаимному оныхъ соединенію“.~~ § 280. ~~„Словосочиненіе раздѣляется на два вида, изъ коихъ первый состоитъ въ согласованіи частей рѣчи въ родѣ, числѣ, падежѣ и лицахъ; второй въ управленіи, по которому одно слово требуетъ извѣстной перемѣны въ другихъ словахъ, отъ него зависящихъ“.~~

Далѣе идетъ 9 главъ, также раздѣленныхъ на §§, при чемъ въ дѣленіе главъ положено „согласованіе“ и „употребленіе“ (терминъ, представившійся болѣе удобнымъ) частей рѣчи: 1) о сочиненіи именъ существительныхъ, 2) о сочиненіи именъ прилагательныхъ и т. д. Дѣленіе главъ на §§ избавляло составителей отъ необходимости заботиться о внутренней связи излагаемаго, о цѣльности послѣдняго. Точно подтверждается сказанное составителями въ предисловіи, именно: занимаясь составленіемъ словаря и вникая въ происхожденіе словъ... Академія открыла путь къ составленію Россійской грамматики.

Я указалъ на вліяніе труда Адодурова. Это вліяніе, на первый взглядъ едва замѣтное, сказалось въ примѣненіи вопросовъ для узнаванія падежей (§§ 283, 285, 290, 291 и др.).

Впрочемъ, я долженъ отмѣтить, что вліяніе это и другія вліянія уже могли быть и не непосредственны. Дѣло въ томъ, что Петру Соколову, который, по моему мнѣнію, игралъ главную роль при составленіи академической грамматики, принадлежалъ трудъ, изданный еще въ 1788 г., „Начальныя основанія Россійской грамматики“ („въ пользу учащагося въ гимназій при Импер. Ак. Н. юношества“), послужившій, какъ показываетъ сличеніе, несомнѣнно въ качествѣ основы для академической грамматики. Синтаксису здѣсь посвящены 66—115 страницы. Въ посвященіи „Начальныхъ основаній...“ княгиня Дашковой авторъ замѣчаетъ, между прочимъ: „Трудъ сей (т. е. „сдѣлать краткое начертаніе правилъ языка Россійскаго къ вящей пользѣ обучающагося юношества“), на который и первѣйшіе въ знаніи языка Россійскаго мужи обращали все свое вниманіе, былъ бы всегда свыше силъ моихъ, если бы я по Вашему же благоволенію не имѣлъ случая быть при собраніяхъ Императорской Россійской Ака-

деміи, и заимствовать многое отъ бываемыхъ во оной разсужденій, къ правиламъ, чистотѣ, усовершенію и возвеличенію Россійскаго языка споспѣшествующихъ“.

Въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности при Имп. Моск. ун., ч. 15, за 1819 г., было помѣщено пространное письмо Н. Кошанскаго (стр. 86—118) къ предсѣдателю общества подъ заглавіемъ „О русскомъ синтаксисѣ“. Кошанскій, предполагавшій сначала изложить предъ обществомъ свои мысли о русскомъ синтаксисѣ, измѣнилъ свое намѣреніе въ виду выхода 3-го изданія грамматики Россійской Академіи, и „простыя мысли превратились теперь въ замѣчанія на Русскій Синтаксисъ“.

Кошанскій разбираетъ лишь синтаксисъ „управленія“, и его замѣчанія можно разсматривать съ двухъ сторонъ: какъ критику ученія объ управленіи въ академическомъ учебникѣ и какъ самостоятельныя стремленія внести нѣчто новое въ учебники русскаго синтаксиса. Общая мысль письма могла бы быть выражена въ немногихъ словахъ самого же Кошанскаго: „Развѣ нѣтъ средствъ составить правила... легче, короче и полнѣе по *значенію*“? (97—98).

Мнѣ приходилось уже отмѣчать, что учебникъ Россійской Академіи имѣлъ своимъ началомъ лексическія занятія надъ русскимъ языкомъ братьевъ Соколовыхъ. Неудивительно поэтому, если параграфы, трактовавшіе объ управленіи, обращались въ перечень отдѣльныхъ словъ. И Кошанскій вполнѣ правильно указалъ, что различныя правила разсматриваемаго учебника, ограничивающіяся перечисленіемъ, требуютъ дополненій, и что, будучи дополнены, эти правила все же не могутъ претендовать на полноту. Такимъ образомъ указывалось на недостатокъ точности, а затѣмъ на неудобства въ педагогическомъ отношеніи. Выставляя необходимость обобщенія въ грамматическихъ правилахъ объ управленіи, Кошанскій указывалъ какъ на обобщающій принципъ—*значеніе*, допуская, впрочемъ, и другіе принципы, напримѣръ, въ правилахъ управленія глаголовъ три принципа: родъ глаголовъ (т. е. залогі), сложеніе глаголовъ и значеніе глаголовъ. Здѣсь Кошанскій не замѣтилъ разнородности выдвигаемыхъ принциповъ, но зато онъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ о вліяніи значенія при управленіи, объ измѣненіи управленія, благодаря измѣненію значенія слова (Кошанскій не провелъ только мысли о томъ, какъ измѣняется значеніе слова, вѣроятно, не считая это дѣломъ относящимся къ синтаксису). „Управленіе“ Кошанскій стремился упростить, сводя управленіе различныхъ частей рѣчи къ управленію корней, такъ

какъ слова производныя отъ одного корня требуютъ однихъ и тѣхъ же падежей. Кошанскій отмѣтилъ несовершенство формулировки, что „глаголы дѣйствительные сочиняются обыкновенно съ падежемъ винительнымъ“, указавъ такіе глаголы, какъ *помогать кому, управлять кѣмъ* и прочее, хотя самъ не далъ удовлетворительнаго опредѣленія.

Кошанскій не чуждъ былъ нѣкоторыхъ общихъ и частныхъ тогда ошибочныхъ взглядовъ, что особенно сказалось въ концѣ его замѣчаній, но все это не лишаетъ его статьи значенія въ исторіи нашего синтаксиса. Статья эта не можетъ, конечно, претендовать на какія либо открытія, но она важна какъ стремленіе внести ясность въ ту область, въ которой никакъ не могли разобраться. Кошанскому, какъ педагогу-практику, приходилось сталкиваться со всей грамматической путаницей, и какъ человѣкъ талантливый онъ стремился разобраться въ ней. У Кошанскаго была мысль представить и свой планъ синтаксиса, о чемъ онъ говоритъ въ концѣ письма (изъ предисловія къ „Практической русской грамматикѣ“ Греча мы видимъ, что послѣдній пользовался рукописнымъ синтаксисомъ Кошанскаго, изъ котораго „заимствовалъ весьма полезныя замѣчанія“).

Въ тѣхъ же Трудахъ Общ. Любит. Росс. Слов., за 1824 г., ч. IV, была помѣщена статья Ив. Калайдовича „О залогахъ глаголовъ русскихъ“, наносившая мѣткіе и сильные удары по сложившейся теоріи о залогахъ русскаго глагола и освѣщавшая нѣкоторые синтаксическіе вопросы иначе, чѣмъ то находимъ у Кошанскаго. Въ сущности, эта статья непосредственная предшественница не только по времени, но, что особенно важно, по характеру, замѣчаній Даля и Некрасова относительно того же вопроса. Сила этой статьи въ ея критической части, въ ея мѣткихъ нападеніяхъ; какой либо собственной теоріи или даже прочныхъ устоевъ для теоріи авторъ на далъ. Теорія залоговъ разсматривается съ трехъ сторонъ: объясняетъ ли она природу, основной характеръ глаголовъ („знаменованіе“), показываетъ ли различія въ спряженіи и облегчаетъ ли правила „сочиненія“ глаголовъ, т. е. съ тѣхъ сторонъ, которыя, дѣйствительно, должны освѣщаться, по мнѣнію грамматиковъ, теоріей относительно залоговъ глагола. И разсматривая создавшуюся теорію, авторъ даетъ, по справедливости, отрицательный отвѣтъ по всѣмъ тремъ пунктамъ. Прежде всего онъ возстааетъ противъ существованія въ русскомъ языкѣ общаго залога, находя, что само опредѣленіе, даваемое этому залогу, заставляеть разносить принадлежащія сюда глаголы по двумъ другимъ: къ дѣйствительному и среднему. Справедливо проводится мысль, что залогъ опредѣляется только въ

предложеніи, — дѣйствительно, въ основу, вѣдь, дѣленія кладется — значеніе глагола, а смыслъ его опредѣлить можно только въ предложеніи. А если такъ, то и такіе глаголы, какъ *трудиться надъ чѣмъ*, мы должны отнести къ дѣйствительному залогу, такъ какъ здѣсь дѣйствіе подлежащаго переходитъ на предметъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, авторъ долженъ былъ бы выдержать ее до конца, между тѣмъ мы видимъ, что онъ съ похвалою отзывается о рѣшеніи составителей французскихъ грамматикъ относить къ дѣйствительному залогу только глаголы, требующіе винительнаго падежа, такимъ образомъ пришлось стать ему на двухъ разныхъ точкахъ зрѣнія — лексической и формальной. И самъ авторъ даетъ орудіе противъ того, чтобы класть въ основу значеніе глагола, указывая, что въ различныхъ языкахъ глаголы при сходствѣ въ значеніи требуютъ различной конструкціи. „Не можетъ ли сіе служить доказательствомъ, что залогъ глагола опредѣляется принятымъ употребленіемъ, а не существеннымъ значеніемъ глагола?“ (85). Уже здѣсь также заключается возраженіе противъ мыслей Кошанскаго, съ нѣкоторыми изъ положеній котораго авторъ не соглашается. Такъ, на положеніе, что глаголы, выражающіе боязнь, осторожность, требуютъ родительнаго падежа, Калайдовичъ приводитъ глаголы, какъ *трепещу, страшусь* съ инымъ управленіемъ и другіе, такимъ образомъ измѣняетъ выставленныя Кошанскимъ правила: вмѣсто — глаголы, обозначающіе то и то, требуютъ такого-то падежа, ставятся — *нѣкоторые* глаголы, и такимъ образомъ, въ сущности, уничтожается созданное правило. Но въ то же время Калайдовичъ признаетъ „прекраснѣйшимъ“ правило Кошанскаго, что управленіе связано съ корнемъ слова. Что тотъ или иной залогъ не связанъ съ опредѣленнымъ падежемъ, авторъ на это даетъ примѣры, такъ: *родительный падежъ съ предлогомъ отъ* ставится послѣ страдательнаго залога и средняго (краснѣть отъ стыда), *дательный* — послѣ дѣйствительнаго, возвратнаго, взаимнаго, *винительный безъ предлога* — дѣйствительнаго, взаимнаго (приведенъ такой примѣръ: сражались цѣлую ночь), возвратнаго (учился цѣлую зиму) (въ приведенномъ и другихъ подобныхъ примѣрахъ Калайдовичъ не замѣтилъ разницы съ такъ называемыми „переходными“ глаголами и не замѣтилъ, что здѣсь винительнымъ падежомъ передается время), *творительный* — послѣ страдательнаго, дѣйствительнаго (вертѣтъ хвостомъ), возвратнаго (заниматься науками), средняго (сгорать желаніемъ).

Калайдовичъ пользовался при составленіи своей статьи нѣкоторыми мыслями Левизака (*L'art de parler et d'ecrire correctement la*

langue françoise, Paris, 2 т., 7-е изд.), какъ онъ и самъ на то указываетъ, но въ окончательномъ выводѣ онъ не сошелся съ Левизакомъ: онъ признавалъ необходимость удержанія дѣленія глаголовъ на залого, но только съ тѣмъ, чтобы не требовать невозможнаго отъ этого дѣленія и не считать глаголовъ съ разными значеніями, а одинаковыхъ по формѣ, принадлежащими къ одному и тому же залогоу.

Такимъ образомъ статья эта не могла претендовать на цѣльность и твердость извѣстнаго взгляда, она важна своими отдѣльными мыслями, отдѣльными замѣчаніями. Интересно, между прочимъ, что авторъ высказываетъ мысль (правда, сообщенную ему П. Θ. К.), что первоначально во всѣхъ коренныхъ языкахъ, вѣроятно, имѣлся лишь винительный падежъ „для выраженія отношенія глагола и имени“, а затѣмъ этотъ падежъ долженъ былъ уступить нѣкоторыя свои права другимъ падежамъ.

То, чего какъ-то недоставало академической грамматикѣ, именно общихъ обоснованій, общихъ разсужденій и обобщеній, мы находимъ въ „Новѣйшемъ начертаніи російской грамматики на началахъ всеобщей основанныхъ“ Орнатовскаго (Харьковъ 1810 г.). Фактическая сторона заимствуется Орнатовскимъ главнымъ образомъ изъ академическаго синтаксиса, сохраняется и порядокъ изложенія, внѣшній планъ (для примѣра: § 1 соотвѣтствуетъ § 281, 3—282, 5—283, 285 и прочее). Само заглавіе показываетъ уже на отношенія Орнатовскаго къ грамматикѣ русской и „всеобщей“. Въ основѣ ставятся начала грамматики „философической“. Авторъ приверженецъ теоріи происхожденія языка изъ подражанія и изъ произвольнаго условія людей между собою. „Грамматика Російская есть наука, руководствующая къ правильному и вразумительному употребленію тѣхъ членораздѣльныхъ звуковъ, которые приняты Російскимъ народомъ для выраженія понятій“ (38). „Разсужденіе, выражаемое членораздѣльными звуками, или письменными знаками, называется предложениемъ (propositio)“, стр. 40. Соединеніе нѣсколькихъ разсужденій—мысль. „Выраженіе же мыслей словами называется рѣчью“. Въ этихъ опредѣленіяхъ мы замѣчаемъ логическую непослѣдовательность: какъ будто рѣчь не есть также и одно предложеніе. Въ „разсужденіи“ Орнатовскій выдѣляетъ понятіе, которое возбуждаетъ дѣятельность разума, это есть *подлежащее*, а „которое послѣдуетъ за онымъ по какому либо съ нимъ отношенію, называется *сказуемымъ* (praedicatum)“, 40. „То понятіе, которое изъясняетъ, почему подлежащее можетъ придано быть къ сказуемому, называется подтвержденіемъ (asser-

tion), напимѣръ, „дерево есть зеленое“, 40. Здѣсь отмѣтить необходимо проникновеніе началъ грамматики „философической“ для анализа явленій „частной“ грамматики. Орнатовскій отмѣчаетъ, что имя существительное обозначаетъ предметы и составляетъ подлежащее въ предложеніи (50). По Орнатовскому, это самая важная часть рѣчи. Прилагательное онъ называетъ сказуемымъ и, что интересно, подмѣчаетъ сходство между прилагательнымъ и глаголомъ, который, по Орнатовскому, соединяетъ въ себѣ *сказуемое* и *связь*. „Глаголь есть слово близкое къ прилагательному съ тѣмъ только различіемъ, что прилагательное означаетъ свойства или качества, не составляя само собою сужденія, а глаголь не только связываетъ различныя состоянія и свойства съ предметами ихъ, но ограничиваетъ самое время и обстоятельство“ (53). Орнатовскій выдвигаетъ важность глагола для рѣчи, замѣчая, что нѣтъ мысли безъ явнаго или скрытаго глагола. „Соединеніе словъ, изображающее въ связи и порядкѣ наши понятія, называется рѣчью (*sermo*), такъ какъ понятія, изображающія въ связи состояніе предметовъ, называются *сужденіемъ*“. Интересно отмѣтить еще слѣдующее замѣчаніе: „правила, на коихъ основывается словосочиненіе, гораздо болѣе зависятъ отъ общаго употребленія, нежели предыдущая часть грамматики“ (217).

Годомъ позже книги Орнатовскаго въ Харьковѣ же былъ изданъ „Опытный способъ къ философическому познанію російскаго языка, сочиненный Иліею Тимковскимъ“. Это какъ бы курсъ „вышей“ грамматики, съ методическими указаніями и практическими упражненіями. Главы, посвященныя синтаксису, состоятъ изъ отдѣльныхъ правилъ, представляющихъ какъ бы обобщеніе того, что приводится въ предложенныхъ примѣрахъ. Синтаксису посвящена главнымъ образомъ глава V (27—33), изложеніе неясное, тяжелое. Авторъ лишь вскользь выдвигаетъ понятія связной рѣчи, о предложеніи у него ничего не говорится, выдвигается лишь отношеніе подлежащаго и сказуемаго. Сказуемое, по Тимковскому, иногда обращается въ безличное, „имѣя подлежащимъ количество, кромѣ разныхъ частей рѣчи, когда онъ въ среднемъ родѣ поставляются“ (28). Лучшей характеристикой даннаго труда можетъ быть любое отдѣльное мѣсто. Приведу два отрывка. „Часто бываетъ, что самое опредѣляющее опредѣлить потребно; въ такомъ случаѣ и слова, зависящія отъ причастія, могутъ быть опредѣлены другимъ того же залога и времени причастіемъ, или слова, отъ возносительнаго мѣстоименія зависящія, могутъ быть опредѣлены паки тѣмъ же возносительнымъ“ (32). Подобный же схоластическій

разборъ мы находимъ и въ другихъ случаяхъ. Вотъ начало VI главы: „За изъясненіемъ опредѣленія слова слѣдуетъ опредѣленіе мыслей въ ихъ точности, силѣ, полнотѣ и круглости. Сіе производится: А. Филологическимъ опредѣленіемъ видовъ. Слова въ подлежащемъ или сказуемомъ, опредѣляемыя другими словами, представляютъ родъ, а чрезъ прибавленіе сихъ опредѣляющихъ становятся видомъ или частью онаго рода“ (33).

V.

Среди иностранныхъ трудовъ начала XIX в., посвященныхъ русской грамматикѣ, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе труды Фатера. Прекрасно знакомый съ результатами тогдашнихъ лингвистическихъ изслѣдованій, Фатеръ перенесъ ихъ и въ свои труды по русскому языку. Фатеру, наряду впрочемъ съ другими учеными (проф. Болдыревымъ и Таппе), наука приписываетъ открытіе видовъ въ русскомъ глаголѣ, правда, ученіе о глаголѣ не получило у него яснаго, систематическаго выраженія. Остановлюсь прежде всего на небольшомъ отдѣлѣ въ его *Praktische Grammatik der russischen Sprache...* (изданіе 1 1808 г. Leipzig) — *Syntaktische Bemerkungen* (242—253, 2-го изданія 1815 г.). Синтаксическія замѣчанія основаны главнымъ образомъ на грамматикѣ Ломоносова, иногда передаются и примѣры, приводимые у Ломоносова (напр., слѣд. §§ грам. Ломоносова: 503—4, 505, 506, 470—1, 473, 477—8, 482, 496, 518—9, 531—2 несомнѣнно заимствованы Фатеромъ), въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтно измѣненіе находившагося у Ломоносова матеріала (напр., къ примѣрамъ изъ §§ 495, 499), очевидно подъ вліяніемъ тѣхъ сообщеній, которыми пользовался Фатеръ отъ своего знакомаго, русскаго майора Шулепникова. Краткость синтаксическихъ замѣчаній была, можетъ быть, одной изъ причинъ, почему Фатеръ ограничивался краткими формулировками управленія падежей по значенію, а, можетъ быть, здѣсь сказалось также вліяніе Ломоносовской грамматики, въ которой находимъ то же самое.

Давая въ своихъ синтаксическихъ замѣчаніяхъ лишь нѣкоторый матеріалъ, касающійся строя предложенія въ русскомъ языкѣ, Фатеръ въ другихъ частяхъ своего учебника представляетъ нѣкоторыя теоретическія положенія относительно самого предложенія и его частей. Въ введеніи къ главѣ V о глаголѣ Фатеръ указываетъ на ту роль, которую играетъ глаголъ въ предложеніи, составляя предикатъ (а въ послѣднемъ вся сила выраженія). Подмѣчается сходство между при-

лагательнымъ и глаголомъ, но въ то же время отъбняется и ихъ существенная разница: *Eigenschafts-Wörter, in welchen sowohl die Beschaffenheit selbst, als auch die bestimmte Aussage derselben, als eines wirklichen Zustandes, liegt, heissen Verba...* (82). Подмѣчается сходство между прилагательнымъ и именемъ существительнымъ въ томъ отношеніи, что основное значеніе прилагательнаго—обозначеніе качества предмета можетъ дѣлаться значеніемъ именъ существительныхъ (*Eigenschaftssubstantive, 26*). Существительныя имена опредѣляются какъ слова, обозначающія предметъ, при чемъ существительное, о качествѣ котораго высказывается въ предложеніи, есть подлежащее предложенія (26).

Въ своихъ *Analekten der Sprachenkunde* (II т., 1-я п. Leipzig, 1821) Фатеръ помѣстилъ „*Neue Beyträge zur Aufstellung der Syntaxis der Russischen Sprache*“ (51—84). Эти *Beiträge* результатъ, очевидно, сознанія недостаточности синтаксическихъ замѣчаній, приведенныхъ въ грамматикѣ, сдѣлана также нѣсколько иная группировка матеріала. Изъ 45 §§ стоитъ остановиться на нѣкоторыхъ. § 10 посвященъ объясненію употребленія формы *его* въ значеніи винительнаго падежа средняго рода: *я прошу позволенія, мнѣ очень нужно его имѣть*. Фатеръ объясняетъ это явленіе, отсутствующее въ другихъ языкахъ, влияніемъ употребленія родительнаго падежа въ качествѣ формы винительнаго. И въ приведенномъ примѣрѣ сказалось влияніе такой фразы: *вотъ здѣсь сукно хорошее, я купилъ его въ Москвѣ*, при чемъ въ данной фразѣ совершенно въ духѣ русскаго языка поставлено *его*, такъ какъ обозначается неопредѣленное количество купленнаго (интересно, что Фатеръ не говоритъ о родительномъ въ качествѣ раздѣлительнаго, а о родительномъ для обозначенія неопредѣленнаго количества, въ связи съ этимъ интересно также замѣчаніе въ дальнѣйшемъ, § 21 прим. 2, о томъ, что при обозначеніи предмета по его качеству ставится винительный падежъ: желаю, чтобы вы всѣ получали хлѣбъ и вино). Въ § 26 Фатеръ значительно расширилъ матеріалъ, находившійся въ § 12 грамматики относительно такихъ примѣровъ, какъ *онъ былъ княземъ, онъ былъ королемъ*, и благодаря этому выяснилъ обозначеніе творительнымъ падежомъ временнаго отъбнка, извѣстнаго промежутка времени. Кстати сказать, что совершенно случайно § 26 начинался у Фатера винительнымъ падежомъ для обозначенія времени. Въ § 31 говорится въ началѣ о постановкѣ неопредѣленнаго наклоненія въ качествѣ подлежащаго и въ зависимости отъ другихъ частей рѣчи. Говоря объ употребленіи „кажется“ Фатеръ допускаетъ (въ

этомъ же §) такой lapsus: дѣти кажутся его любить (т. е. въ соотвѣтствіи съ нѣмецкимъ—die Kinder scheinen ihn zu lieben). Въ томъ же § въ разд. е. Фатеръ даетъ наблюденіе, пользуясь собственными матеріалами, приведенными въ его грамматикѣ, именно, что соединеніе неопредѣленнаго наклоненія съ глаголомъ существительнымъ обозначаетъ понятіе „необходимости“ (ср. также прим. на 273 стр. грам.). Здѣсь же разд. f. имѣется такое наблюденіе: Hiermit hängt zusammen, dass bey dem Infinitivus indefinitivus было *vorgesetzt* das ausdrückt, was *eben* geschehen sollte, *nachgesetzt* aber das, was leider *hatte* geschehen sollte, з. В. мнѣ было говорить *ich sollte eben anfangen zu reden*, говорить было (*ich*) *hätte reden sollen* (*geredet hätte werden sollen, zu reden war*).

Расширяя матеріалъ, положенный въ грамматикѣ, Фатеръ воспользовался въ данномъ трудѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ ранѣе, академической грамматикой, привелъ и самъ нѣкоторыя наблюденія. Примѣры, между прочимъ, онъ заимствовалъ въ новомъ своемъ трудѣ изъ сочиненія Шишкова (Разсужденіе о Краснорѣчьи Священнаго писанія...), на которое онъ дѣлаетъ ссылки и которымъ онъ пользовался и при составленіи грамматики (последній § о разныхъ стиляхъ составленъ по Шишкову).

Въ изданномъ вскорѣ послѣ грамматики Фатера учебникъ русскаго языка на нѣмецкомъ языкѣ Таппе (*Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre... 1810 г.*) имѣются также *Syntaktische Bemerkungen* (196—204), но и эти замѣчанія представляютъ лишь извлеченіе и комбинацію отдѣльныхъ правилъ изъ предыдущей разработки, главнымъ образомъ изъ Ломоносовской грамматики (самъ Таппе въ предисловіи указываетъ пособія, которыми онъ пользовался). Интересно въ предисловіи для насъ слѣдующее мѣсто: *Von einer russischen Syntaxis, so etwa im Bröder, kann bei Ausländern noch nicht die Rede sein, bevor uns nicht die gelehrten Russen selbst erst über diesen Gegenstand noch mehrere Vorarbeiten werden geliefert haben... (VIII)*. Учебникъ Таппе выдержалъ нѣсколько изданій, на его большую популярность указываетъ уже одно то, что, на примѣръ, въ 1815 г. вышло 4-е изданіе; я сравнивалъ отдѣлъ синтаксиса въ этомъ изданіи, но измѣненія, въ частности скорѣе дополненія сдѣланы небольшія, а существо синтаксическихъ замѣчаній, какъ и въ первомъ изданіи.

Къ началу XIX в. у насъ относятся переводы общихъ грамматикъ: грамматики Фатера и такъ называемой грамматики Портъ-Рояля.

Если послѣдняя (написанная во второй половинѣ XVII столѣтія монахами Портъ-Рояля) не имѣла для исторіи разработкѣ нашего синтаксиса никакого значенія, то нельзя этого сказать относительно грамматики Фатера въ виду дѣйствительнаго авторитета для многихъ имени этого нѣмецкаго ученаго, взгляды котораго находили отраженіе въ трудахъ русскихъ ученыхъ. Подъ вліяніемъ трудовъ Фатера составлена уже для русскихъ гимназій *allgemeine Grammatik* Якобомъ: *Ich erhielt im Jahre 1808, пишеть онъ въ предисловіи (къ нѣмецкому изданію съ комментариемъ, неизданнымъ на русскомъ языкѣ), als Ich Professor in Charkow war, von der kaiserlichen Oberschuldirection in St.-Petersburg den Auftrag, Lehrbücher für den philosophischen Cours auf den Gymnasien des russischen Reichs auszuarbeiten.* Можно, конечно, съ полнымъ скептицизмомъ относиться къ подобнымъ попыткамъ составленія и введенія грамматикъ общаго характера въ школы, чему подражаніе обнаружилось и у насъ; тѣмъ не менѣе, нужно отдать справедливость: составитель упомянутаго *Compendium*'а стремился использовать имѣющійся до того матеріалъ и далъ добросовѣстно исполненную работу, менѣе удѣливъ мѣста синтаксису, но и въ немъ давъ непосильную задачу для молодежи изложеніемъ въ 58 краткихъ §§ логико-грамматическаго ученія. Болѣе живыми по изложенію являются объясненія къ грамматикѣ, въ которыхъ составитель имѣетъ дѣло съ фактами языка, а не съ сухимъ логическимъ отвлеченіемъ; здѣсь составитель обнаруживаетъ знаніе языковъ, между прочимъ, кромѣ русскаго, приводятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣры изъ польскаго языка, даются примѣры для логико-грамматическаго разбора.

Къ началу XIX в. относится изданіе трудовъ по русскому языку Жана-Баптиста Модрю. По изученію русскаго языка труды эти не давали ничего новаго, но для насъ они интересны по тому общему анализу языка, который соотвѣтствовалъ начинавшемуся у насъ такъ называемому „логическому“ направленію. Въ 1809 г. было издано „Основательное сокращеніе Россійской Грамматики“, каковое представляло переводъ въ сокращеніи изданнаго ранѣе въ 1802 г. тѣмъ же Модрю на французскомъ языкѣ *Eléments raisonnés de la langue russe ou principes généraux de la grammaire appliqués à la langue russe.* Синтаксисъ, по Модрю, основанъ на логикѣ (100), поему законы синтаксиса одинаковы, отъ этихъ законовъ нужно отличать конструкцію, которая разнообразна. Подъ послѣдней Модрю главнымъ образомъ разумѣть разстановку словъ въ предложеніи (хотя далѣе онъ отдѣльно говоритъ о разстановкѣ), въ понятіе конструкціи входятъ

также полнота и неполнота выражений. „Синтаксисъ имѣть два главнѣйшія правила, называющіяся 1-е *согласовательнымъ отношеніемъ*; 2-е *ограничительнымъ отношеніемъ*“; говоря о глаголѣ Модрю прибѣгаетъ къ термину „управленіе“.

Синтаксисъ изложенъ въ „Основательномъ сокращеніи“ на стр. 86—107, включая ученіе о знакахъ препинанія. Приведу нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя мѣста. Авторъ различаетъ „выраженіе“ и „предложеніе“. „Выраженіе“ можетъ не имѣть особаго смысла, имѣющее же смыслъ выраженіе или соединеніе выраженій составляетъ предложеніе (86). „Тамъ всегда находится предложеніе, гдѣ къ именительному падежу или звательному падежу прилагается какой-нибудь глаголъ“ (87). Изъ предложеній создается періодъ, предложенія въ такомъ случаѣ являются членами періода (87). Предложенія дѣлятся на грамматическія и логическія, послѣднія обладаютъ „совершеннымъ смысломъ“, для первыхъ это не является необходимымъ (грамматично, напримѣръ, „дабы онъ сдѣлался полезнымъ своему опекуну“). Иногда грамматическое предложеніе совпадаетъ съ логическимъ. Грамматическое предложеніе распадается на члены, при чемъ „не можетъ имѣть ни меньше двухъ, ни больше пяти членовъ“ (88). Члены предложенія: 1) подлежащее, 2) приписательное, 3) предметъ, 4) предѣлъ, 5) обстоятельство. „Изъ девяти частей рѣчи одна только можетъ служить приписательнымъ; и для того она, яко самая главная часть рѣчи, называется глаголомъ“ (89). Подлежащее отвѣчаетъ на вопросъ: кто, что, о комъ упоминается, о чемъ. Приписательное: что сказывается о подлежащемъ. „Предметъ—на вопросы кого? что? Предѣлъ—на вопросы кому? чему? Обстоятельство, на вопросы гдѣ? какъ? когда?..“.

VI.

Въ 1820 г. въ Прагѣ вышла грамматика русскаго языка на нѣмецкомъ языкѣ чеха Пухмайера, составленная по образцу грамматики чешскаго языка Добровскаго; называлась эта грамматика *Lehrgebäude der Russischen Sprache*. Синтаксису здѣсь посвящены стр. 247—288, заключающія 109 отдѣльныхъ параграфовъ. Сравнивая съ предыдущими нѣмецкими грамматиками, а также съ *Neue Beiträge* Фатера, мы должны отмѣтить, что здѣсь имѣется значительно болѣе матеріала, дано большее количество правилъ, при чемъ составитель черпалъ приводимый матеріалъ не только изъ грамматикъ, но и изъ современной русскои литературы. Правда, иногда правила построенныя имъ, носили случайный характеръ, основываясь на случайномъ мате-

ріалѣ, иногда примѣры выбирались изъ источниковъ не вполне чистой русской рѣчи (между прочимъ, есть такого рода наблюденіе, могущее показаться на первый взглядъ очень курьезнымъ, что въ судебныхъ договорахъ отчество на *овъ* не опускается..., а при обозначеніи лица, имѣющаго генеральскій чинъ, употребляется отчество на *овичъ* и *евичъ*, при этомъ приводятся такіе примѣры: Петръ Кутузовъ сынъ Александровичъ, Елисавета Кутузова дочь Александровичъ). Иногда замѣчаются ошибки, получившіяся благодаря, повидимому, не вполне совершенному знанію составителемъ русскаго языка (напримѣръ, на стр. 252, „мы введены были въ храмъ, *изданный* царемъ Юстиніаномъ“). Опѣнивая трудъ Пухмайера, конечно, нужно имѣть въ виду прежде всего цѣль, для которой этотъ трудъ былъ предназначенъ. Для знакомства съ строемъ русской рѣчи онъ давалъ все же порядочно матеріала, при чемъ матеріалъ ставился параллельно даннымъ рѣчи нѣмецкой. Отмѣчу здѣсь лишь тѣ §§, которые давали новыя обобщенія. Въ § 32 говорится, что для большей живости въ разсказахъ употребляется настоящее время вмѣсто прошедшаго. Въ § 33—о сокращеніи двухъ предложений въ одно посредствомъ дѣепричастія (*vermitteltst der Participial-Art, Modus Transgressivus genannt*), при чемъ обращено было вниманіе на соотношеніе временъ, именно: прошедшее дѣепричастіе употребляется и для обозначенія прошедшаго времени и будущаго, напримѣръ—отобѣдавши, напишу письмо. Говоря о сокращеніи предложений, Пухмайеръ имѣлъ въ виду также возможность сокращенія предложений такихъ: *ходилъ по саду и молился*, и смотря по смыслу, совѣтовалъ сокращать въ: *ходя по саду, молился*; *ходилъ по саду, молясь*. Въ то же время Пухмайеръ замѣчалъ о невозможности сокращать подобныя предложенія, какъ: *бѣгалъ по лѣсу* и *впалъ въ яму*—*бѣгалъ по лѣсу, впавъ въ яму*, а лишь такъ: *бѣгая по лѣсу, впалъ въ яму*. Въ § 36 обращено вниманіе на то, что при двойномъ предлогѣ падежъ ставится въ зависимости отъ перваго: изъ подъ стола. §§ 40—46 посвящены разсмотрѣнію постановки отрицанія *не*, употребленію *ни* съ *не*. Въ § 54 род. пад.: *возьми овса* и пр. объясняется пропускомъ слова *нѣсколько*, а въ такихъ случаяхъ, какъ *насажатъ капуста*—слова *много*. Въ § 65 вслѣдъ за оборотомъ—вин. пад. для обозначенія времени, на вопросъ: какъ долго, отмѣчается, что для обозначенія большей определенности во времени ставится предлогъ *въ*: *въ третій день*. Въ § 69—за мужъ (въ выраженіи *выйти*) считается остаткомъ стараго винительнаго падежа. Въ § 70, въ которомъ довольно обстоятельно говорится объ

употребленіи родительнаго падежа при глаголахъ, въ 4 раздѣлѣ приводится такое правило: родительный падежъ ставится при глаголахъ, которые приближаются по своему значенію къ переходнымъ, но дѣйствіе которыхъ не обхватываетъ всего предмета, а лишь касается его, оставаясь болѣе въ самомъ субъектѣ; сюда составитель относитъ глаголы, обозначающіе требованіе, „внутреннее стремленіе или иначе дѣйствіе души“: чаять воскресенія мертвыхъ, жду гостей и пр. Въ § 72 такъ формулируется основное значеніе дательнаго падежа: дат. пад. обозначаетъ цѣль дѣйствія, лицо или вещь, на которыя направлено содержаніе глагола. Особенно подробно указаны основныя значенія творительнаго падежа въ §§ 76—77 (указано 10). Въ §§ 79—87 (стр. 270—278) дано много примѣровъ на разнообразныя случаи употребленія предлоговъ. Въ § 88—указывается, между прочимъ, разница въ употребленіи для обозначенія будущаго времени вспомогательнаго глагола *буду* и *стану*— послѣднее обозначаетъ дѣйствіе болѣе близкое, болѣе увѣренное. Въ § 89, исходя изъ строя нѣмецкаго предложенія, говорится о замѣнѣ въ русскомъ языкѣ неопредѣленнаго наклоненія другими формами; здѣсь, между прочимъ, говорится и о замѣнѣ въ такихъ случаяхъ: уже время къ отправленію... вмѣсто отправиться... Въ § 90 довольно подробно говорится о безличныхъ глаголахъ, дано перечисленіе ихъ; упоминается о возможности безличнаго глагола во 2-мъ лицѣ, къ особому роду безличныхъ выраженій отнесены такія фразы: его рветъ желчью... Въ § 91 говорится о томъ, что нарѣчія согласно ихъ назначенію не управляютъ падежами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они употребляются какъ предлоги; подобное же говорится въ § 91 относительно междометій. §§ 96—109 посвящены вопросу о порядкѣ словъ. Здѣсь отмѣчается та свобода, которая, дѣйствительно, наблюдается въ русскомъ языкѣ относительно разстановки словъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ составитель подмѣчаетъ и нѣкоторые болѣе или менѣе постоянно дѣйствующіе законы: управляемый родительный падежъ ставится послѣ того слова, которое управляетъ; относительное мѣстоименіе послѣ слова, къ которому относится и др. Дается цѣлый рядъ примѣровъ въ той или иной постановкѣ.

Уже изъ сказаннаго можно вывести, что синтаксисъ въ грамматикѣ Пухмайера отличался для своего времени большими достоинствами. Добровскій въ предисловіи къ данной грамматикѣ отозвался о синтаксисѣ, что составленъ онъ съ такимъ же прилежаніемъ, какъ двѣ другія части; достоинство же всей грамматики Добровскій видѣлъ

въ ясности правилъ, въ хорошо подобранныхъ примѣрахъ, въ удачно́мъ сводѣ въ разныхъ источникахъ находящихя замѣчаній (Vogrede, XII). Грамматика Пухмайера не осталась безъ вліянія на дальнѣйшую разработку русской грамматики. Вотъ что, напримѣръ, говорить Востоковъ относительно источниковъ своей грамматики: „Изъ другихъ русскихъ грамматикъ, коими сочинитель болѣе или менѣе пользовался, держался онъ преимущественно Пухмайеровой, сочиненной подъ руководствомъ Добровскаго“ (Предисловіе къ грам. изд. 1831 г., V). Но всѣ достоинства синтаксиса Пухмайера должны быть отнесены на долю Добровскаго. Уже съ первыхъ страницъ легко видѣть, что составитель цѣликомъ бралъ параграфы синтаксиса изъ грамматики Добровскаго и вставлялъ лишь русскіе примѣры (Ср. 1—1, 2—6, 5—8, 6—9, 8—11, 9—12, 11—16 и пр.). Получалось такимъ образомъ не „nach dem Lehrgebäude der böhm. Sprache des Hrn Abbe Dobrowsky“, какъ то стоитъ на заголовкѣ труда, а aus... Достоинство труда лишь въ примѣненіи безспорно выдающагося для своего времени синтаксиса къ русскому языку, въ подысканіи соотвѣтствующихъ примѣровъ, въ облегченіи для русскихъ грамматистовъ возможности воспользоваться результатами изслѣдованій великаго слависта. И всѣ выдвинутыя мною мѣста заимствованы изъ Lehrgebäude der Böhmisches Sprache... Von Joseph Dobrowsky (пользуюсь изданіемъ 1819, Prag): § 32 = 32, 33=35, отъ 40 по 46=41 по 46, 72=72, 76=77, 79=80 (между прочимъ, заимствованъ въ § 38 изъ § 37 у Добровскаго оборотъ свойственный чешскому языку: я радъ у васъ).

Такимъ образомъ попытка Добровскаго построить синтаксисъ чешскаго языка оказала несомнѣнно благодѣтельные результаты на ходъ разработки русскаго синтаксиса. Говоря о синтаксисѣ Пухмайера, я не коснулся распредѣленія матеріала въ немъ, сдѣлаю это теперь, такъ какъ это распредѣленіе было заимствовано Пухмайеромъ также у Добровскаго. Wortfügung у Добровскаго дѣлится главнымъ образомъ на 2 части: 1) правила согласованія, 2) правила управленія (3 часть въ 1 страницу—эллипсисъ, 4—порядокъ словъ 6 стр., 1 часть отъ 249—279, 2 часть 279—319), къ 1-й части относится употребленіе глагола, частицъ; такимъ образомъ цѣльности полной нѣтъ. Уже изъ разсмотрѣнія синтаксиса въ трудѣ Пухмайера мы могли бы ознакомиться съ синтаксисомъ въ трудѣ Добровскаго, но нужно имѣть въ виду, что не все было передано, часть была опущена, опущено было главнымъ образомъ то, что непосредственно относилось къ чешскому языку.

Въ общемъ указанное дѣленіе удержано Добровскимъ и въ другомъ его трудѣ, синтаксисѣ древне-церковно-славянскаго языка, въ его извѣстныхъ *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris...* (Вѣна 1822): 1) синтаксисъ согласованія, 581—614, 2) синтаксисъ управленія, 614—667 и 3) всего 4 стр.—синтаксисъ *ordinis* (вполнѣ кстатѣ выпущена какъ особая часть—эллипсисъ). На планѣ этого труда, на отдѣльныхъ параграфахъ, отдѣльныхъ правилахъ и ихъ формулировкахъ ясно вліяніе труда предыдущаго, что и неудивительно при сходствѣ матеріаловъ, положенныхъ въ основаніе анализа. Матеріаль же, анализируемый здѣсь, извлеченъ былъ Добровскимъ изъ различныхъ рукописей и сличенъ съ греческимъ текстомъ. Въ данномъ отношеніи у Добровскаго, какъ извѣстно, былъ предшественникъ—Смотрицкій, и мы видимъ въ грамматикѣ Добровскаго также ясныя слѣды пользованія и даже нѣкоторыя заимствованія у Смотрицкаго. Общая ошибка чисто методическаго характера, свойственная грамматикѣ Добровскаго, отразилась, конечно, и на синтаксисѣ, это недостатокъ предварительной рассортировки рукописей. Начинается синтаксисъ анализомъ предложенія съ общей точки зрѣнія—рѣчи: *Sermo constat Subjecto, Copula et Praedicato. Subjectum casu recto sive Nominativo Pronominum personalium et Substantivorum exprimitur*: а) аз нищ есмь и оубог... На нѣкоторыхъ конструкціяхъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ Добровскій отмѣтилъ подражаніе греческимъ образцамъ. Такъ § 7: *Syntaxim graecae potius linguae, quam suae observasse censendus est interpres slavus, quoties ille verbum singulare cum neutro plurali conjungit*: *Psal. 1, 3. Ostrog. Vep. et correcta vsa елика аще творит, оуспѣет* (*κατεουδωθησεται*), *prosperabitur, pro оуспѣют prosperabuntur...* (589). Или: въ § 17 говорится о томъ, что числительныя: пять, шесть, и пр. требуютъ, какъ имена существительныя, въ единственномъ числѣ глагола, въ § 18 указывается, что противъ славянскаго синтаксиса и согласно съ греческимъ много примѣровъ сочетанія съ глаголомъ во множественномъ числѣ. Или: въ § 24 указываются случаи передачи греческаго причастія съ членомъ славянскимъ причастіемъ полного окончанія съ мѣстоим. *яже*, греч. неопредѣленнаго наклоненія съ членомъ слав. неопредѣленнымъ съ *еже* (на что указывалъ Смотрицкій). Говоря въ § 11 о согласованіи именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и пр. съ именами существительными, Добровскій въ большемъ примѣчаніи рассматриваетъ случаи *anomaliae generis*, это, въ сущности, отраженія народныхъ говоровъ, какъ *прокляты гюмна твои* и пр.; не вина, конечно, Добровскаго, что онъ не былъ въ состояніи дать

картины строя предложенія въ древнѣйшей стадіи церковно-славянскаго языка: ему не были извѣстны древнѣйшіе памятники, онъ поэтому могъ, какъ напримѣръ въ § 12 и др., относить явленія позднѣйшія къ болѣе раннему времени. Указывая обыкновеніе переводчиковъ передавать греческія прилагательныя съ членомъ посредствомъ славянскихъ прилагательныхъ полного окончанія и греческихъ прилагательныхъ безъ члена славянскими прилагательными окончанія неполнаго, Добровскій даетъ въ этомъ случаѣ гораздо болѣе примѣровъ, чѣмъ Смотрицкій; онъ указываетъ также случаи отступленія, случаи передачи греческаго прилагательнаго съ членомъ посредствомъ существительнаго (§§ 13, 14). Въ § 16 мы также находимъ распространеніе правила, выведеннаго Смотрицкимъ, о такихъ случаяхъ, какъ сынъ Божій—*filius Dei*, т. е. объ употребленіи въ славянскомъ прилагательнаго вмѣсто родительнаго падежа имени существительнаго.

Въ § 26 Добровскій замѣчаетъ и выставляетъ одну важную особенность славянской рѣчи: „*etiam Adverbium* прежде даже *requirit particulam* не *ante Verbum*: прежде даже не снитиса има, *antequam convenirent*“... Въ отдѣлѣ управленія обращаетъ на себя вниманіе прежде всего большое количество примѣровъ, матеріалъ, извлеченный изъ различныхъ памятниковъ и разсортированный по извѣстнымъ рубрикамъ. Въ § 45 Добровскій даетъ примѣры на оборотъ дательный съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, въ § 46 — на дательный самостоятельный, приводя въ томъ и другомъ случаѣ параллельныя данныя изъ греческихъ текстовъ—оборотовъ дательнаго падежа съ неопред. наклон. и родит. самостоятельнаго. Стремленіе къ фактичности изложенія, вѣроятно, заставляло Добровскаго въ § 48 сказать: *amat Instrumentalem Slavus pro Nomina, ivo secundo, qui Praedicatum agit primi*, не останавливаясь на отгѣнкахъ, могущихъ связываться съ той или иной формой, и пропуская такимъ образомъ то, что было высказано имъ самимъ же въ учебникѣ чешскаго языка. § 51 наглядно показываетъ, съ какой осторожностью относился Добровскій къ непонятнымъ для нашего сознанія фактамъ языка, какъ онъ и здѣсь предпочиталъ считаться только съ фактами, оставляя въ сторонѣ домыслы. Когда читаешь этотъ параграфъ, тотчасъ же вспоминается не менѣе, повидимому, ставившій на первый планъ факты Миклошичъ, между тѣмъ отношеніе послѣдняго къ тѣмъ же наблюденіямъ изъ памятниковъ было совсѣмъ иное. Вотъ этотъ §: *Licet Gerundivorum ore membra duo aut plura in unum contrahuntur ita, ut conjunctio* и *omnino superflua sit, tamen Slavus pleonasticum* и *in*

membro secundo non raro retinere solet: сразившимася полкома и побѣди іарополк олга Nestor. вшедше (corr. melius възшед) и преломль (corr. преломь) хлѣб и вкуш... Въ Syntaxis Ordinis Добровскій прежде всего замѣчаетъ, что онъ не будетъ повторять тѣхъ правилъ, которыя приведены въ грамматикѣ Смотрицкаго, правилъ, которыя, по справедливому замѣчанію Добровскаго, могли бы быть отнесены ко всякому другому языку. Собственныя замѣчанія Добровскаго сводятся здѣсь къ немногому. Прежде всего отмѣчается свобода разстановки словъ, наблюдаемая въ славянскихъ языкахъ, и затѣмъ стремленіе слав. переводчиковъ придерживаться порядка словъ въ греческихъ оригиналахъ, при чемъ это стремленіе подчинить славянскій синтаксисъ греческому проявляется у переводчиковъ болѣе поздняго времени; для доказательства приводятся нѣкоторые примѣры. Затѣмъ говорится о различной въ разныхъ текстахъ постановкѣ частицы *бы*, о постановкѣ союзовъ *бо*, *же*, *ли*, *оубв* (*postponi, loco suo dictum est. ne бо даде...*), объ отдѣленіи *са* отъ глагола, о такихъ дѣленіяхъ словъ: в'рыбы мѣсто, ни ш чемъ же, не в'честъ (вм. в'нечестъ).

Въ 1825 г. у насъ была издана „Грамматика славянская“ Пенинскаго, которая представляла сокращеніе *Institutiones*. (Грамматика эта была долгое время у насъ единственнымъ учебникомъ славянскаго языка).

VII.

Когда говорятъ о системѣ нашей школьной грамматики, о ея „логическомъ“ направленіи, то выставляютъ также постоянно въ качествѣ родоначальника или, по крайней мѣрѣ, главнаго представителя этого направленія, положившаго начало нашей теперешней учебной грамматикѣ, — Буслаева. Это утвердившееся положеніе совершенно неправильно: наши грамматики усвоили систему, выработанную на основаніи предыдущей разработки—иностранный и русской—Гречемъ, оказавшимъ большое вліяніе на разработку русской грамматики въ трудахъ Востокова и Буслаева.

Я остановлюсь на „Практической русской грамматикѣ“ Греча, о другихъ грамMAT. трудахъ Греча мнѣ придется лишь упомянуть. 1-й томъ „Пространной русской грамматики“, изданный въ одинъ годъ съ „Практической“..., посвященъ такъ называемой этимологіи; о 2-мъ томѣ въ предисловіи Булгаринимъ было сказано слѣдующее: „Второй томъ сей пространной грамматики напечатанъ будетъ со временемъ. Въ скоромъ изданіи не предвидится необходимости, потому,

что главные черты онаго можно найти въ грамматикѣ практической, изданной вполнѣ“. Самъ Гречъ въ предисловіи ко 2-му изданію „пространной“ грамматики высказывалъ надежду въ томъ же году издать 2-й томъ, но изданія этого тома на русскомъ языкѣ не было со-всѣмъ. „Начальные правила русской грамматики“ Греча, его же краткая грамматика—учебники, которые имѣли огромное распространеніе, выдержали много изданій и были переведены на иностранные языки, являлись лишь сокращеніемъ упомянутой „Практической“ грамматики.

Булгаринъ въ предисловіи къ „Пространной грамматикѣ“ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Н. И. Гречъ, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, занимался преподаваніемъ русскаго языка, и между тѣмъ посвящалъ свободные часы занятіямъ словесностью. Потомъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, онъ непрерывно трудился на литературномъ поприщѣ, сперва одинъ, издавая журналъ: Сынъ Отечества, а послѣ того вмѣстѣ со мною, при изданіи четырехъ журналовъ. При семъ непрерывномъ, или, лучше сказать, ежедневномъ занятіи русскимъ языкомъ и словесностью, онъ, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, собиралъ матеріалы для составленія русской грамматики, слѣдуя безостановочно за успѣхами языка, наблюдая духъ его и всѣ измѣненія, пользуясь твореніями отличныхъ древнихъ и новыхъ російскихъ писателей, извлекая отвсюду правила, и часто даже въ самыхъ ошибкахъ почерпая паставленія. При семъ неуспыномъ и постоянномъ стремленіи къ своей цѣли, онъ не ограничивался одними собственными наблюденіями: совѣщался съ отличнѣйшими знатоками русскаго языка, и пользовался ихъ замѣчаніями, какъ скоро убѣждался въ истинѣ оныхъ. Сверхъ того пользовался онъ грамматическими сочиненіями не только соплеменныхъ намъ славянскихъ писателей, но и чужеземныхъ ученыхъ, особенно въ грамматикѣ общей“. Интересенъ слѣдующій фактъ. Гречъ первоначально составилъ самъ предисловіе къ своей пространной грамматикѣ, но когда онъ показалъ это предисловіе Булгарину, послѣдній нашелъ это предисловіе „неумѣстнымъ“. „Н. И. Гречъ, постигая всю важность своего предмета, и дознавъ на опытѣ трудности и препятствія, съ которыми должно бороться на тѣсной стезѣ, ведущей къ сокровищницѣ русскаго слова, относился, въ предисловіи своемъ, болѣе къ ученому сословію, тогда какъ, по моему мнѣнію, трудъ его подлежитъ суду не какого-нибудь ученаго Ареопага, но всего русскаго народа, а съ публикой должно говорить не такъ, какъ съ учеными. Скромность, недовѣрчивость къ собственному дарованію, порученіе своего труда благосклонности читателей весьма

приличны и похвальны въ предисловіи къ литературному сочиненію, но отнюдь не умѣстны въ учебной книгѣ, и особенно въ русской грамматикѣ, гдѣ каждое правило сочинитель долженъ излагать не прежде, какъ по совершенномъ убѣжденіи себя въ его ясности, точности и непреложности. Никакіе догадки и опыты не имѣютъ мѣста въ книгѣ, сочиненной для наставленія другихъ“. Эти слова характерно обрисовываютъ отношеніе Греча къ своему труду: здѣсь не было отношенія къ послѣднему, какъ учебнику, а скорѣе, какъ труду научному; обрисовывается и вполнѣ правильное пониманіе трудности дѣла, возможности во многомъ ошибокъ. Переходя къ „Практической русской грамматикѣ“, я позволю себѣ привести еще выдержку, но уже самого Греча и относящуюся къ синтаксису. „При составленіи синтаксиса пользовался я новѣйшими сочиненіями по сему предмету во Франціи и Германіи. Притомъ служили мнѣ немалымъ пособіемъ труды гг. Жуковского (сообщенные имъ мнѣ въ рукописи), Кошанскаго (статья о *Русскомъ Синтаксисѣ*, помѣщенная въ трудахъ московскаго общества Люб. Рос. Слов.), Давыдова (*Опытъ о порядкѣ словъ*, помѣщенный тамъ же), и нѣк. др. Г. Кошанскій, сверхъ того, сообщилъ мнѣ составленный имъ въ рукописи синтаксисъ, изъ котораго я заимствовалъ весьма полезныя замѣчанія“. Общая неясная ссылка на иностранные труды нѣсколько выясняется указаніемъ Булгарина на сообщеніе Греча, что пользовался онъ, Гречъ, въ „теоретической части“ трудами Бернгарди—*Sprachlehre*, Саси—*Principes de Grammaire générale*, Тирша—*Griechische Grammatik*, 3-мъ изд. и „н. др.“, относительно же практической части, какъ замѣчаетъ Булгаринъ, пользовался Гречъ всѣми извѣстными ему трудами, перечисленными въ введеніи—§§ 66—74 „Пространной грамматики“. Приведенныя замѣчанія важны и для указанія источниковъ по разработкѣ синтаксиса у Греча. Послѣднее упоминаніе, между прочимъ, важно для болѣе подробнаго указанія его русскихъ пособій: Гречъ хорошо ознакомился съ предыдущей разработкой русской грамматики.

Синтаксисъ въ „Практической грамматикѣ“ занимаетъ 220 страницъ, а другія части: этимологія общая—20, этимологія частная 213, ореозпія—59, ореографія—74. Мы видимъ, какое значительное мѣсто отводится синтаксису, какъ части грамматики, до этого времени ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ исторіи русской грамматики. И синтаксисъ у Греча разрастается, дѣйствительно, въ цѣлую систему, подробно разработанную.

Въ виду высказаннаго мною выше положенія о вліяніи синтаксиса

Греча, я прежде всего постараюсь выдвинуть тѣ мѣста, которыя мы находимъ воспринятыми русской грамматикой и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣста, которыя являются наиболѣе характерными для обрисовки ученія Греча, какъ извѣстной системы.

Опредѣляя синтаксисъ или словосочетаніе, какъ часть грамматики, заключающую въ себѣ правила совокупленія отдѣльных частей и частей слова между собою, для произведенія ясной и понятной рѣчи“ (§ 259), давая это не особенно хорошо формулированное опредѣленіе, Гречъ прежде изложенія самого синтаксиса даетъ подробное введеніе о предложеніи, его частяхъ и о родахъ предложений. И вотъ въ § 261 предложеніе опредѣляется, какъ сужденіе, выраженное словами. Дѣля въ грамматическомъ отношеніи предложенія на полныя, неполныя и замѣнительныя (§§ 273—4), Гречъ въ логическомъ отношеніи „по выраженію“ дѣлитъ ихъ на повѣствовательныя или изъявительныя, вопросительныя и повелительныя. Важно здѣсь именно разграниченіе разныхъ точекъ зрѣнія, которое проводится послѣдовательно Гречемъ и которое не всегда замѣчается затѣмъ въ русской грамматикѣ. Различая предложенія простыя и сложныя, Гречъ въ § 281 говоритъ: „Сложныя предложенія являются въ двухъ разныхъ видахъ: во-первыхъ, составляются оныя для пополненія, объясненія, и развитія одной какой либо части простого предложенія, а во-вторыхъ, для показанія взаимной связи или соотношенія между мыслями и сужденіями, заключающимися въ двухъ или болѣе простыхъ предложеніяхъ. Первое составленіе сложныхъ предложеній именуется *грамматическимъ*, а послѣднее *логическимъ*“. Признавая въ грамматическомъ отношеніи предложенія: главные, придаточныя и вводныя, Гречъ придаточныя предложенія дѣлитъ на существительныя, которыя можно замѣнить существительнымъ: *что домъ его сгорѣлъ—о пожарѣ, о сгорѣнн*, прилагательныя, т. е. опредѣлительныя: *котораго вы знаете—знаемаго*, обстоятельственныя, —*возвратившись изъ города—по возвращеніи* (§ 283). Въ дальнѣйшемъ (§ 394) мы видимъ болѣе детальный анализъ сложнаго предложенія: говорится о *сочиненіи* и *подчиненіи*, разбираются и случаи соподчиненія, хотя терминъ этотъ здѣсь не находится. Въ § 405 снова и подробнѣе говорится о „замѣнѣ“ (т. е. такъ наз. въ нашихъ грам. „сокращеніи“) предложеній, впрочемъ и самъ Гречъ прибѣгаетъ дальше, именно въ § 409, къ термину „сокращеніе предложеній“, и говоритъ здѣсь о сокращеніи придаточныхъ предложеній, при чемъ это „сокращеніе“ производитъ посредствомъ опусканія союзовъ, мѣстоименій, превращеніемъ изъявительнаго на-

клоненія въ другія формы (Ср. далѣе, § 418). Стремясь выдержать двѣ точки зрѣнія—грамматическую и логическую и, новидимому, проводя эти точки, Гречъ не замѣтилъ, какъ въ существѣ эти точки у него перемѣшались. Такъ, въ § 402, замѣчая, что въ грамматическомъ отношеніи онъ обращаетъ вниманіе только на наружный видъ предложенія и не обращаетъ вниманіе на смыслъ, Гречъ, говоря о замѣнахъ предложеній, о сокращеніяхъ и называя это грамматической точкой зрѣнія по существу, уклонялся отъ таковой именно въ область смысла. Съ другой стороны, съ логической точки зрѣнія онъ дѣлилъ предложенія на независимыя и зависимыя (§ 411), а между тѣмъ въ такомъ дѣленіи сказывалась грамматическая точка зрѣнія. Среди терминовъ, опредѣляющихъ „зависимыя“ предложенія, мы находимъ: „опредѣлительно“, „сравнительно“, „условно“, „уступительно“, „дѣли, намѣренія“.

§ 419 особенно показываетъ, насколько Гречу не удалось распутаться въ вопросѣ объ отношеніи логики и грамматики. „Грамматическая важность предложенія должна соответствовать логической, то есть: главная независимая мысль должна быть выражаема предложеніемъ главнымъ, подчиняющимъ; мысль посторонняя, второстепенная—предложеніемъ придаточнымъ подчиняемымъ“... И изъ этого положенія ему тотчасъ же приходится приводить „важнѣйшія ошибки противъ сего правила“.

Въ § 406 говорится о сліяніи предложеній, въ § 407—о различныхъ случаяхъ сліянія: при общемъ подлежащемъ, сказуемомъ и пр.

Все приведенное, мнѣ думается, вполне уже достаточно для доказательства ранѣе выставленнаго положенія. Для полноты же характеристики труда Греча я изложу еще нѣкоторые пункты его синтаксиса. Простое предложеніе должно состоять изъ трехъ частей: подлежащаго, сказуемаго и связки (§ 262); подлежащее и сказуемое бываютъ простыя и сложныя, составныя и несоставныя (263); §§ 265—8 излагаютъ вопросъ, какія части рѣчи выступаютъ въ качествѣ подлежащаго и сказуемаго. Второстепенныя части предложенія у Греча: опредѣленія и дополненія; послѣднія употребляются и для обозначенія „обстоятельствъ времени, мѣста“ и т. д. (§§ 275 — 7, 375). Такимъ образомъ, хотя Гречъ и не выдѣлилъ въ особую группу обстоятельственныхъ словъ, но все же у него дается почва для дальнѣйшаго ученія объ этомъ. Выдѣленіе это мы находимъ, напримѣръ, въ синтаксисѣ, составленномъ Перевлѣскимъ, однимъ изъ яркихъ выразителей логическаго направленія грамматики у насъ (1-е изд. „Начертанія русскаго синтаксиса“ Перевлѣскаго къ 1847 г., 2-е къ 1848 г. Затѣмъ

нѣсколько изданій въ его „Практической русской грамматикѣ). Правда, и раньше, какъ мы видѣли, были попытки выдѣлить обстоятельственные слова въ особый разрядъ (напр., у Модрю).

Въ части практической, начинающейся собственно съ § 292, мы тотчасъ же замѣчаемъ передачу тѣхъ правилъ, которыя выработаны были уже ранѣе предыдущими русскими грамматиками. Прежде всего излагаются общія правила согласованія словъ, къ этимъ „общимъ“ правиламъ присоединяются нѣкоторыя „частныя“ замѣчанія. Передъ фактическимъ изложеніемъ управленія словъ проводится мысль, что „отношенія предметовъ вообще могутъ быть двоякія: *спокойныя* и *дѣйствующія*. Первые означаютъ совокупность, связь, совмѣстное пребываніе предметовъ безъ движенія, безъ дѣйствія... Средину между дѣйствующимъ и спокойнымъ отношеніемъ составляетъ отношеніе средства или орудія: онымъ указывается на совокупность, совмѣстное пребываніе двухъ предметовъ, въ то же время означается орудіе, посредствомъ коего дѣйствіе совершается...“ (§ 294).

Довольно много мѣста удѣляетъ Гречъ вопросу о порядкѣ словъ (стр. 428—450). Признается имъ для предложеній двоякій порядокъ словъ: естественный и измѣненный. „Первый основанъ на обыкновенномъ, естественномъ ходѣ мыслей нашихъ; послѣдній сообразуется съ различными движеніями души говорящаго, коими измѣняется порядокъ естественный“ (§ 429). Признается, что въ измѣненіи разстановки частей по ихъ грамматической важности имѣетъ значеніе смыслъ, особенное вниманіе на томъ или другомъ словѣ, разсматриваются отдѣльные примѣры и даются правила частнаго характера, имѣющія въ большинствѣ чисто условный характеръ. Обращается вниманіе на то, что постановка слова въ томъ или иномъ мѣстѣ иногда вліяетъ на измѣненіе смысла. Затрогивается и вопросъ о порядкѣ предложеній въ періодахъ (ранѣе Гречъ довольно подробно останавливался на ученіи о періодахъ §§ 420—6).

Краткое указаніе Булгарина на 3 иностранныхъ труда, которыми пользовался Гречъ при составленіи своихъ грамматикъ, заставило меня прежде всего задаться изслѣдованіемъ вопроса, насколько названные труды могли оказать вліяніе на составленіе синтаксическаго отдѣла въ практической грамматикѣ. И я убѣдился въ томъ, что названные труды въ данномъ отдѣлѣ не были главными пособіями для Греча. Въ *Sprachlehre von Bernhardt* (Berlin, 1801) могла бы послужить пособіемъ 3-я книга (*von der wirklichen Synthesis der Redetheile dem Satze, oder absolute Syntax*), но не говоря уже о характерѣ разсу-

жденія этой небольшой книги (307—48 стр.), самому содержанію мы не находимъ въ синтаксисѣ у Греча параллелей. Въ Пространной грамматикѣ Греча есть §§, которые близки по предмету содержанія, излагаемому у Бернгарди, но само изложеніе одинаковыхъ вопросовъ разное. Такъ, напр., по Гречу первоначальное предложеніе создано послѣ того, какъ былъ „изобрѣтенъ“ глаголь *быть*, который былъ „изобрѣтенъ“ послѣ „составленія“ именъ существительныхъ и прилагательныхъ (§§ 19—23). По Бернгарди, первоначальное предложеніе состояло изъ существительнаго и глагола, который выражалъ энергію субъекта-существительнаго; если же была нужда присоединить къ существительному имя прилагательное, то присоединеніе это дѣлалось безъ глагола-связки, потому что послѣдній еще не образовался (стр. 335). У Греча незамѣтно проведеніе мысли объ эволюціи каждой части рѣчи, словесныя формы точно отливаются и застываютъ, между тѣмъ у Бернгарди мы находимъ глубоко проникающія вглубь языка мысли, какимъ-то предвидѣніемъ вскрывающія то, что проводится и доказывается въ настоящее время. По Бернгарди, жизнь и эволюція слова въ предложеніи. Бернгарди былъ недалеко отъ настоящаго освѣщенія отношеній мысли и языка. Я позволю себѣ привести здѣсь одно мѣсто, въ которомъ картинно обрисовываетъ Бернгарди значеніе предложенія для нашего разума. *Der Satz ist dem Verstande eine Rechnung, ein Mittel, seine Begriffe zu vermehren. Das Subject ist ihm die Zahl, das Prädikat die Einheit, und das Rechnen selbst geschieht durch die Darstellung im Satze, durch welchen entschieden wird, ob ein bestimmtes Prädikat a einem Subjekt B zukomme, oder nicht, und also ein Begriff erfolge B+a, oder B—a, denn der verneinende Satz hatt allemahl den Grund dieser Verneinung im Prädikat, und die Verneinung macht mit dem Prädikat eins aus. Der einfachste Satz ist dem Verstande die simpelste, der zusammengesetzte Satz die ausgedehnteste Rechnung, und der erworbene Begriff ist allemahl das Facit, welches ein neuer Theil einer Rechnung werden kann (333—4).* Стоитъ сравнить подробно развитое ученіе у Греча о замѣнѣ или сокращеніи придаточныхъ предложеній со взглядомъ на этотъ вопросъ Бернгарди, чтобы убѣдиться, насколько разнo относились они къ этому важному вопросу. Бернгарди стоялъ за первенство придаточныхъ предложеній, выраженныхъ причастіями, что опять выдвигаетъ его и сближаетъ съ современными теченіями въ нашемъ языкознаніи. *Ich betrachte hier nicht, wie man gewöhnlich thut, die Participial-Construktion als eine Zusammenziehung mehrerer Sätze zu einem; dies ist aus unsern neuern Sprachen, deren Genius die*

Participial-Constructionen nicht angemessen sind, in die alten hineingeschossen; sondern die Participial-Construction ist früher, und die Nebensätze sind etwas aus der Disproportion der Subjekte und Prädikate später entstandenes... (342). Гречъ, какъ видно изъ „Чтеній по русскому языку“ (344—345), считалъ, что въ своихъ грамматикахъ онъ внесъ нѣчто новое въ разработку вопроса о порядкѣ словъ, а если бы онъ воспользовался при изложеніи этого вопроса въ общемъ изложенными о томъ же мыслями Бернгарди (343—6), то онъ не преминулъ бы, конечно, использовать указаніе на измѣняющій естественный порядокъ фактовъ—прежде всего *individueller Sprachgebrauch*.

Сравнительно немногимъ воспользовался Гречъ для синтаксиса своей грамматики изъ 3-й части *Principes de Grammaire Générale* par A. I. Silvestre de Sacy (Paris, 1803). Изъ этой грамматики, написанной собственно съ цѣлью популяризаціи, имѣвшей въ виду дѣтей, могъ Гречъ заимствовать §§, говорящіе о сложныхъ и простыхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, въ связи съ послѣднимъ о различіи между логическими подлежащимъ и сказуемымъ съ одной стороны и грамматическими подлежащимъ и сказуемымъ съ другой (см. гл. IV 3-й ч., а также гл. III 1-й части). Нужно, впрочемъ, сказать, что вопросы объ этомъ могли быть изложены и по другимъ трудамъ, такъ какъ самъ Саси основывался на результатахъ предыдущей разработки. Скорѣе, учебникъ Саси далъ матеріалъ для Греча своими практическими разборами, каковыя разборы находимъ и въ его практической грамматикѣ.

Эти *Principes* выдержали нѣсколько изданій и, вѣроятно, къ 1815 г. относится одно изъ изданій. Другихъ *Principes* у Саси, какъ мнѣ извѣстно, не было (см. *Nouvelle Biographie Générale* томъ 42, 987—93).

Насколько книжка, составленная Саси, цѣнилась даже знатоками языка, указываетъ ея переводъ на нѣмецкій языкъ Фатеромъ, слова послѣдняго къ сдѣланному переводу (изд. въ 1804 г. въ Галле и Лейпцигѣ).

Немного матеріала для заимствованія могла дать Гречу для построенія синтаксиса *Griechische Grammatik vorzüglich des Homerischen Dialects* von Dr. F. Thiersch (у меня имѣлось, къ сожалѣнію, 2-е изд. 1818 г.; хотя и *viel vermehrte und gänzlich umgearbeitete Auflage*, но не 3-е). Нельзя, напримѣръ, сказать, чтобы Гречъ заимствовалъ теорію объ отношеніяхъ предметовъ—спокойномъ и дѣйствующемъ, такъ какъ, говоря о подобныхъ отношеніяхъ (§§ 247—8), Тиршъ не признаетъ существованія чего либо средняго между ними (§ 249), какъ то

находимъ у Греча. Можно провести аналогію лишь между анализомъ простаго предложенія (§ 305) и ученіемъ о слитныхъ предложеніяхъ (§ 311).

Между тѣмъ не указанные труды послужили главными пособіями Гречу, а другіе (нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что указанія Булгарина относятся не спеціально къ синтаксису, а къ Пространной грамматикѣ, не имѣвшей этого отдѣла). Я указалъ, что въ вопросѣ о сокращеніи придаточныхъ предложеній Гречь стоялъ даже на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія сравнительно съ Бернгарди. А это ученіе онъ заимствовалъ, какъ я думаю, у Аделунга, у котораго заимствовали и ранѣе другіе грамматисты, какъ Варсовъ, Фатеръ и пр. Аделунгъ въ *Deutsche Sprachlehre* (Berlin 1781 §§ 820 — 32), затѣмъ болѣе подробно въ *Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache II Band* (Leipzig 1782, соотв. §§ 820 — 32) развилъ ученіе о сокращеніи предложеній. Особенно важно подчеркнуть при сравненіи, что о сокращеніи здѣсь говорится, какъ и у составителей русской грамматики, не только въ отношеніи придаточныхъ предложеній, но предложеній вообще. Стоитъ сравнить прежде всего отношеніе къ сокращеннымъ предложеніямъ у Греча и Аделунга. „Сія неопредѣленность (происходящая при сокращеніи предложеній) не только вредитъ ясности и чистотѣ языка, но еще сообщаетъ ему особенную пріятность. Лучшіе наши Писатели избираютъ сей способъ выраженія“ (412, прим. 103). *Diese Zusammenziehung der Sätze geschieht in der Absicht, der Rede, ihrer Verständlichkeit unbeschadet, Neuheit und kernvolle Kürze zu ertheilen; sie ist daher unter den gehörigen Umständen eine Schönheit, und um desswillen vorzüglich in den höhern Schreibarten üblich* (Umständ. L. 588 стр.). Вскрывать дѣйствительные источники сочиненій Греча не такъ, конечно, важно, въ виду его же признанія, что онъ пользовался различными иностранными пособіями, но для насъ здѣсь важно отмѣтить источники сложившихся у насъ грамматическихъ теорій. У Аделунга мы находимъ прежде всего такіа сокращенія:... *er sang und ging davon—singend ging er davon* (590). У Греча: *онъ прожилъ пять лѣтъ въ Москвѣ, возвратился въ Петербургъ...—проживъ пять лѣтъ въ Москвѣ, онъ возвратился...* (410). У Аделунга: *Der Schmuck der Bäume, welche sich belauben,—d. S. der sich belaubenden Bäume* (605), *hier steht die Bildsäule des Dichters, die Leyer in der Hand haltend* (607), соотвѣтственно послѣднему сокращенію у Греча на стр. 410 и пр. Отмѣчая здѣсь сходство по существу, я долженъ указать также на то, что Гречь не копировалъ

лишь ученіе Аделунга, а примѣнилъ его къ русскому языку, доразвилъ его здѣсь, дополнилъ. Использование мыслей Аделунга Гречемъ можно видѣть и при раздѣленіи предложеній въ отношеніи логическомъ. Въ данномъ случаѣ при сличеніи стр. 381 и сл. у Греча съ стр. 576 у Аделунга, нужно обратить особенное вниманіе на сказанное Аделунгомъ, что „die copulativen, continuativen, disjunctiven und exclusiven Conjunctionen“ могутъ соединять два или болѣе предложеній, а остальные „verbinden deren nur zwei, welche allemahl in einem gegenseitigen Verhältnisse stehen, und wovon derjenige, welcher den Grund des andern enthält, oder... (576), такъ какъ у Греча мы находимъ выдѣленіе „независимыхъ“ предложеній, соединяемыхъ именно вышеуказанными союзами (правда, здѣсь внесено нѣкоторое измѣненіе болѣе внѣшняго характера).

Тотъ отдѣлъ, на который Гречъ, какъ самъ говорилъ, обратилъ особенное вниманіе, и въ разработку котораго внесъ нѣчто свое, отдѣлъ о порядкѣ словъ, составленъ несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ соответствующаго отдѣла у Аделунга. У послѣдняго этотъ отдѣлъ представляется особенно разработаннымъ, въ Umständ. L. занимаетъ онъ болѣе 60 стр. (502—65 стр., § 759—810), здѣсь мы находимъ термины: die gewöhnliche Wortfolge, die abweichende (503—4), die natürliche (533), затѣмъ стоитъ сравнить слѣдующія, для примѣра, мѣста у Аделунга и Греча, чтобы убѣдиться въ полной возможности заимствованія Греча у Аделунга: Аделунгъ стр. 512—Гречъ 441 (о постановкѣ въ предложеніи дательн. пад. предъ винит. пад.), 534—429 (о естествен. порядкѣ словъ), 540—432 (о постан. повелительныхъ предлож.), 540—430, 431 (о пост. въ вопросительныхъ пред.), 542—431 (въ восклицательныхъ), 508—509 и сл.—435, 436 (объ опредѣленіяхъ) и пр. Но и здѣсь заимствованіе дѣлалось лишь по существу, форма измѣнялась. Для примѣра: § 777. Auf eben dieselbe Art stehen alle unconcrescierte Bestimmungswörter hinter dem Verbo finito, und zwar wiederum nach dem Masse ihrer Bestimmung, so dass die Umstandswörter, und unter diesen die der Zeit und des Ortes voran gehen, die des Umganges, des Grades u. s. f. folgen, und das Beschaffenheitswort, als die stärkste Bestimmung den Beschluss macht: *der Wind wehet; der Wind wehet überaus heftig; der Wind wehet heute überaus heftig...* § 453. „Если случатся сряду два нарѣчія, обстоятельное и качественное, то первое полагается впереди: на примѣръ: *онъ вчера горько плакалъ; онъ жилъ тамъ весело...*“ (но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ § 451: „нарѣчіе должно находиться непосредственно подлѣ опре-

дѣляемаго имъ слова—прилагательнаго или глагола...“ слѣдовательно, несоотвѣтствіе, согласно духу русскаго языка, съ тѣмъ, что находимъ въ нѣмецкомъ языкѣ).

Затѣмъ особенное вліяніе, по моему мнѣнію, оказала на синтаксисъ Греча книга Герлинга *Grundregeln des deutschen Styls*, имѣвшая большое значеніе въ разработкѣ нѣмецкаго синтаксиса. Предо мною, къ сожалѣнію, 2-е изданіе этой книги, относящееся къ году изданія практической грамматики Греча, именно въ 1827, изданіе сильно увеличенное и измѣненное, но и по этому изданію можно прослѣдить тѣ мѣста, которыми особенно воспользовался Гречъ. § 1 — о различіи между предложеніями въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ: *Während sich die logische Eintheilung der Sätze auf den Inhalt, oder die Bedeutung, derselben beziehet, berücksichtigt die grammatische Eintheilung nur die Form und das formelle Verhältniss derselben...* Изъ § 2: *Nach der grammatischen Eintheilung zerfallen die Sätze zuerst in Haupt und Nebensätze...* Изъ § 19: *Die grammatische Verbindung ist eine Verbindung der Sätze... Sie ist unterordnend (subordinirend)... Sie ist beordnend...* Стоитъ сравнить съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ синтаксиса Греча: § 402. „Въ грамматическомъ отношеніи обращаемъ вниманіе единственно на наружный видъ и средство сочетанія предложеній, по раздѣленію оныхъ на главные и придаточныя, сочиняющіяся, подчиняющія и подчиняемыя, не занимаясь разсмотрѣніемъ смысла, сходства или несходства мыслей и т. п., выражаемыхъ при сочтаніи предложеній въ отношеніи логическомъ“.

Затѣмъ отмѣтимъ сходство въ слѣдующихъ мѣстахъ: § 19—394 (о грамматическомъ соединеніи предложеній—подчиненіи и сочиненіи), § 3 — 393 (о дѣленіи придаточныхъ предложеній на *Substantivsätze*, *adjectiv-*, *adverbial-*, у Греча — существительныя, прилагательныя, обстоятельственныя; названія, тамъ и тамъ, обусловливаются тѣмъ, что данныя предложенія являются замѣщающими отдѣльныя части предложенія), § 4—§§ 284, 411 (о зависимости главныхъ предложеній другъ отъ друга въ логическомъ отношеніи: зависимыя и независимыя), § 9—405 (о замѣнѣ предложеній: какъ, на примѣръ, прилагательное можетъ стоять вмѣсто существительнаго, такъ и соответствующее прид. предложеніе прилаг. замѣняетъ предл. существительное и пр.), §§ 13, 14 — 410 (о сокращеніи предложеній существительныхъ, прилагательныхъ и обстоятельственныхъ), § 25—406 (о сліянніи предложеній, § 48 — 412 (о дѣленіи предложеній въ логическомъ отношеніи, здѣсь сходство даже въ приведенныхъ примѣрахъ), §§ 73, 74,

77—§ 469 (о порядкѣ постановки придаточныхъ предложеній согласно тому порядку, который занимаютъ соответствующія имъ части предложенія), §§ 16, 81—§ 450 (о постановкѣ приложенія), цѣлый отдѣлъ о значеніи союзовъ, стр. 305—391 соответственно болѣе краткому изложенію у Греча стр. 391—409.

Всѣ эти сличенія убѣждаютъ насъ въ томъ сильномъ вліяніи, которое оказала книга Герлинга на Греча. Еще въ 1821 г. Герлингъ выступилъ съ своимъ печатнымъ трудомъ, въ которомъ были заложены основы его дальнѣйшихъ взглядовъ; это была его статья въ *Abhandlungen des frankfurtischen Gelehrtenvereins für deutsche Sprache*, 1821 г., 3-я часть—*Ueber die Topik der deutschen Sprache*, но данная статья врядъ ли была пособіемъ для Греча, хотя въ ней нѣкоторыя мѣста дословно совпадаютъ съ мѣстами о соответственныхъ вопросахъ въ приведенной ранѣ книгѣ Герлинга. Въ тѣхъ же *Abhandlungen* за 1818 г., ч. 2-я, помѣщена большая рецензія Гротенфенда на *Grundrisse der reinen allgemeinen Sprachlehre* Рота, и въ этой статьѣ мы встрѣчаемъ относительно порядка словъ два термина: *natürlich* и *verändert* (268).

Уже послѣ произведеннаго анализа надъ выше названными сочиненіями Греча ознакомился я съ изданной на французскомъ языкѣ 2-й частью Пространной грамматики Греча (названной *Grammaire Raisonnée...* С.-Пб. 1829 г.). Въ предисловіи къ этому тому переводчикъ Рейфъ указалъ и на источники, коими руководился Гречъ въ изложеніи своихъ правилъ. Этими источниками, образцами для Греча, по Рейфу, были Бернгарди, Смиттенеръ, Беккеръ и особенно Герлингъ. Какъ мы видѣли, особенно правильнымъ можетъ быть признано послѣднее указаніе. Мы видѣли уже, каково могло быть отношеніе труда Греча къ трудамъ Бернгарди. Относительно вліянія Шмиттенера я могу судить лишь отчасти, зная его *Ursprachlehre—Entwurf zu einem System der Grammatik*. По этому труду, вышедшему одновременно съ трудомъ Греча, я могу лишь отчасти предполагать о грамматическихъ толкованіяхъ въ раннихъ трудахъ того же автора (напр. *Elementarbuch d. d. Sprache*, другіе же труды Schmitthenner'a—*Deutsche Sprachlehre* относится къ 1826 г., *Ausführliche deutsche Sprachlehre* къ 1828 г.). Впрочемъ, отмѣчая сходныя мѣста въ *Ursprachlehre* (2-я часть, посвящ. синтаксису) съ Практической грамматикой Греча, мы должны будемъ помнить, что самъ Шмиттенеръ въ данномъ случаѣ шелъ за указанными ранѣ нѣмецкими образцами. Относительно вліянія Беккера также нужно говорить съ большою осторожностью, такъ какъ извѣстные

труды Беккера какъ *Organism der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik* (Frankf. 1827), *Deutsche Grammatik* и пр. изданы были позже Практической грамматики Греча. Пользованіе *Organism*'омъ мы можемъ отмѣтить въ позднѣйшемъ трудѣ Греча— „Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ“.

Въроятно, слѣдуя указаніямъ самого Греча, Рейфъ въ своемъ предисловіи отмѣняетъ значеніе главы, излагающей правила о порядкѣ словъ. Общій отзывъ переводчика объ издаваемой книгѣ можетъ быть выраженъ слѣдующими его словами: *Dans la Syntaxe, les régles qui concernent l'union des mots, sont soumises à une nouvelle methode, qui ne laisse rien à désirer.*

Grammaire raisonnée de la langue russe Греча (II т.) для насъ не представляетъ интереса послѣ разбора Практической грамматики его же, такъ какъ въ изложеніи синтаксиса это переводъ соответствующей части Практической грамматики съ небольшими дополненіями, по существу своему совершенно не важными, главнымъ образомъ, дополненіями въ области примѣровъ.

Сдѣланныя ранѣе указанія и представляемые теперь сличенія убѣждаютъ, насколько несправедливо было мнѣніе о „беккеризмѣ“ въ данномъ случаѣ нашей послѣдующей грамматики. „Это ли не порча языка, которою не только наша школа обязана Беккеровскому „организму“, но которою ему обязанъ Беккеръ *самъ*“, замѣчаетъ г. Добіашъ въ „Опытѣ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка“ (Пр. 97 г., 21), выставившій однимъ изъ тезисовъ упомянутаго сочиненія: „построеніе синтаксиса на *ложно*-„логической“ почвѣ, унаслѣдованное нами отъ Беккера, не можетъ вести къ уразумѣнію разнообразія синтаксическихъ схемъ языка“.

Во 2-й части „Чтеній о русскомъ языкѣ“ (С.-Петербургъ, 1840) мы находимъ изложеніе синтаксиса, т. е. сокращенное изложеніе того, что даетъ Практическая русская грамматика, съ несущественными измѣненіями, хотя можно было бы ожидать, что Гречъ при составленіи своего новаго труда воспользуется новыми сочиненіями и улучшить свою во многомъ несовершенную систему.

Рѣзкую и въ общемъ необоснованную характеристику грамматическихъ трудовъ Греча даетъ А. Чудиновъ въ своихъ очеркахъ „О преподаваніи отечественнаго языка“ (Филолог. Записки 1871 г., в. V—VI, 256 — 60). Прежде всего оказывается, что „первой попыткою акклиматизации на русской почвѣ практическихъ грамматикъ, пришедшихъ какъ разъ по мѣркѣ устава 1828 г., мы обязаны только что названному

Гречу“. Всѣ предыдущія русскія грамматики преслѣдовали практическія цѣли, да и странно было бы, если бы цѣли были иныя, принимая во вниманіе основные взгляды на назначеніе грамматики — учить правиламъ языка. Передъ отрицательной характеристикой Греча Чудиновъ даетъ такую же отрицательную характеристику практической грамматики въ Германіи въ лицѣ Готшеда и его школы, послѣдователемъ коихъ онъ и считаетъ Греча.

Трудно провести параллель между Готшедомъ и Гречемъ уже по одному отношенію къ синтаксису. „In Gottscheds grössern Sprachlehre, какъ замѣчаетъ Аделунгъ (Umständliches Lehrgebäude d. D. Sprache, 277), welche aus zwei völligen Alphabeten besteht, macht der Syntax neun Bogen aus, welche sich leicht auf vier einschränken lassen würden, wenn man alle Ausfälle, Ausschweifungen und Bestreitungen wegnehmen wollte. Welch ein Verhältniss zum Ganzen. Между тѣмъ, мы видѣли, какое вниманіе удѣляетъ на синтаксисъ Гречъ. Въ данномъ случаѣ можно скорѣе провести параллель между Гречемъ и Аделунгомъ. Wie nun aber, замѣчаетъ Аделунгъ, diese Wörter zu einer zusammen hangenden Rede verbunden werden müsse, lehret der *Syntax*, einer der vornehmsten und wichtigsten Theile der ganzen Sprachlehre (274).

Вообще я не могу признать особенной доказательности въ приведенныхъ и другихъ замѣчаніяхъ Чудинова, не потрудившагося до общихъ заключеній продѣлать болѣе мелкій, частичный анализъ; совершенно несправедливо его общее замѣчаніе о „Чтеніяхъ...“ Греча, что все въ нихъ, за исключеніемъ исторической части, заимствовано изъ книги Нодье (Notions élémentaires de Linguistique... 1834), „отличается обиліемъ громкихъ фразъ и полнымъ отсутствіемъ всякой серьезной мысли“ (259).

Итакъ, заслуга Греча состоитъ именно въ томъ, что онъ первый создалъ для русскаго синтаксиса извѣстную, хотя и очень несовершенную систему. До Греча синтаксисъ въ отдѣлѣ грамматики игралъ болѣе какую-то добавочную роль, онъ состоялъ изъ отдѣльных отрывочныхъ правилъ, въ отдѣлѣ этомъ чувствовалось полное отсутствіе системы.

Особенно „логическое“ теченіе въ синтаксисѣ Греча высказывается даже не въ томъ, что онъ, сравнительно съ своими предшественниками, все почти разсматриваетъ съ точки зрѣнія предложенія, а въ томъ, что онъ на первый планъ ставитъ отвлеченіе содержанія, а не форму. При объясненіи падежей, напримѣръ, онъ продолжаетъ и развиваетъ

то, что сказалося у Ломоносова и у Барсова только отчасти въ отдѣлахъ о сочиненіи словъ по „разнымъ обстоятельствамъ“. У него выдвигаются, именно, извѣстныя отношенія дѣйствительныхъ предметовъ, а затѣмъ для выраженія этого отношенія слѣдуетъ форма. Въ этомъ отношеніи на противоположной точкѣ зрѣнія находился, какъ увидимъ, Востоковъ.

Конечно, практицизмъ въ грамматикѣ Греча усилился сравнительно съ грамматиками предыдущими, какъ разрослось и само содержаніе грамматики. Особенное усиленіе элемента „здраваго смысла“ въ примѣненіи къ фактамъ грамматики также проявляется здѣсь, и вотъ эту сторону я поставилъ бы въ параллель съ тѣмъ, что находимъ въ школѣ Готшеда. Стоитъ обратить вниманіе на тѣ страницы, на которыхъ Гречъ прямо таки расправляется съ главными и придаточными предложениями, руководясь исключительно соображеніями логическаго характера (414 и сл.).

Затѣмъ обращу вниманіе на одно еще обстоятельство: въ синтаксисѣ особенно можетъ сказаться практическое направленіе сообразно характеру этой части грамматики. Поэтому и неудивительно, если у Греча, остававшагося вѣрнымъ уже создавшейся традиціи, практическое направленіе сказалося сильнѣе.

Грамматика Греча послужила основаніемъ для распространенной въ 40—50 гг. учебной грамматики Половцева. Объ этомъ говорить въ предисловіи самъ составитель, признавая за своимъ учебникомъ новизну лишь въ способѣ изложенія. „Практическіе уроки“, составленные Гречемъ, онъ называетъ „сокровищемъ“.

Затѣмъ, если въ первой грамматикѣ малорусскаго нарѣчія, составленной Павловскимъ (С.-Пб. 1818), синтаксиса совсѣмъ нѣтъ (такъ какъ авторъ не находитъ нужнымъ говорить о малорусскомъ сочиненіи въ виду его сходства съ русскимъ и подчиненія правиламъ общей грамматики), то въ *Grammatyka Języka Małoruskiego* Вагилевича (Львовъ 1845) въ отдѣлѣ синтаксиса, составленнаго на основѣ русскихъ трудовъ, находимъ сильное вліяніе трудовъ Греча.

VIII.

Уже въ предисловіи Булгарина къ Пространной грамматикѣ Греча высказывалась надежда, что Востоковъ создастъ для русской грамматики нѣчто цѣнное, что подниметъ ее на высшую „степень“. Изъ словъ самого Греча, приводимыхъ въ томъ же предисловіи, мы ви-

димъ, что Востоковъ сообщилъ Гречу много матеріаловъ и принималъ даже участіе въ его трудѣ.

Еще ранѣе Востоковъ принималъ участіе въ „Краткомъ руководствѣ по російской словесности“ Борна (С.-Пб. 1808 г.). Въ этой книгѣ есть примѣчанія Востокова. Между прочимъ, есть любопытное его наблюденіе о замѣнѣ „въ просторѣчїи“ мѣстоименіемъ *что* мѣстоименія *который* (въ разныхъ формахъ). „Кажется мнѣ, замѣчаетъ Востоковъ, что мѣстоименіе *что* тогда болѣе употребительно въ значеніи возносительнаго, когда слѣдуетъ по вопросу: *который?* напри- мѣръ: у меня двоѣ часы: которые тебѣ пуще нравятся?—тѣ что съ цѣпочкою. Съ которою ты говорилъ изъ двухъ дѣвушекъ?—съ тою, что въ бѣленькомъ платицѣ“.

Въ 1827 г. Комитетъ для рассмотрѣнія учебныхъ пособій поручилъ составить Востокову новую учебную книгу по русской грамматикѣ, о чемъ и говоритъ самъ Востоковъ въ изданной въ 1831 г. „Русской грамматикѣ“. Изданы были тогда Востоковымъ собственно двѣ грамматики, но одна представляла лишь извлеченіе изъ другой, болѣе полной. Въ предисловіи уже упомянутой мною грамматики Востоковъ говоритъ, что при составленіи его труда большую помощь оказали ему грамматики Греча, „кои содержатъ въ себѣ множество превосходныхъ правилъ и замѣчаній и обильнѣйшее предѣ всѣми грамматиками собраніе примѣровъ“, а изъ другихъ грамматикъ русскихъ онъ „болѣе или менѣе“ пользовался Пухмайеровой.

Синтаксисъ въ грамматикѣ Востокова занимаетъ отъ 222—327 стр. и состоитъ изъ введенія, главы I—о согласованіи словъ, главы II—о управленіи словъ, главы III—о составленіи періодовъ и о знакахъ препинанія; къ этой части грамматики прибавленіе — о размѣщеніи словъ отъ 328—341 стр. Нельзя не отдать предпочтенія той внѣшней группировкѣ, которую находимъ здѣсь, сравнительно съ группировкою синтаксиса у Греча, именно въ частности, отнесенію ученія о знакахъ препинанія къ синтаксису (у Греча же эта часть отнесена къ правописанію) и отдѣленію въ качествѣ приложенія ученія о порядкѣ словъ.

Нельзя сказать, чтобы первые §§ въ синтаксисѣ Востокова вносили какое либо улучшеніе сравнительно съ соотвѣтствующими §§ въ синтаксисѣ у Греча. Я не вижу такового и въ нѣсколько измѣненной формулировкѣ опредѣленія предложенія: „когда рѣчь ограничивается выраженіемъ одной *мысли*, тогда она называется *предложеніемъ*“ (§ 108). Даже болѣе того, — мнѣ кажется, первые §§ вносятъ нѣко-

тору ю неясность, неопредѣленность при анализѣ предложенія, по крайней мѣрѣ, въ формулировкѣ: „всякое предложеніе состоитъ изъ двухъ частей, называемыхъ *подлежащимъ* и *сказуемымъ*“ (§ 108, 2), „между подлежащимъ и сказуемымъ должна быть *связь*“ (§ 109, 1) ¹⁾. Но это только небольшія частности, въ общемъ же изложеніе въ синтаксисѣ Востокова стоитъ гораздо выше изложенія у Греча и по своей большей систематичности, большей ясности и научности. Мысль течетъ здѣсь послѣдовательно, нѣтъ такихъ скачковъ и повтореній, какъ у Греча. Введеніе даетъ намъ послѣдовательно понятіе о частяхъ простаго предложенія, при чемъ дается перечисленіе частей рѣчи, выступающихъ въ качествѣ опредѣленія и дополненія; затѣмъ характеризуется составъ предложенія, придаточнаго предложенія, какъ развитога опредѣленія или дополненія, характеризуется отношеніе полнаго и сокращеннаго предложенія, говорится о предложеніи вводномъ. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что Востоковъ не вноситъ ничего новаго въ самую синтаксическую теорію. Такъ же послѣдовательно идетъ и далѣе изложеніе: согласованіе словъ разсматривается въ предложеніяхъ—простомъ, сложномъ, придаточномъ.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ правилахъ. Разсматривая предложенія типа: *вставать было пора*, Востоковъ говоритъ, что существительныя: *пора*, *досугъ*, *мнѣ*, *жалъ*, *грѣхъ*, *стыдъ*, употребляются въ видѣ безличныхъ глаголовъ (231). Въ данномъ случаѣ формулировка правила совершенно невѣрная, и былъ ближе къ истинѣ Барсовъ, выдѣлившій прежде всего слово: *жалъ*. Вслѣдъ за этимъ идетъ правило о сочетаніи числительныхъ, и здѣсь въ правилахъ о сочетаніи числительныхъ *два*, *три*, *четыре* замѣчается нѣкоторая путаница, которую такъ трудно было бы ожидать отъ знатока формъ древне-церковно-славянскаго языка—Востокова. На стр. 231 признается послѣ названныхъ числительныхъ „въ падежахъ именительномъ и ви-

¹⁾ Анализъ предложенія, который мы находимъ у Греча, вызвалъ справедливыя возраженія въ статьѣ Билярскаго („Сколько главныхъ частей предложенія?“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857 г. ч. XCIV), направленные особенно противъ „связки“, какъ главнаго члена предложенія. На характеръ возраженій и на статьѣ Билярскаго я остановлюсь позже. Билярскій указалъ на то, что Востоковъ, сначала также принимавшій создавшуюся теорію о трехчленномъ составѣ предложенія, въ одномъ изъ позднѣйшихъ изданій своей грамматики (1844 г.) отказывался въ пользу двухчленности (хотя въ грамматикѣ и этого изданія сохранились слѣды прежняго пониманія). Такъ какъ новое отношеніе къ предложенію не было Востоковымъ обосновано, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что учебники русской грамматики не сразу перешли къ новому взгляду.

нительномъ особое окончаніе числа множественнаго, сходное съ родительнымъ падежомъ числа единственнаго“. На стр. 232 послѣ этихъ же числительныхъ на вопросъ: сколько, признается родительный падежъ единственнаго числа (ср. также на 250 стр.). Въ приведенныхъ правилахъ мы видимъ и образцы чисто логическаго разбора: на вопросъ— *сколько* при числительныхъ дополненіе, на вопросъ — *кто* опредѣленіе (232). Востоковъ обращаетъ вниманіе на разницу въ смыслѣ отмѣста постановки безл. глаг. *было*: послѣ неопредѣленнаго наклоненія намѣреніе совершить дѣйствіе, передъ—долженствованіе (234), въ общемъ же прибавка *было* къ глаголамъ совершеннаго вида обозначаетъ, „что дѣйствіе не дошло до исполненія; въ начинательномъ. что дѣйствіе не имѣло продолженія (233)“. Относительно *бывало* Востоковъ говоритъ, что это слово придаетъ въ различныхъ отгѣнкахъ смыслъ времени *давнопрошедшаго* (ср. у Пухмайера, стр. 255). Востокову не чужда была мысль о самостоятельномъ управленіи предлоговъ: „имена, глаголы и другія слова (производныя отъ именъ или отъ глаголовъ нарѣчія) управляютъ падежами или *непосредственно* или *съ помощію предлоговъ*“ (245). При разсмотрѣніи управленія падежей выдвигаются на первый планъ отношенія, обозначаемыя падежами. Такъ, для родительнаго падежа указываются слѣдующія отношенія: присвоеніе одного предмета другому, обозначеніе предмета, отдѣленіе количествъ, сравненіе, движеніе мысленное къ предмету или отъ предмета. Къ такимъ же недосмотрамъ, какъ упомянутое мнѣніе о сочетаніи съ числительными, можно отнести сказанное о зависимости отъ неопредѣленнаго наклоненія дательнаго падежа въ такихъ случаяхъ, какъ: *учиться всякому человеку полезно* и проч. (258). Въ такихъ выраженіяхъ, какъ: *быть обязаннымъ кому либо* Востоковъ видѣлъ уклоненіе отъ правильныхъ оборотовъ, въ которыхъ слѣдовалъ дательный падежъ послѣ *быть*, т. е. *быть обязану*, и потому у него въ качествѣ правильныхъ выраженій выставлены: *намъ можно быть спокойнымъ* и т. п. Вообще мы не видимъ у Востокова того анализа языка, который могли бы ожидать отъ него, и въ его сужденіяхъ о различныхъ фактахъ языка попадаются промахи, которые при болѣе вдумчивомъ отношеніи и при привлеченіи большаго матеріала свободно могли бы быть удалены. Въ началѣ своей грамматики Востоковъ, придерживаясь извѣстнаго дѣленія, раздѣлилъ рѣчь на три вида: 1. „*Важная* или *благородная*, называемая также *книжнымъ языкомъ*. 2. *Простонародная*, иначе называемая *просторѣчьемъ*. 3. Между сими двумя средину занимаетъ *обыкновенная рѣчь* или *языкъ разговорный*“ (4). И

вотъ оказывается, что для рѣчи „важной“ допустимъ оборотъ „дательный самостоятельный“, который при этомъ является, по Востокову, сокращеніемъ придаточнаго предложенія (262—3). Иногда формулируются не особенно ясно правила, такъ: (въ творит. пад. ставятся...) имя, означающее принадлежность, по коей предметъ имѣеть какое либо качество, количество, мѣру и проч.... (264). Предлагаемъ, „управляющимъ падежами“, присвоивается двойное значеніе: собственное—обозначеніе „мѣста, переносное—обозначеніе времени, количества, мѣры или величины, цѣли, причины и другихъ отвлеченныхъ понятій“ (266—7). Собственные предлоги дѣлятся на: движительные, установительные, мѣстительные, и Востоковъ особенно подробно останавливается на предлогахъ и ихъ управленіи, на переходахъ изъ собственного значенія въ переносное. Здѣсь его заслуга опять лишь главнымъ образомъ въ извѣстномъ группированіи имѣвшагося уже до того матеріала.

Послѣ краткаго ученія о періодахъ и знакахъ препинанія Востоковъ переходитъ къ изложенію правилъ о порядкѣ словъ; здѣсь онъ главнымъ своимъ пособіемъ, несомнѣнно, имѣеть Греча, правила въ грамматикѣ котораго онъ сокращаетъ и нѣсколько по формѣ видоизмѣняетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и здѣсь мы находимъ не особенно удавшіяся формулировки, такъ: „вопросъ объ участіи какого либо предмета въ чемъ, начинается союзомъ соединительнымъ и; примѣръ. И онъ тамъ былъ?“ (330) (или на стр. 334—о предшествованіи въ просторѣчій глагола именительному падежу: сдѣлай я, онъ... или на стр. 336—о постановкѣ прилагательныхъ притяжательныхъ за опредѣляемыми словами, въ то время, какъ дальше, стр. 338, оказывается, что постановка сплошь и рядомъ передъ опредѣляемымъ).

Самъ Востоковъ, какъ мы видѣли, указывалъ, что при составленіи своей грамматики онъ пользовался также грамматикой Пухмайера, изъ „которой частью заимствовалъ свою систему спряженій“. Въ синтаксисѣ мы можемъ отмѣтить и другое заимствованіе, въ отдѣлѣ управленія—систематическое изложеніе падежей. Такимъ образомъ здѣсь своей систематичностью изложенія, болѣе грамматическимъ отношеніемъ къ разбираемымъ фактамъ языка, Востоковъ былъ обязанъ посредствомъ Пухмайера Добровскому.

Неудивительнымъ кажется мнѣ тотъ фактъ, что Востоковъ въ своемъ синтаксисѣ по существу не далъ ничего новаго, а лишь использовалъ уже имѣющійся матеріалъ. Въ нашей наукѣ уже была отмѣчена въ общемъ шаблонность правилъ грамматики Востокова, отсут-

ствіе историческаго метода изслѣдованія и подчиненность рутинѣ (Котляревскій. Библиографическій опытъ о древне-русской письменности, Сб. Ак. Н., т. 50-й, 348. Кочубинскій. Итоги славянской и русской филологіи. Од. 82 г., 14), были даже высказываемы нѣсколько странныя догадки о причинѣ этого. Мысль какъ-то не могла помириться съ тѣмъ, что такая крупная филологическая величина, какъ Востоковъ, могъ не замѣтить всѣхъ отрицательныхъ сторонъ тогдашней грамматики, и вотъ у Срезневскаго мы находимъ объясненіе: податливость характера Востокова заставляла его соглашаться не только съ тѣмъ, что было ему мало извѣстно, но даже и съ тѣмъ, несправедливость чего онъ сознавалъ (Филол. наблюденія А. Х. Востокова. С.-Пб. 1865 г., XLIX). Не податливость здѣсь была причиною, а то обстоятельство, что Востоковъ не занимался, какъ самостоятельный изслѣдователь, синтаксическими явленіями, и, будучи крупной величиной въ другихъ областяхъ языкознанія, онъ здѣсь долженъ былъ идти по стопамъ другихъ. Такимъ образомъ не оправдались тѣ надежды, которыя высказывались Булгаринимъ.

Въ началѣ, говоря объ опредѣленіи предложенія, я не отдавалъ никакого преимущества опредѣленію Востокова, имѣя въ виду, такъ сказать, конечные результаты этого опредѣленія, не отличавшагося отъ другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не выдвинуть одной черты, которая можетъ отличать это опредѣленіе отъ другихъ, выдвинуть его, по крайней мѣрѣ, за постановку на первый планъ *формы*. Для большаго отгѣненія можно сравнить съ опредѣленіемъ Греча, и тамъ мы увидимъ на первомъ планѣ содержаніе, самую мысль. Замѣченное мною важно въ томъ отношеніи, что можетъ быть перенесено вообще на грамматику Востокова, можетъ быть выдвинуто, какъ отличительная черта этой грамматики отъ другихъ грамматикъ и, въ частности, отъ грамматики Греча. Такимъ образомъ, я сказалъ бы, что это отличіе состоитъ въ *постановкѣ* грамматическихъ вопросовъ, но не въ ихъ разрѣшеніи.

Разница въ системѣ изложенія синтаксиса у Греча и Востокова скажется, если мы обратимъ вниманіе на оглавленіе: у Греча мы видимъ въ управленіи словъ изложеніе по рубрикамъ: I. Главныя части предложенія. II. Обстоятельства главныхъ частей предложенія: 1) предметъ дѣйствія, 2) выраженіе обстоятельствъ качества, 3) выраженіе обстоятельствъ количества... и пр. У Востокова: раздѣленіе падежей на прямые и косвенные, сочиненіе прямыхъ и управленіе косвенныхъ,двойное управленіе падежами, родительный безъ предлога въ пяти

значеніяхъ, родительный присвоенія, родительный обозначенія и пр., т. е. группировка идетъ по падежамъ, что придаетъ постановкѣ синтаксиса грамматическое направленіе въ противоположность направленію логическому у Греча.

Нужно обратить вниманіе еще на одну особенность синтаксиса Востокова. Въ введеніи Востоковъ говоритъ только о полныхъ и сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ (§ 112), у него нѣтъ упоминанія о сокращеніи вообще предложеній. Такимъ образомъ здѣсь находимъ существенное отличіе отъ теоріи Барсова, Греча и др., построенной, какъ мы знаемъ, по системѣ Аделунга. И это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ дальнѣйшихъ русскихъ учебникахъ по грамматикѣ мы встрѣчаемся только съ теоріей сокращенія придаточныхъ предложеній. Въ этомъ сказалось влияніе Востокова, но съ другой стороны не остался безъ сильнаго влиянія и Гречъ, а именно въ томъ, что дальнѣйшая русская школьная грамматика вполне воспользовалась той разработкой, которая была сдѣлана Гречемъ, у Востокова же на данный вопросъ обращено сравнительно очень мало вниманія.

Не безъ нѣкотораго влиянія на ученіе о порядкѣ словъ въ синтаксисахъ Греча и Востокова была специальная статья „Опытъ о порядкѣ словъ“ Давыдова (Труды Общ. Любит. Росс. Слов. части V, VII, XIII—1816, 1817, 1819 гг.). Не мудрено, что этотъ вопросъ занялъ специально одного изъ русскихъ ученыхъ: время требовало разбраться наконецъ въ свойственности или несвойственности того или другого выраженія строю русской рѣчи въ виду внесенныхъ многихъ чуждыхъ элементовъ. И вотъ мы видимъ, что статья направлена противъ тѣхъ, которые утверждали, что въ русскомъ языкѣ нѣтъ правилъ о расположеніи словъ. Самому расположенію словъ при этомъ придается огромное значеніе. „Діонисій Галикарнаскій, замѣчаетъ авторъ, справедливо называетъ *жалкими* тѣхъ писателей, у которыхъ нѣтъ хорошаго расположенія словъ. Мысли завязать и рождаются одна отъ другой; также и слова должны находиться въ связи одно съ другимъ. И такъ хотя наставленія логики и непріятны для иныхъ; однако послѣдуемъ за ними для пользы языка своего“ (V, 120). Эти слова какъ-то не совѣмъ согласуются съ тѣмъ, что было высказано авторомъ объ особомъ порядкѣ словъ въ предложеніи русскаго языка, такъ какъ говорятъ о необходимости слѣдовать указаніямъ логики. И у автора какъ-то нѣтъ цѣльнаго взгляда на предметъ изслѣдова-

нiя: наряду съ правилами, извлеченными путемъ предположенiя о ходѣ развитiя языковъ, путемъ логическихъ умозаключенiй, у него даются и нѣкоторыя наблюденiя надъ строемъ русской рѣчи. Для характеристики взглядовъ Давыдова на исторiю развитiя въ порядкѣ словъ можно отмѣтить такiя мѣста, какъ, напр., гдѣ онъ говоритъ, что „первые поэты и ораторы не любили правильнаго расположенiя словъ“ (XIII, 8), „естественное расположенiе понятiй не согласно съ ораторскимъ и совершенно противоположно логическому...“ (XIII, 7). У автора можно отмѣтить и нѣкоторыя вполне здравыя мысли, основываясь на которыхъ можно было бы лучше построить ученiе о порядкѣ словъ въ предложенiи и о законахъ этого порядка. Можно было бы разграничить языкъ мысли отъ языка „соображенiя и чувствъ“, указать особенности того и другого и пр. На развитiе мыслей въ данной статьѣ не безъ влiянiя осталось сочиненiе Блера *Cours de Rhétorique et bellestr.*, на которое дѣлаются ссылки.

Та же практическая нужда заставила другого члена Общ. Люб. Росс. Слов. выступить со статьей о знакахъ препинанiя— „О знакахъ препинанiя вообще и въ особенности для Россiйской словесности“ (Филоматскаго, Труды 22 г. ч. 2). Автору этой статьи, какъ издателю журнала (Украинскiй Вѣстникъ), пришлось на дѣлѣ испытывать нерѣдко затрудненiя, и вотъ онъ попытался составить для себя цѣльный взглядъ въ данномъ случаѣ. Авторъ даетъ здѣсь и исторiю происхожденiя знаковъ препинанiя или, лучше, свои догадки о происхожденiи ихъ въ среднiе вѣка, устанавливаетъ градацiю, при чемъ смѣшиваетъ разнородные знаки. При изложенiи частныхъ правилъ онъ пользуется уже выработаннымъ до него, ограничиваясь только извѣстной комбинацiей, и лишь въ немногомъ вноситъ нѣчто свое. Такъ, онъ устанавливаетъ употребленiе особаго знака: тире съ запятой, считая, что этотъ знакъ долженъ обозначать болѣе запятой и менѣе точки съ запятой. И это его установленiе не привилось на первыхъ порахъ, хотя имѣло подъ собою почву. Интересное затѣмъ указанiе мы встрѣчаемъ здѣсь, что употребленiе тире послѣ: точки, знака вопросительнаго и „удивительнаго“ для обозначенiя переменъ лица говорящаго (дабы избѣжать повторенiй—говоритъ, говорю и пр.), правило, которое пользовалось признанiемъ, установлено Мармонтелемъ (104).

Ранѣе я указывалъ, что въ синтаксисѣ Перевлѣскаго находится определенное ученiе объ обстоятельственныхъ словахъ. Въ послѣднемъ несомнѣнно сказалось поступательное движенiе логическаго на-

правленія въ изученіи нашего синтаксиса. Это направленіе сказалось вообще на классификаціи членовъ предложенія въ синтаксисѣ Перевлѣсскаго въ отличіе отъ Греча, стоявшаго въ данномъ случаѣ на болѣе грамматической точкѣ зрѣнія. Перевлѣсскій положилъ въ основу дѣленія извѣстныхъ общія понятія: о дѣйствующемъ предметѣ (подлежащее), страдательномъ, недѣйствующемъ или вещи (дополненіе), опредѣленіе извѣстнаго момента въ періодѣ времени (обстоят. времени) и пр., въ то время, какъ у Греча въ данномъ случаѣ выдвинуто *согласованіе* и *управленіе*, и соотвѣтственно этому члены предложенія дѣлятся на опредѣлительныя и дополнительные. Въ силу этого нѣтъ полного сходства въ грамматическомъ разборѣ въ учебникахъ Перевлѣсскаго и Греча.

Съ первыхъ же страницъ „Начертанія синтаксиса“ Перевлѣсскаго легко убѣдиться, насколько синтаксисъ здѣсь подчиненъ логикѣ. Авторъ отклоняется въ область сужденія, которое замѣняетъ у него грамматическое предложеніе; послѣднее у него какъ-то въ тѣни. Стоитъ дать нѣсколько опредѣленій: „Задача сужденія есть *опредѣлять частное черезъ общее*. Выполненіе этой задачи принадлежитъ сказуемому“.... (117). Низводитъ сказуемое или дополняемое изъ высшаго (родоваго) понятія въ низшее (видовое и т. д.) есть собственная задача и назначеніе дополненія въ составѣ предложенія (129). Въ дополнительномъ отношеніи, отдѣльно взятомъ, *дополненіе* есть членъ *подчиняющій*,—потому оно низводитъ понятіе о признакѣ изъ высшаго въ низшее..... дополняемое же есть членъ *подчиненный*“ (117 — 8). „Формами для выраженія отношеній дополненія къ дополняемому служатъ собственно: а. *косвенныя надежи* безъ предлоговъ, когда при направленіи не обозначаются ни стороны, ни положенія того предмета, на который переходитъ дѣйствіе“.... (130) и пр.

На той же точкѣ зрѣнія подчиненія грамматики логикѣ стоялъ и другой составитель синтаксиса, Басистовъ (Система синтаксиса. М. 1848 г.). Въ этой книгѣ своей, составленной главнымъ образомъ по подробной грамматикѣ Беккера (отчасти были приняты во вниманіе его же „Организмъ языка“, Боппа—Сравн. грамм. и нѣк. др. Ср. введен. къ синтак. VI). „Синтаксисъ раздѣляется на двѣ части: первая разсматриваетъ логическія отношенія понятій и выраженіе этихъ отношеній. Вторая—логическія отношенія мыслей и выраженія этихъ отношеній“ (7). „Грамматическія формы, которыми выражаются *отношенія мыслей*, называются союзами“ (5). „Понять ту или другую грамматическую форму значить узнать, какое именно отношеніе по-

нѣтія или мысли выражается ею“ (5) и пр. На данномъ учебникѣ я еще остановлюсь ниже.

На другихъ учебникахъ русскаго синтаксиса первой половины XIX в. останавливаться я не буду: они не представляютъ интереса для нашей задачи.

IX.

Общая черта, которая характеризуетъ первые опыты церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ, это чисто практическое направленіе. Синтаксисъ занимается сочетаніемъ словъ въ рѣчь, а такъ какъ слова уже ранѣе по своимъ формальнымъ основамъ разбиваются на извѣстныя категоріи, на части рѣчи, то синтаксисъ и занимается указаніемъ тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ возможно правильное ихъ сочетаніе. Если у Ломоносова и даже ранѣе у Смотрицкаго мы видѣли попытки опредѣлить „рѣчь“ въ смыслѣ нашего предложенія, то эти попытки не повели къ опредѣленію тѣхъ категорій отношеній, которыя въ дальнѣйшемъ были освѣщены свѣтомъ логическаго ученія. Ломоносовъ болѣе подробно занимается „рѣчью“ въ своемъ первомъ наставленіи, своего рода начаткахъ общей грамматики, а въ шестомъ наставленіи синтаксическомъ онъ вполне стоитъ на практической точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, замѣчая въ грамматикѣ Ломоносова уже извѣстный уклонъ къ тому направленію, которое вскорѣ явственно у насъ уже начало проявляться, мы должны все же отмѣтить, что въ основѣ своего труда Ломоносовъ остался вѣренъ создавшейся традиціи.

Вполнѣ естественно развитіе чисто практическаго направленія, если обратить вниманіе на то, какъ смотрѣли на грамматику и чего отъ нея искали. Такимъ образомъ появленіе у насъ практической грамматики относится не къ тому времени, когда начали появляться „практическія“ грамматики, а ранѣе, сами же „практическія“ грамматики уже усвоили элементы непрактическія въ видѣ логическихъ ученій.

Естественно, что, не давая анализа предложенія со стороны такъ называемыхъ у насъ теперь „членовъ предложенія“, первые наши синтаксисы не впадали въ тѣ неразрѣшимыя противорѣчія, въ которыя позже впадала русская грамматика. Давая болѣе простое, элементарное, нѣкоторыя изъ этихъ опытовъ въ то же время обнаруживали попытку вступить на тотъ неграмматическій „философскій“ путь, который привелъ въ дальнѣйшемъ къ чисто логическому анализу строя рѣчи.

Въ первыхъ попыткахъ составленія церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ было схвачено главнымъ образомъ то направленіе, которое нашло себѣ первоначальное выраженіе въ греческомъ синтаксическомъ трудѣ Аполлонія Дискола. Недаромъ можно подмѣтить какую-то внутреннюю аналогію между твореніемъ этого „отца“ греческаго синтаксиса и первыми попытками синтаксиса у насъ. И у Аполлонія основа синтаксиса сочетаніе, такъ что синтаксисъ не можетъ заниматься однимъ словомъ, и Аполлоній проводитъ мысль, которую проводили и до него, о необходимости имени и глагола для основы предложенія, Аполлонію чуждъ тотъ логическій анализъ, который былъ свойственъ трудамъ другихъ грамматиковъ. (См. Steinthal, Geschichte der Sprachw. bei d. Griechen und Römern, 685 и слѣд.).

Въ нашихъ первыхъ опытахъ грамматики мы кое-гдѣ встрѣчаемъ данныя изъ народныхъ говоровъ, „просторѣчья“, затѣмъ на эти данныя уже какъ-то не обращается никакого вниманія, пока наконецъ этимъ даннымъ начинаютъ придавать особенное значеніе. Но это среднее теченіе, повидимому, пренебрегавшее народнымъ языкомъ, по характеру своего отношенія къ нему вовсе не отличалось отъ періода перваго: у него образовалось уже болѣе литературнаго матеріала, которымъ это среднее теченіе исключительно и занялось.

Постепенное изученіе трудовъ, посвященныхъ русскому синтаксису, приводитъ къ любопытному наблюденію, какимъ образомъ постепенно проникало чисто логическое теченіе въ область наблюденій грамматическихкихъ, какъ постепенно понятія, извлеченныя изъ логики, придаютъ пѣльность и отрывочнымъ замѣчаніямъ грамматическаго характера. У Ломоносова изложеніе вопроса: о сложеніи знаменательныхъ частей слова стоитъ въ нервомъ наставленіи, посвященномъ человѣческому слову вообще, а синтаксическія замѣчанія находятся въ наставленіи шестомъ; у Барсова данныя изъ логики въ перемѣшку съ данными грамматическаго характера находятся уже въ введеніи къ синтаксису, то же и въ другихъ грамматикахъ, пока наконецъ понятія изъ логики не входятъ прямо въ грамматику. На общемъ фонѣ логическаго ученія и предложенія, будучи первоначально внѣ синтаксиса, постепенно входятъ въ послѣдній и дѣлается главнымъ существеннымъ элементомъ синтаксическаго ученія.

Грамматическое ученіе не только о предложеніи (какъ сужденіи), но о подлежащемъ и сказуемомъ, какъ главныхъ членахъ предложенія, несомнѣнно заимствовано изъ логики. Само выдѣленіе въ грамматикѣ членовъ предложенія второстепенныхъ также получило несомнѣнно

подъ вліяніемъ логики: есть предложенія—сужденія безъ этихъ второстепенныхъ членовъ, которыя и считались какимъ-то первообразомъ грамматическихъ предложеній. Отсюда—„второстепенность“. Самое же дѣленіе второстепенныхъ членовъ въ концѣ концовъ получило вполне логическую окраску, когда были положены въ основу дѣленія по общимъ понятіямъ.

Основные данныя логики до того вошли въ рамки грамматики, что сдѣлалось чрезвычайно труднымъ ихъ отдѣлить; эти начала, придавъ цѣльность самой грамматической системѣ, на самомъ дѣлѣ не только не подвинули изученія синтаксиса, а затормозили его ходъ. Последнее получалось въ силу того, что логическія начала были перенесены на почву грамматики, и здѣсь получилось стремленіе влить въ эту чуждую форму новое содержаніе. Недостатокъ этотъ характеризуетъ и грамматику послѣдующаго періода, дающаго въ синтаксисѣ тщетныя попытки влить грамматическое содержаніе въ чисто логическіе термины подлежащаго, сказуемаго и пр. Войдя главными своими элементами въ синтаксисъ, логика сдѣлалась вообще исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи языковыхъ явленій, послѣднія брались какъ выраженія уже сложившихся отвлеченныхъ понятій.

Мы видѣли, какъ постепенно слагалась теорія построенія нашего синтаксиса. Отъ этой теоріи въ общемъ не отказалось и современное построеніе синтаксиса. Мы видѣли источники этой теоріи и такимъ образомъ должны отнестись съ полнымъ отрицаніемъ къ утвердившемуся положенію, что въ данномъ случаѣ въ построеніи нашего синтаксиса отразились печальные слѣды системы Беккера.

II. Синтаксисъ русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова и др. до появленія трудовъ А. А. Потебни.

„Мои воспоминанія“ Ѳ. И. Буслаева даютъ любопытный матеріалъ для характеристики его грамматическихъ трудовъ. Практически началъ знакомиться Буслаевъ съ древними рукописями по чисто случайному поводу: онъ переписывалъ для Шафарика Евгеніевскую Псалтырь; работа велась подъ руководствомъ и при помощи Погодина. Погодинъ первый обратилъ вниманіе Буслаева на историческую грамматику Гримма, которой впоследствии такъ увлекался Буслаевъ („Мои воспоминанія“. М. 1897 г., 126, 128). Первые свои занятія общей грамматикой Буслаевъ рисуетъ такъ: „Я избралъ себѣ отдѣленіе славяно-русское. Давыдовъ далъ мнѣ для изученія такъ называемую

„Общую грамматику“ извѣстнаго французскаго филолога Дю-Саси въ нѣмецкой передѣлкѣ Фатера, съ дополненіями изъ нѣмецкаго языка. Эту книгу я перевелъ всю сполна и добавилъ грамматическія подробности Дю-Саси и Фатера русскими и церковно-славянскими. Мой переводъ былъ одобренъ факультетомъ для напечатанія, но остался въ рукописи. По счастливой случайности она сохранилась у меня до послѣдняго времени, и недавно я отдалъ ее вмѣстѣ со всѣми моими лекціями въ рукописное отдѣленіе Московскаго публичнаго музея, что на Знаменкѣ. А для Шевырева я составилъ систематическій сводъ грамматикъ: Смотрицкаго, Ломоносова, академической, большихъ или полныхъ, грамматикъ Греча и Востокова и церковно-славянской Добровскаго. Надъ обѣими этими работами я трудился весь годъ и по мѣрѣ изготовленія приносилъ на лекціи, что успѣвалъ сдѣлать въ недѣлю для доклада тому или другому изъ моихъ наставниковъ“ (131). Эти работы оказались полезными для Буслаева при его практической педагогической дѣятельности, ими онъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, воспользовался въ этой дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣли большое значеніе и въ его дальнѣйшихъ научныхъ занятіяхъ. Рѣдко когда приходится имѣть замѣчанія автора о собственныхъ работахъ, объ ихъ источникахъ, тѣмъ болѣе, конечно, интересны и цѣнны подобнаго рода замѣчанія такихъ лицъ, какъ Буслаевъ. „Одновременно съ приготовленіемъ къ магистерству я работалъ надъ сочиненіемъ „О преподаваніи отечественнаго языка“. Оно вышло въ свѣтъ въ 1844 г., въ двухъ частяхъ. Первая содержитъ въ себѣ дидактическія правила и приемы, какъ преподавать этотъ предметъ..., а вторая мои изслѣдованія по русскому языку и стилистикѣ во множествѣ болѣе или менѣе объемистыхъ замѣтокъ, накопившихся у меня по мѣрѣ того, какъ я готовился къ магистерскому экзамену. Вмѣстѣ съ капитальнымъ изслѣдованіемъ Вильгельма Гумбольдта о сродствѣ и различіи индо-германскихъ языковъ, я изучалъ тогда сравнительную грамматику Боппа и умѣлъ уже довольно бойко читать санскритскую грамоту... Но особенно увлекся я сочиненіями Якова Гримма и съ пылкой восторженностью молодыхъ силъ читалъ и зачитывался его исторической грамматикой нѣмецкихъ нарѣчій, его нѣмецкой миологіей, его нѣмецкими юридическими древностями. Этотъ великій нѣмецкій ученый былъ мнѣ вполне по душѣ. Для своихъ неясныхъ, смутныхъ помысловъ, для исканія оцущью и для загадочныхъ ожиданій я нашелъ въ его произведеніяхъ настоящее откровеніе. Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я

чуялъ въ ней музыкальный звукъ, который отдавался въ сердцѣ, живонисалъ воображенію и вразумлялъ своей точною опредѣленною мыслью въ ея обособленной, конкретной формѣ... Сравнительная грамматика Боппа и изслѣдованія Гримма привели меня къ тому убѣжденію, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатлѣніе и потомъ уже перешло къ условному знаку отвлеченнаго понятія, какъ монета, которая отъ многолѣтняго употребленія, переходя изъ рукъ въ руки, утратила свой чеканный рельефъ и сохранила только номинальный смыслъ цѣнности... Въ Италіи я изучалъ художественные стили... теперь я уяснялъ себѣ отличіе литературнаго стила отъ слога: первый отнесъ къ общей группѣ художественнаго разряда, а второй подчинилъ грамматическому анализу, какъ живописецъ подчиняетъ своему стилю техническую разработку рисунка, колорита, свѣтотѣни и разныхъ подробностей въ исполненіи... Гуляя по берегамъ Байскаго залива, я любилъ реставрировать въ своемъ воображеніи развалины античныхъ храмовъ и другихъ зданій; теперь съ такимъ же любопытствомъ я реставрировалъ себѣ переименованныя временемъ формы русскаго языка...“ (281—282). Въ приведенныхъ словахъ рельефно обрисовываются основныя черты Буслаева какъ филолога: Буслаева интересовало слово, какъ извѣстная страница изъ исторіи культуры. Это нашло себѣ особенно выраженіе въ диссертациі Буслаева „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“ (М. 1848 г.), находило себѣ мѣсто и въ его исторической грамматикѣ, когда онъ касался исторіи отдѣльных словъ. Строя свой опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію, онъ самъ говоритъ, что палеографическая и собственно грамматическая сторона при изслѣдованіи памятника (см. предисловіе къ упомян. изслѣд.) остается внѣ вниманія изслѣдователя. Правда, для выполненія намѣченнаго изслѣдованія Буслаеву пришлось оперировать съ большимъ лингвистическимъ матеріаломъ, въ которомъ онъ и разобрался, насколько то позволяла постановка лингвистики того времени. Но въ то же время создать какую либо новую и при томъ цѣльную грамматическую систему Буслаевъ не могъ именно потому, что его не привлекали „сухія, безсодержательныя окончанія склоненій и спряженій“... Отношеніе Буслаева къ слову, отношеніе своего рода художника, повліяло отчасти и на то, что и для исторіи этого слова не дается иногда весь необходимый матеріалъ. Мнѣ кажется, что противникъ Буслаевскихъ грамматическихъ воззрѣній Н. П. Некрасовъ далъ въ общемъ вѣрную характеристику историческаго синтак-

сиса Буслаева. Крупнымъ достоинствомъ этого труда Некрасовъ считалъ его историческій характеръ, матеріалъ, на которомъ основывался авторъ, затѣмъ — постоянное обращеніе къ книжной и народной рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ факты языка (древняго и новаго) не представляются связанными органически. Впрочемъ, представить такую органически связанную цѣпь различныхъ языковыхъ явленій невозможно было не только во время Буслаева, но невозможно и теперь. Н. П. Некрасовъ, отмѣчая важность синтаксиса Буслаева со стороны приводимаго матеріала, вполне правильно отмѣчаетъ и то, что въ синтаксисѣ съ большой ясностью и знаніемъ дѣла изложена господствующая грамматическая теорія языка. Одно только нужно измѣнить въ этой общей характеристикѣ: Буслаевъ, какъ видно изъ предисловія къ „Опыту истор. грамматики русскаго языка“ (М. 58 г.), и не задавался цѣлью дать полное изложеніе исторіи русскаго языка, его трудъ имѣлъ прежде всего педагогическія цѣли, будучи предназначенъ въ качествѣ учебнаго руководства. Самъ Буслаевъ сознавалъ также, что для желаемой исторіи русскаго языка не настало еще время (тамъ же, стр. XXVIII).

I.

Первая работа Буслаева по синтаксису русскаго языка находится въ его сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“. Во 2-й части этого труда (М. 1844 г.) Буслаевъ даетъ прежде всего указанія на лучшіе труды въ западно-европейской научной литературѣ по языкознанію. Этими лучшими трудами: Боппа, Гримма и Беккера воспользовался Буслаевъ прежде всего въ названномъ трудѣ. Лучшимъ въ области церковно-славянскаго языка, „классическимъ сочиненіемъ“, Буслаевъ считалъ *Institutiones* Добровскаго, не обративъ при оцѣнкѣ этого труда вниманія на значеніе „Разсужденія“... Востокова. Отмѣчая въ изученіи языка три теченія—историческое, сравнительное и философское, Буслаевъ считалъ заслугою „общей философской грамматики“ (которая „легко примѣняется ко всякому языку“): 1) опредѣленіе „языка органическимъ, живымъ и цѣлымъ произведеніемъ духа человѣческаго; 2) признаніе тѣснѣйшей, неразрывной связи между этимологіей и синтаксисомъ; 3) точнѣйшее опредѣленіе частей рѣчи; 4) систематическую обработку синтаксиса“ (3—4). То, что здѣсь Буслаевъ относилъ къ „философской грамматикѣ“, принадлежало, въ сущности, не только ей, понимаемой какъ бы въ смыслѣ грамматики „логической“, но и дѣйствительно философіи языка, по-

лучившейся отчасти путем анализа строя различныхъ языковъ, отчасти путемъ гениальнаго проникновенія въ глубь жизни языковъ, которое выказалось въ извѣстномъ сочиненіи Гумбольдта. Съ другой стороны, въ общемъ отношеніи Буслаева къ „философской“ грамматикѣ, къ примѣняемости ея законовъ по отношенію ко всѣмъ языкамъ, сказались и остатки прежнихъ воззрѣній на эту грамматику: Что Буслаевъ понималъ „философскую“ грамматику въ указанномъ именно смыслѣ, обнаруживаютъ его дальнѣйшія слова, его упрекъ по отношенію къ этой грамматикѣ (8), которая „видитъ въ языкѣ только одну логику, опуская изъ виду всю полноту и многосторонность народной жизни“. Роль философской грамматики, какъ видимъ дальше, у Буслаева сводится къ тѣмъ требованіямъ логики, которыя необходимо примѣнять ко всякой наукѣ. „Научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое, на основаніи логическихъ началъ: сравнительное изслѣдованіе опредѣлитъ, въ чемъ состоятъ идиотизмы нашего словосочиненія; историческое же укажетъ ихъ происхожденіе, и вѣковою давностью запечатлѣетъ ихъ необходимость и исконность“ (141).

Въ сочиненіи „О преподаваніи отечественнаго языка“ 2-й ч. имѣется небольшой отдѣлъ, носящій заглавіе „синтаксическія замѣтки“. Здѣсь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ, самъ Буслаевъ даетъ указанія на тѣ пособія, которыми онъ пользовался. Насколько же онъ рабски шелъ за своими источниками въ общихъ частяхъ, можетъ указывать хотя бы слѣдующее сравненіе:

У Буслаева, стр. 141—142.

У Гримма *Deutsche Gram.* (изд. 1837 г.), стр. 254—255.

Существительное даетъ предмету имя, прилагательное обозначаетъ оный свойствомъ. Первоначально, вѣроятно, и существительное произошло отъ названія свойства, но это названіе со временемъ стемнѣло и перешло въ общее понятіе, тогда какъ одно-сторонній смыслъ прилагательнаго упорнѣе поддается измѣненію. По той причинѣ удобнѣе переносятся въ языкъ чужестранныя существи-

Das substantiv gibt den namen, das adjectiv die beschaffenheit eines gegenstandes an. Sicher war auch jenes bei seinem ursprung von einer eigenschaft des benannten dinges ausgegangen, deren bedeutung sich allmählich verdunkelte und in einen vielseitigeren begriff aufföste, während der einseitige sinn des adjectivs fester beharrt. Aus dieser ursache können einer sprache eher fremde substantiva zugebracht wer-

тельныя, нежели прилагательныя, ибо сн послѣдшія требуютъ большей вразумительности; потому же прилагательныя и старѣютъ легче, ибо какъ скоро ихъ значеніе нѣсколько стемнѣется, употребленіе тотчасъ отбрасываетъ ихъ.

Хотя оба, и прилагат. и существ., происходятъ отъ глагола, однако простое прилагательное, по своему ясному и прозрачному значенію, стоитъ ближе къ корню, чѣмъ простое существительное; и синтаксически признается эта тѣснѣйшая связь прилагательнаго съ глаголомъ. Древнѣйшій періодъ языка менѣе нуждается въ прилагательныхъ, пользуясь вмѣсто оныхъ еще глаголами...

Выписку эту можно бы было продолжить. Въ дальнѣйшемъ— „глагольные эллипсисы“ (156)—заимствованіе дѣлается въ меньшемъ размѣрѣ (Гриммъ, 131; самъ Буслаевъ и здѣсь дѣлаетъ ссылку, но эта ссылка отнесена только къ примѣрамъ изъ нѣмецкаго языка, а между тѣмъ здѣсь есть также небольшое дословное заимствованіе: „живыя свѣжія изрѣченія...“). Я не буду останавливаться долѣе на сличеніи труда Буслаева съ его источниками. Важно, что послѣдніе не скрывались, а, наоборотъ, точно указывались. Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, какъ слагался самый трудъ Буслаева. Буслаевъ прямо говоритъ, что держался онъ „методы Гримма“, такимъ образомъ, признаетъ его своимъ руководителемъ; объ увлеченіи изслѣдованіями Гримма Буслаевъ особенно ясно высказался, какъ то мы видѣли, въ своихъ воспоминаніяхъ. Не внесъ здѣсь ничего новаго сравнительно съ предыдущей разработкой Буслаевъ относительно русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ. Въ данномъ случаѣ здѣсь было изложеніе того, что находилось особенно въ грамматикахъ Добровскаго, Востокова, Греча, а также прежнихъ—Смотрицкаго и Ломоносова. Пользовался Буслаевъ и нѣкоторыми другими сочиненіями, какъ, напримѣръ, Шафарика и Палацкаго *die ält. Denkmäl. d. böhm. Sprache*. Разбираемый трудъ, возникшій изъ своего рода конспектовъ къ ма-

den als adjectiva, welche grössere verständlichkeit fordern, eben darum veralten auch adjectiva leichter, weil sobald ihre bedeutung erleicht, ihre anwendung stockt.

Obwohl beide, subst. und adj. aus dem verbum entspriessen, so stehet seiner durchsichligeren bedeutung wegen das einfache adj. dem stamm näher als das einfache subst. und auch syntaktisch wird dieses engere band zwischen verbum und adj. zu erkennen sein. Die frühere sprache bedarf weniger adjectiva je mehr verba ihr noch eigen sind...

гистерскому экзамену, бесспорно, могъ имѣть для нашей литературы большое значеніе, не будучи въ общемъ трудомъ самостоятельнымъ. Въ „синтаксическія замѣтки“ (141—64) внесенъ матеріалъ, въ строгомъ смыслѣ и не относящійся къ синтаксису, а относящійся къ морфологіи и семасіологіи (т. е. то же, что впослѣдствіи было сдѣлано Буслаевымъ и относительно синтаксиса въ исторической грамматикѣ). Общая особенность этихъ краткихъ замѣтокъ состоитъ въ томъ, что Буслаевъ отмѣчаетъ разницу въ нѣкоторыхъ формахъ и конструкціяхъ древняго и современнаго русскаго языка (при чемъ здѣсь какъ-то нераздѣленными представляются формы древняго и современнаго народнаго языка). Краткость этихъ синтаксическихъ замѣтокъ является нѣкоторымъ противорѣчіемъ тому общему положенію, которое было выставлено Буслаевымъ въ началѣ сочиненія, что „синтаксисъ есть основа всему построенію языка... какъ слово есть часть предложенія, такъ и этимологія входитъ въ синтаксисъ, какъ его часть“ (5). А это уже указываетъ отчасти на то, какъ составлялся данный трудъ: Буслаевъ, приводя грамматическія положенія, которыя въ то время начинали быть уже грамматическими аксіомами, не могъ ихъ выполнить, осуществить на практикѣ. Можно было бы, впрочемъ, сослаться на его же слова, что у насъ нѣтъ еще сравнительнаго и историческаго синтаксиса, но все же въ предыдущей разработкѣ Буслаеву былъ данъ извѣстный матеріалъ, который не былъ использованъ имъ. Должно отмѣтить также, что Буслаевъ, отдавая дань романтическимъ увлеченіямъ древностью, освѣтилъ неправильно строй древняго языка. Онъ высказалъ, напримѣръ, мнѣніе, что „прежнее употребленіе глаголовъ гораздо вольнѣе, гибче и многостороннѣе“ (149) или „управленіе глаголовъ пользовалось большей свободой“ (150). Та разница, которую отмѣчалъ въ данныхъ случаяхъ Буслаевъ, вовсе не говорила въ пользу выставленныхъ общихъ положеній.

Въ 1-й части „О преподаваніи отечественнаго языка“ (М. 44 г.) Буслаевъ указываетъ, что слѣдуетъ онъ „Гримму, почитая его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни“ (предисл., V). Къ тому же, какъ оказывается (тамъ же), побуждалъ его и авторитетъ Академіи Наукъ, Московская комиссія которой избрала образцомъ для составленія академической грамматики грамматику Я. Гримма.

II.

Въ предисловіи къ „Опыту исторической грамматики“ выясняются отношеніе Буслаева къ предыдущей русской грамматикѣ и цѣль его

труда. Отношеніе это вполне отрицательное: Буслаевъ считаетъ предыдущіе учебники русскаго языка составленными по стопамъ Готшеда и Аделунга, которые въ свою очередь имѣли своими образцами, какъ выражается Буслаевъ, „филологическую грамматику древности“. Филологическая грамматика отличалась тѣмъ, что она не была наукой, она учила лишь говорить и писать, сама будучи основана на рѣчи литературной, изъ которой выводила правила, часто противорѣчащія законамъ языка, выдавая иногда чисто орфографическіе приемы за законы языка. Выставляя на первый планъ требованія здраваго смысла по отношенію къ синтаксису, „филологическая“ грамматика поняла эти требованія въ смыслѣ подчиненія языка, какъ чего-то случайнаго, случайнаго сочетанія звуковъ, строгимъ, опредѣленнымъ законамъ логики, общимъ логическимъ отношеніямъ мысли. Отсюда вытекало ошибочное отношеніе ко многимъ явленіямъ языка, которыя почитались за исключенія, ошибки противъ правильныхъ нормальныхъ оборотовъ. Подобному отношенію къ грамматикѣ Буслаеву противопоставляетъ то отношеніе, которое создается при „лингвистическомъ“ изученіи языка. Здѣсь языкъ изучается какъ нѣчто самостоятельное, безъ отношенія чисто практическаго. Для лингвиста важнѣе не только языкъ литературный, языкъ образцовыхъ писателей, но и языкъ простого народа, необработанныя областныя нарѣчія и проч.; на языкъ лингвистъ смотритъ какъ на живой организмъ. (Ср. со сказаннымъ о томъ же въ 1-й части „О преп. отеч. яз.“). Къ попыткѣ Беккера построить на новыхъ началахъ ученіе о языкѣ Буслаевъ относится отрицательно, потому что Беккеръ, отправляясь отъ правильныхъ исходныхъ точекъ, въ дальнѣйшемъ за недостаткомъ матеріала для широкихъ построеній, увлекся отвлеченными соображеніями, такимъ образомъ, пошелъ по стопамъ прежней философской грамматики. Въ практическомъ отношеніи система Беккера въ силу своихъ логическихъ тонкостей представила гораздо больше затрудненій для изученія; такимъ образомъ, стоитъ она ниже прежней философской грамматики, но въ теоретическомъ отношеніи была все же шагомъ впередъ: „она правильно опредѣлила части рѣчи и части предложенія“ („но, прибавляетъ далѣе Буслаевъ, не умѣла дать надлежащаго основанія синтаксическому ученію“, стр. XVII).

Въ приведенныхъ словахъ Буслаева мы не находимъ вѣрной характеристики предыдущей русскаго грамматики. Къ этой послѣдней нельзя было вполне примѣнить словъ о подражаніи Готшеду и Аделунгу, хотя грамматика Аделунга и имѣла несомнѣнно большое влія-

ніе, напрімѣръ, на Греча. Впрочемъ, это не такъ важно, болѣе важнымъ представляется мнѣ то, что Буслаевъ не сумѣлъ разобраться въ отношеніи предыдущей русской грамматики къ логикѣ. У него этотъ вопросъ какъ-то стоитъ въ связи съ вопросомъ о требованіяхъ здраваго смысла и въ то же время съ вопросомъ о чисто механическомъ происхожденіи языка. Правильно отмѣчая ту ошибочную сторону, которая сказалась и въ грамматикахъ философскихъ и въ сочиненіи Беккера, именно отвлеченность построеній, лишенныхъ фактическаго матеріала, совершенно справедливо защищая права языка на самостоятельное изученіе, самъ Буслаевъ въ то же время фактически не вышелъ изъ подчиненія въ своей грамматикѣ логикѣ; это сказывается уже въ данномъ предисловіи, когда онъ признаетъ заслугой Беккера опредѣленіе частей рѣчи и частей предложенія. Разбираемое предисловіе производитъ такое впечатлѣніе, что Буслаевъ какъ бы порываетъ всякую связь съ предыдущей русской грамматикой, между тѣмъ, какъ на дѣлѣ, оказывается, онъ въ сильной степени находится въ зависимости отъ этой послѣдней. И самъ онъ ранѣе („О препод. отеч. яз.“ ч. 1, 7—8) признавалъ „ученія и научныя достоинства“ грамматикъ Греча и Востокова. Мнѣ думается, что мысль о самостоятельномъ развитіи языка, объ его органичности, мысль, которую проводилъ Буслаевъ вслѣдъ за Гумбольдтомъ, заставляла Буслаева такъ ополчаться на предыдущую русскую грамматику и не замѣчать тѣсной связи своего труда съ этой грамматикой.

Если мы теперь перейдемъ къ „введенію“, посвященному выясненію вопроса объ отношеніи языка къ мышленію (§§ 106—118), то мы тотчасъ же убѣдимся, что языкъ по отношенію къ мышленію занимаетъ второстепенное мѣсто. Уже съ первыхъ словъ мы видимъ тотъ мостъ, который помогаетъ соединить грамматику съ логикой: „языкъ служитъ намъ для взаимной передачи мыслей, т. е. представленій, понятій и сужденій“; поясненіе относится вполне къ тому дѣленію, которое устанавливаетъ логика; въ опредѣленіе вносится та искусственность, которая дается не языкомъ, а наблюденіемъ надъ нимъ, отвлеченіемъ. Естественно, поэтому, что грамматика становится въ какое-то служебное положеніе, такъ какъ исходнымъ пунктомъ оказывается логика. Такимъ образомъ, я не могу согласиться съ мнѣніемъ проф. Будде, что Буслаевъ „впервые прочно установилъ въ ученіи о предложеніи различіе между логикой и грамматикой“ („О заслугахъ Ѳ. И. Буслаева какъ лингвиста и преподавателя“ въ Извѣст. Общ. арх., ист. и этногр. при Имп. Казан. унив.

98 г., т. XIV, 419). Подчинение грамматики логикѣ сказывается тотчасъ же при анализѣ нашей рѣчи. По Буслаеву оказывается, что въ предложеніи, напримѣръ, „этотъ столъ окрашенъ“ (§ 109), каждымъ словомъ выражается общее понятіе. Здѣсь же мы отмѣчаемъ совершенно неправильное отношеніе къ именамъ собственнымъ, каковыя считаются общими понятіями, какъ и имена нарицательныя, хотя при объясненіи возникновенія именъ собственныхъ изъ нарицательныхъ Буслаевъ былъ недалекъ отъ истины (впрочемъ, самый процессъ образованія не могъ быть въ силу невѣрныхъ исходныхъ пунктовъ представленъ соотвѣтствующимъ тому, какъ теперь это понимается).

Для иллюстраціи ранѣ выставленнаго положенія—объ искусственности анализа предложенія можно привести особенно слѣдующія слова Буслаева: „Когда мы судимъ о какомъ-нибудь предметѣ, тогда соединяемъ понятія съ понятіями, или понятія съ представленіями. Напримѣръ, „птицы летаютъ“, „эта комната обширна“. Въ первомъ примѣрѣ *понятіе* (нашъ курсивъ) „летаютъ“ (кур. Б.) приписывается *понятію* (нашъ курсивъ) „птицы“ (кур. Б.); во второмъ *понятіе* (нашъ курсивъ) „обширна“ (кур. Б.) приписывается представленію „эта комната“ (§ 110).

Разсматриваемое введеніе къ синтаксису должно быть интересно уже потому, что въ немъ Буслаевъ стремился для нѣкоторыхъ обобщеній воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который разрабатывался далѣе. Мѣстами вѣрныя замѣчанія выдѣляются на общемъ фонѣ невѣрно очерченнаго отношенія языка къ мышленію. Нѣкоторая отрывочность, непослѣдовательность показываютъ, что этотъ вопросъ былъ лишь слегка обработанъ Буслаевымъ; вся сила изслѣдователя выступаетъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, въ которыхъ касается онъ исторіи отдѣльных словъ,—исторіи отдѣльных словъ, какъ страничекъ культуры. Буслаевъ, идя за своими образцами, отмѣчаетъ силу сужденія въ сказуемомъ, при чемъ носителемъ сказуемости считаетъ глаголь (§§ 110—111); здѣсь же вполне правильно также отмѣчается (прим. къ § 111), что сила сужденія въ образѣ, способѣ „сочетанія сказуемаго съ подлежащимъ, выражаемаго спряженіемъ глагола“; въ этомъ правильномъ освѣщеніи вопроса полное несходство съ тѣмъ, что можно вывести изъ опредѣленія частей рѣчи у Буслаева. Совершенно вѣрно указывается на забвеніе первоначальнаго значенія многихъ словъ (прим.: перчатки, сѣни, мебель), вполне правильно отмѣчается живость, образность языка первоначальнаго, хотя при

этомъ Буслаевъ забываетъ, что и въ новые періоды языкъ имѣетъ обороты не менѣ живые, образные. Вполнѣ можно согласиться съ проводимой мыслью, что въ древніе періоды жизни языка мысль находилась въ тѣсной связи съ этимологической формой языка и что потеря этимологическихъ формъ восполнялась синтаксическими сочетаніями словъ. Говоря о раздвоеніи языка и мышленія, каковое говорить о ихъ видимой самостоятельности, Буслаевъ упускаетъ изъ виду различные моменты существованія и развитія того и другого. Наряду съ этимъ мы встрѣчаемъ совершенно ложное представленіе объ особенно строгой логикѣ языка, который-де образовался благодаря умственной дѣятельности народовъ, а не отдѣльныхъ лицъ.

Непониманіе основного отношенія языка къ мышленію, неумѣніе разобраться въ законахъ развитія язычныхъ оборотовъ вели Буслаева къ такимъ, напр., общимъ заключеніямъ, что бѣльшая простота новѣйшаго синтаксиса сравнительно съ древнимъ зависитъ отъ того, что въ позднѣйшемъ своемъ развитіи языкъ подчиняется все болѣе и болѣе законамъ общей логики (§ 118). Интересно, что данное обобщеніе выводится Буслаевымъ изъ сравненія такихъ конструкцій, какъ *нравится кому и дивится кому* вмѣсто древнихъ *норовить кому и дивить на кого*. Теперешнія формы такимъ образомъ, не отличающіяся другъ отъ друга и требующія одного падежа, получались въ силу общихъ законовъ логики, стершихъ индивидуальную разницу. Можно было бы отмѣтить еще нѣкоторыя заключенія, съ которыми трудно согласиться, но я не буду ужъ болѣе на этомъ останавливаться. Укажу только на одно: Буслаевъ относится отрицательно къ ученію предыдущихъ грамматикъ о *связкѣ* въ предложеніи, какъ третьей составной части, но опроверженія его въ данномъ случаѣ совершенно слабы—онъ указываетъ, что само сказуемое обозначаетъ свою связь съ подлежащимъ (что, на самомъ дѣлѣ, далеко не всегда), а также на то, что ученіе о связкѣ внесено въ логику изъ языковъ греческаго и латинскаго (а это указаніе не представляетъ, въ сущности, никакого доказательства мысли Буслаева). Изъ дальнѣйшаго (§ 123) мы видимъ, что, по Буслаеву, связка „въ настоящее время у насъ опускается“, такіе же случаи, какъ „земля есть планета“, даютъ составное сказуемое.

III.

1-я глава синтаксиса Буслаева носить общій заголовокъ: составъ предложенія и значеніе частей рѣчи (§§ 119—173), но подраздѣ-

ляется она на три отдѣла: 1—составъ предложеній и различные его виды, 2—значеніе частей рѣчи, 3—способы отдѣленія словъ и предложеній на письмѣ.

Конечно, излагая ученіе о согласованіи, объ управленіи, о различіи частей предложенія, Буслаевъ не вносилъ, въ сущности, ничего новаго, онъ лишь формулировалъ и обосновывалъ господствующія ученія. Но я бы здѣсь выдвинулъ одну черту въ изложеніи этихъ общихъ вопросовъ у Буслаева, его нѣкоторую непослѣдовательность или, можетъ быть, вѣрнѣе нѣкоторую шаткость. Такъ, проводя мысль, что предложенія составляются тогда, когда отдѣльные слова входятъ въ связь другъ съ другомъ путемъ согласованія или управленія (§ 121), Буслаевъ долженъ былъ констатировать и способы сочетанія словъ, когда не было ни согласованія, ни управленія, но это уже приведено въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу (§ 125); само согласованіе опредѣляется не совсѣмъ умѣло: „согласовашемъ называется такое сочетаніе словъ, въ которомъ одно слово уподобляетъ свое окончаніе окончанію другого“ (§ 121). Говоря о томъ, что управленіе создаетъ дополненіе, а согласованіе—опредѣленіе (§ 125), Буслаевъ въ дальнѣйшемъ изложеніи (тамъ же) говоритъ, что опредѣлительныя слова присоединяются къ другимъ словамъ и посредствомъ управленія. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ уже „логическихъ“ соображеній, подъ вліяніемъ значенія второстепенныхъ членовъ измѣняется та формальная точка зрѣнія, которая сказывалась въ первомъ положеніи. Еще ранѣе встрѣчается (§ 124) такое положеніе: „подлежащее выражается или 1) самимъ лицомъ глагола; напр., *есмь, да-мь.....я* говорю, *ты* говоришь“... Здѣсь опять смѣшиваются формальная точка зрѣнія и точка зрѣнія, обусловленная значеніемъ. Самъ Буслаевъ отмѣчалъ, что такія слова, какъ: *черезъ мостъ* являются обстоятельными лишь по значенію, а по управленію—это слова дополнительные.

Повидимому, на грамматическую точку зрѣнія становится Буслаевъ, когда отрицательно относится къ существованію такъ называемыхъ „безличныхъ“ предложеній (§ 124), но мотивировка показываетъ, что, на самомъ дѣлѣ, этой точки зрѣнія нѣтъ. Грамматическое подлежащее Буслаевъ видитъ въ окончаніи или въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (относительно послѣдняго даются 2 примѣра изъ французскаго и нѣмецкаго языка).

Соображенія чисто логическаго характера заставляли Буслаева развивать теорію „сокращенія придаточныхъ предложеній“, теорію

вообще замѣны одного выраженія другимъ. Въ данномъ случаѣ (какъ и въ другихъ случаяхъ, о которыхъ не приходится упоминать, напр., въ различеніи подлежащаго и сказуемаго логически и грамматически, въ установленіи различныхъ видовъ предложеній, въ анализѣ простой и сложной рѣчи и пр.) Буслаевъ развивалъ лишь то, что нашелъ въ предыдущей русской грамматикѣ. Сокращенія придаточныхъ предложеній онъ ставилъ въ связь съ исторіей предполагавшагося имъ и другими учеными, происхожденія имени отъ глагола. Поэтому такіа предложенія, какъ *кто съѣтъ, тотъ ожидаетъ жатвы*, Буслаевъ уравнивалъ съ *съѣтель ожидаетъ жатвы*. Но сказывавшееся чутье языка заставляло Буслаева дѣлать оговорку, что имена существительныя не могли при замѣнѣ выразить отгѣнковъ глагола, и языкъ прибѣгъ къ новымъ образованиямъ, болѣе близкимъ къ глаголу—дѣпричастіямъ и неопредѣленному наклоненію, посредствомъ коихъ и производилось уже сокращеніе (§ 135). Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ Буслаевъ приводилъ и сокращенія посредствомъ имени существительнаго. Буслаевъ приходилъ, послѣдовательно своей теоріи—объ отвлеченности имени предъ глаголомъ, къ совершенно неправильной мысли, что сокращенныя предложенія выражаютъ мысль отвлеченно (§ 135 II, 4).

✓ Положивъ въ основу ученія объ опущеніи частей предложенія вполне вѣрную мысль, что опускаются легко подразумѣваемые части предложенія, Буслаевъ былъ не особенно правъ относительно отдѣльныхъ случаевъ. Поэтому отчасти справедливо упрекалъ Буслаева К. Аксаковъ за находженіе опущеній тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ.

Можно возражать также противъ ученія о слитныхъ предложеніяхъ въ томъ видѣ, какъ это дано у Буслаева (слѣдовавшаго и здѣсь за предыдущей русской грамматикой) и какъ это проведено затѣмъ въ нашихъ учебникахъ. Аксаковъ, мелькомъ высказавшійся противъ этого ученія, могъ бы сослаться на то, что исторія языка не даетъ намъ права считать подобные примѣры, какъ „прилежный и благонравный ученикъ...“, сложившимися изъ „прилежный ученикъ...“ и „благонравный ученикъ...“ и пр.

Отношеніе Буслаева къ частямъ рѣчи характерно сказывается въ его принципѣ дѣленія этихъ частей рѣчи. Одни изъ нихъ онъ называетъ знаменательными; эти части рѣчи обозначаютъ предметы, ихъ свойства и дѣйствія; другія онъ называетъ служебными; эти части рѣчи обозначаютъ „логическіе приемы, употребляемые въ составѣ предложенія, и отношенія къ себѣ, какъ къ лицу говорящему,—къ

лицу слушающему и къ предмету рѣчи“ (§ 138). Все это опредѣленіе, а особенно его послѣдняя часть, сплошное недоразумѣніе, сплошная ошибка, важная для характеристики общихъ воззрѣній Буслаева на языкъ. Интересно, что къ служебнымъ частямъ рѣчи отнесены: мѣстоименіе, числительное, предлогъ, союзъ и глаголь вспомогательный; къ нимъ отнесены и нарѣчія, если послѣднія производятся отъ служебныхъ частей рѣчи (напр., *здѣсь, тамъ, дважды*). Междомстія Буслаевъ выдѣляетъ въ особый отдѣлъ, какъ выражающія ощущенія, при чемъ часть ихъ по образованію считаетъ относящимися къ знаменательнымъ (къ таковымъ принадлежатъ: *о горе, спасибо*) или къ служебнымъ (напр., *и, а, ну*); приведенные примѣры показываютъ, насколько въ данномъ случаѣ было невдумчивое отношеніе къ затронутому вопросу.

Въ связи съ этимъ нужно отмѣтить и взглядъ Буслаева на ограниченность числа служебныхъ частей рѣчи въ силу именно того, что „способъ сочетанія мыслей и отношеніе лица говорящаго къ слушающему и къ предмету рѣчи подводятся въ языкѣ къ немногимъ простѣйшимъ законамъ“ (§ 139), что „служебныхъ словъ языкъ создать уже не можетъ“ (тамъ же). Я дѣлаю эти выписки опять для того, чтобы показать, подъ какимъ сильнымъ давленіемъ логическихъ формулъ находился Буслаевъ: явленія языка подводились подъ эти окаменѣвшія логическія формулы, нарушался такимъ образомъ главный принципъ исторіи языка—постепенное развитіе.

Буслаевъ, какъ я сказалъ, подробно останавливается на фигурахъ и тропахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ довольно подробно говоритъ (въ связи съ метафорой) о грамматическомъ родѣ. Я не буду останавливаться на этой части; скажу лишь, что главнымъ образомъ здѣсь интересенъ матеріалъ. Попадаются иногда крайне неудачныя выраженія, напр., „признакъ, по которому предметъ получаетъ свое названіе, именуется эпитетомъ“ (§ 140). Нѣкоторые ошибочные взгляды Буслаева въ этомъ отдѣлѣ отмѣчены Потебней въ его „Изъ записокъ по теоріи словесности“ (напр., стр. 210, 212 и др.).

Переходя къ „значенію частей рѣчи, каждой въ отдѣльности“, Буслаевъ отмѣчаетъ (§ 158), что существительное, прилагательное имена выражаютъ не только предметъ, свойство его и пр., но эти части рѣчи, какъ и другія, помимо своего значенія выражаютъ извѣстныя грамматическія отношенія. Послѣднее нужно такимъ образомъ выдвигать, говоря объ ученіи Буслаева о частяхъ рѣчи, не обращая обыкновенно вниманія, обрушиваясь всецѣло на главную

суть опредѣленія. Мы замѣчаемъ такимъ образомъ у Буслаева не одно увлеченіе значеніемъ, но уклонъ въ сторону формъ, въ сторону чисто грамматическую. Правда, этотъ уклонъ носилъ у Буслаева вообще слабый характеръ, характеръ болѣе „кстати“. Здѣсь же мы встрѣчаемъ и такія выраженія: „корень словъ, принимая образующее окончаніе, или суффиксъ, получаетъ способность переходить отъ впечатлѣнія къ понятію“ (§ 158). Числительное Буслаевъ по формѣ вполне правильно относитъ къ именамъ существительнымъ и прилагательнымъ (§ 161). Говоря объ описательныхъ формахъ спряженія (§ 167), Буслаевъ вопреки исторіи языка считаетъ назначеніемъ вспомогательнаго глагола выражать время, лицо и наклоненіе.

IV.

2-я глава синтаксиса посвящена „синтаксическому употребленію частей рѣчи“. Прежде всего Буслаевъ останавливается на глаголѣ и его, какъ онъ выражается, „принадлежностяхъ“. Эти „принадлежности“ по порядку—залогъ, видъ, время, наклоненіе и лицо.

У Буслаева понятіе о залогѣ тѣсно связано съ понятіемъ о переходности и непереходности. „Залогъ означаетъ дѣятельность предмета или переходящую на другой предметъ, напр., „читаю книгу“.... или не переходящую, напр. „стою“. Глаголы перваго разряда именуются *переходящими*, послѣдняго *непереходящими*“ (§ 175). Нѣсколько дальше Буслаевъ замѣчаетъ, что иногда переходящій глаголъ употребляется въ видѣ (или мы бы сказали, примѣняясь къ сущности мысли Буслаева: въ значеніи) непереходящаго. Изъ приведеннаго мы скорѣе должны были бы признать существованіе залоговъ переходящихъ и непереходящихъ или же иначе формулировать ранѣе приведенныя мысли въ виду того, что глаголы, по Буслаеву, дѣлятся на дѣйствительные, страдательные, средніе и возвратные (къ послѣднимъ онъ относитъ еще взаимные и общіе). Изъ первоначально сдѣланнаго отождествленія залога съ переходностью или непереходностью, а затѣмъ изъ сближенія залога съ этими понятіями, мы выводимъ заключеніе, что различіе залоговъ дѣлается по значенію, а не по формѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Буслаевъ вноситъ и понятіе формы, опредѣляя страдательный и возвратный залогъ.

Вычерчена была такимъ образомъ цѣлая схема, при малѣйшемъ анализѣ, впрочемъ, теряющая свою основательность и обнаруживающая созданную путаницу. Правъ былъ Н. П. Некрасовъ, подвергая

ученію Буслаева о залогахъ жестокой критикѣ. Смѣшеніе двухъ точекъ зрѣнія и затѣмъ преобладаніе принципа значенія повели къ тому, что одинъ и тотъ же глаголѣ попадалъ въ рамки различныхъ залоговъ. Возьмемъ, на примѣръ, само поясненіе Буслаева относительно взаимнаго залога (§ 178): „взаимный залогъ можетъ быть выраженъ въ формѣ не только возвратнаго, но и дѣйствительнаго глагола“ (подставимъ: залогомъ возвратнымъ или дѣйствительнымъ); „на примѣръ, *сражаться съ кѣмъ, разговаривать съ кѣмъ*“. Далѣе указывается, что „дѣйствительный или средній глаголѣ тогда только получаетъ значеніе взаимнаго, когда по самому смыслу своему показываетъ взаимное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ; на примѣръ, *воевать, спорить*. Но когда глаголѣ въ формѣ дѣйствительнаго залога *самъ по себѣ* не означаетъ взаимнаго дѣйствія, тогда для перевода такого глагола въ залогъ взаимный присовокупляется къ формѣ дѣйствительнаго залога мѣстоименіе *ся*“. Послѣднія слова характерны также для указанія сравнительной важности для Буслаева значенія и формы. Далѣе оказывается, что для выраженія страдательнаго залога употребляются не только описательныя формы, но и залогъ возвратный; затѣмъ, такъ какъ послѣдній можетъ быть употребленъ въ значеніи средняго, то и средній выступаетъ въ качествѣ страдательнаго, на примѣръ: *залезла* та дорога тридцать лѣтъ *отъ* того Соловья разбойника“... Насколько Буслаевъ не выдержалъ мѣры и насколько онъ стремился перенести въ русскую грамматику обиліе залоговъ, выработанное древностью, указываетъ выдѣленіе какъ бы подзалога, „особеннаго разряда“ дѣйствительныхъ глаголовъ — *винословныхъ*, т. е. „производныхъ глаголовъ, которые приписываютъ подлежащему причину, заставляющую кого-нибудь производить дѣйствіе“.

К. Аксаковъ въ своемъ разборѣ синтаксиса Буслаева удѣляетъ довольно мѣста разсмотрѣнію природы глаголовъ на *ся*. Прежде всего онъ дѣлаетъ поправку къ ученію Буслаева о переходѣ залога возвратнаго въ томъ духѣ, что залогъ этотъ, оставаясь возвратнымъ, получаетъ лишь отгѣнки другихъ залоговъ. Аксаковъ стремится объяснить, какимъ образомъ получаются эти отгѣнки, но объясненія даны неубѣдительныя, черезчуръ апріорныя, лишеныя фактической почвы: „человѣкъ смущается“ — предполагается участіе собственной воли; „человѣкъ теряется“ — подобіе воли; „собака кусается“, т. е. за себя кусаетъ; „кидается грязью“, т. е. отъ себя и пр. въ такомъ же духѣ (Собр. соч. II, 547—55).

Переносясь отъ Буслаева къ новѣйшимъ ученіямъ о залогахъ, мы

видимъ, что система Буслаева до сихъ поръ оказываетъ вліяніе. Я возьму для примѣра „Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка“ Овсяннико-Куликовскаго. Проф. Овсяннико-Куликовскій прежде всего удерживаетъ (что дѣлають и другіе) дѣленіе глаголовъ на переходные и непереходные, при чемъ, если „при глаголѣ имѣется дополненіе, необходимое для полного выясненія значенія даннаго глагола, т. е. дополненіе, обозначающее предметъ, на который простирается это дѣйствіе или которымъ такъ или иначе это дѣйствіе ближе опредѣляется, то такой глаголъ принадлежитъ къ разряду *переходныхъ*. Если дополненія нѣтъ или если оно не имѣетъ вышеуказаннаго значенія, то глаголъ относится къ разряду *непереходныхъ*“ (Рук. изд. 1907 г., 125). Можно задаться вопросомъ, не будутъ ли общепринятые термины — переходные и непереходные глаголы—только схоластичны: вѣдь существа дѣла эти термины вовсе не передаютъ. Разъ, напримѣръ, „книгу“ (я читаю книгу) лишь ограничиваетъ, точнѣе опредѣляетъ, если это слово даже „измѣняетъ значеніе глагола“ (132), то при чемъ же здѣсь переходность или непереходность? Разъ то, что легло въ основаніе этихъ такъ ясно говорящихъ терминовъ, понимается нами вовсе не такъ,—то зачѣмъ же сохранять эти дѣленія по даннымъ рубрикамъ? Если возьмемъ опредѣленіе залоговъ въ „Руководствѣ“, то увидимъ, что въ этомъ опредѣленіи берется во вниманіе форма (залогами называются тѣ глагольныя формы, которыя воспроизводятъ отношеніе подлежащаго къ сказуемому, представляя подлежащее либо какъ дѣятеля—все равно подлиннаго или фиктивнаго,—производящаго признакъ, данный въ сказуемомъ, либо какъ недѣятеля или какъ дѣятеля мнимаго, который не производитъ признака, даннаго въ сказуемомъ, и только отвѣчаетъ на вопросъ: кто? что?), но изъ дальнѣйшаго мы видимъ, что эта форма отступаетъ на задній планъ передъ значеніемъ. „Такъ вотъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда нельзя поставить вопроса: „что дѣлаетъ подлежащее?“ , когда оно является дѣятелемъ меньшимъ и только отвѣчаетъ на вопросъ: „кто? что?“—мы имѣемъ *зalogъ*, который называется страдательнымъ“ (123). Оказывается такимъ образомъ, что есть случаи, когда и можно поставить вопросъ: „что дѣлаетъ подлежащее?“ а все же будетъ страдательный залогъ: книга печатается.. и оказывается, потому что здѣсь чувствуется *замѣна* прежнихъ причастій страдательнаго залога; но это совсѣмъ не основаніе считать страдательнымъ залогомъ.

Говоря о безличномъ глаголѣ (§§ 200—202), Буслаевъ отмѣчаетъ различныя залого безличныхъ глаголовъ. Какъ я упомянулъ уже ра-

нѣе, безличности этихъ глаголовъ онъ не признаетъ. При пониманіи же безличныхъ предложеній, какъ въ большинствѣ своемъ безсубъектныхъ, можетъ свободно возникнуть вопросъ объ отсутствіи залога, рассматривая послѣдній съ лексической точки зрѣнія. Но подобный вопросъ устраняется у Овсяннико-Куликовскаго тѣмъ неправильнымъ указаніемъ, что мы сознаемъ присутствіе залога въ безсубъектныхъ предложеніяхъ и „при отсутствіи подлежащаго (въ безсубъектныхъ предложеніяхъ) залогъ указываетъ, какъ *следовало бы* смотрѣть на подлежащее, *если бы оно было*“...

Когда рѣчь заходитъ о залогахъ, какъ-то невольно вспоминаются слова Даля: „Нѣтъ той безмыслицы, до которой бы нельзя было дойти, волей-неволей, слѣдуя нашей несчастной грамматикѣ, особенно когда рѣчь пойдетъ о глаголѣ... Вся грамматика глаголовъ прицѣплена къ языку насильственно... Распредѣленіе глаголовъ на залого—одно школярство“ (Толк. слов. 4-й в., XX—XXI). Любопытную картину той безпомощности, которая царилъ въ русскихъ грамматикахъ относительно залоговъ, далъ Н. П. Некрасовъ (О значеніи формъ рус. глаг., 32), а какаѣ путаница господствуетъ и теперь въ школьныхъ грамматикахъ русской, латинской и греческой, характерно обрисовываетъ статья г. Тростникова (въ Филол. Зап. 1897 г.).

Во всѣхъ многочисленныхъ попыткахъ нашихъ грамматикъ дать опредѣленіе залоговъ сказалось вліяніе греко-латинскихъ грамматикъ. Древнія грамматики руководствовались при различеніи залоговъ главнымъ образомъ значеніемъ глаголовъ. Недаромъ въ латинскихъ грамматикахъ наряду съ названіемъ залоговъ—genega, было другое—significationes. Само же греческое названіе залога διάθεσις значило собственно „расположеніе“, „состояніе“. Въ греческомъ различались три залога: ἐνεργητικῆ, παθητικῆ, ὑβέτερη (μέση); послѣдній залогъ назывался п общимъ, когда совмѣщалось значеніе дѣйствительнаго и страдательнаго (напр., τόπτομαι). У римскихъ грамматиковъ введены были еще пероventia, т. е. глаголы съ формой страдательнаго залога, но со значеніемъ дѣйствительнаго (какъ бы отложивше свою форму). Перенесеніе подобныхъ опредѣленій на русскій глаголъ, не представлявшій уже такого количества формъ, какъ глаголы греческій и латинскій, должно было повести ко многимъ затрудненіямъ, къ искусственности, что и сказалось уже въ первыхъ русскихъ грамматикахъ.

Теперь, если перейдемъ отъ взгляда на залого п дѣленія послѣднихъ у Буслаева и его послѣдователей къ попыткѣ упорядочить этотъ вопросъ у Н. Некрасова (О значеніи формъ русскаго глагола.

С.-Пб. 1865 г.), то увидимъ, что Некрасовъ сталъ на точкѣ зрѣнія Дала, проводившаго формальное дѣленіе глаголовъ, съ выдѣленіемъ прежде всего глаголовъ по окончаніямъ на *тъ*, *тѣся*, а затѣмъ уже съ подраздѣленіемъ по значенію—на переходящіе и непереходящіе, при чемъ указывалось, что частица *ся* придаетъ глаголу большую самостоятельность дѣйствія или ограничиваетъ переходное значеніе. Подобная же мысль лежитъ и въ основѣ новѣйшихъ трудовъ—г. Вейсмана (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1899 г. іюль) и акад. Фортунова (*Изв. отд. рус. яз. и сл. Имп. Ак. Наукъ* 1899, № 4). Выдвигаемая необходимость дѣленія по формамъ, а не по значенію, г. Вейсманъ дѣлитъ глаголы на 3 залога: дѣйствительный, возвратный (изъ дѣйствительнаго и *ся*) и страдательный (имѣющій, впрочемъ, форму сложную, составную); дальнѣйшее же дѣленіе можетъ быть, по г. Вейсману, по значенію: дѣйствительные-переходные и непереходные, и пр. Любопытной представляется попытка урегулировать вопросъ о залогахъ въ трудѣ Попова (въ его синтаксическихъ изслѣдованіяхъ), но этой попытки я коснусь подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, эта попытка, въ сущности, оказалась неудачною. Позднѣйшимъ трудомъ по изученію залоговъ является статья г. Гвоздиковъ (*Русскій Филолог. Вѣстникъ* 1904 г., 1—2. Ср. также дополненія въ Р. Ф. В. 1906 г., № 3—4). Въ основу этой статьи положена та же мысль, что и въ основу изслѣдованія Попова, мысль, высказанная еще Потемнею, о синтаксическомъ значеніи видовъ („залогъ есть отношеніе субъекта и объекта, въ это понятіе входитъ присутствіе и отсутствіе субъекта и присутствіе и отсутствіе объекта“, какъ приводитъ слова Потемни Гвоздиковъ, у Попова — „залогъ есть такое формальное значеніе глагола, которое дѣлаетъ необходимымъ отсутствіе объекта или его присутствіе и обусловливаетъ качество объекта“). Г. Гвоздиковъ насчитывалъ 12 залоговъ, и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому заключенію, что, напри- мѣръ, „залогъ косвеннаго объекта“ можетъ дать различные типичные случаи, которые могутъ выступать въ качествѣ особыхъ залоговъ. Это уже одно могло бы показывать, до какой схематизаціи можетъ дойти дѣленіе, и эта крайняя схематичность должна подрывать значеніе подобныхъ дѣленій. Если коснуться существа разсужденій г. Гвоздиковъ, то увидимъ, что, гоняясь за значеніемъ объекта и пр., авторъ оставляетъ совершенно въ тѣни глагольныя формы, затѣмъ—при дѣленіяхъ авторъ смѣшиваетъ и точку зрѣнія лексическую и формальную.

Я не буду касаться для сравненія съ ученіемъ о залогахъ у Бу-

слева того, что мы находимъ по данному вопросу въ различныхъ русскихъ грамматикахъ. По нелѣпости и несуразности классификацій, по смѣшенію различныхъ точекъ зрѣнія можно было бы выставить цѣлый рядъ нашихъ учебниковъ, которые часто заимствовали у Буслаева лишь отрицательныя стороны его синтаксиса и развивали ихъ.

Итакъ, изъ предыдущаго изложенія, мы видимъ слѣдующее. Точки зрѣнія, проводимыя Буслаевымъ и Некрасовымъ, дали два теченія въ дальнѣйшемъ изученіи залоговъ русскаго глагола. Желаніе стать на формальную точку при дѣленіи глаголовъ на залоговѣ все же въ концѣ концовъ приводило къ лексикѣ, къ значенію глаголовъ въ предложеніи, т. е. приходилось становиться на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ главнымъ образомъ Буслаевъ. Къ тому же приходило и 3-е теченіе, которое выставяло главнымъ образомъ синтаксическое значеніе залоговъ.

Позволю себѣ еще здѣсь одно замѣчаніе. Мнѣ кажется, что въ терминахъ „переходный“ и „непереходный“ глаголъ сказалось, дѣйствительно, прежнее міровоззрѣніе, и что для нѣкоторыхъ глаголовъ на установленіе того или другаго разряда вліяла аналогія, рядъ ассоціацій. Это, напримѣръ, можно сказать относительно глаголовъ: *слышать*, *видѣть*, *обонять*... Человѣкъ представлялся дѣйствующимъ, и сама переходность дѣйствія могла получаться подъ вліяніемъ такихъ глаголовъ, какъ *ѣсть* и пр.

V.

Переходя къ ученію Буслаева о видахъ глагола, я позволю себѣ затронуть исторію вообще разработки даннаго вопроса.

Въ исторіи разработки вопроса о видахъ можно замѣтить одну общую черту, это—сближеніе, большее или меньшее, видовъ съ временами. Правда, первый, у кого мы встрѣчаемъ ученіе о видахъ, Мелетій Смотрицкій смотрѣлъ на виды нѣсколько не такъ, какъ смотрѣли представители дальнѣйшихъ поколѣній. Мнѣ думается, что въ основной точкѣ зрѣнія Мелетія Смотрицкаго лежалъ вѣрный принципъ. Мелетій Смотрицкій говорилъ о двухъ видахъ: первообразномъ и производномъ; послѣдній раздѣлялся на начинательный и учащательный. Особенность взгляда Мелетія Смотрицкаго заключалась прежде всего въ томъ, что глаголы, во-первыхъ, дѣлились на виды по *формѣ*, а затѣмъ уже по *значенію*. Вносилась, такимъ образомъ, цѣльность. Затѣмъ, что особенно также важно, понятіе видовъ Мелетія Смотри-

кій распространялъ и на другія части рѣчи. У Ломоносова уже шагъ назадъ: онъ не различалъ видовъ, какъ отдѣльныхъ формъ, а то, что выражается видами, является у него отнесеннымъ къ временнымъ формамъ. Этимъ и объясняется то количество „временъ“, которыя находилъ Ломоносовъ въ русскомъ языкѣ (именно 10; 8—отъ простыхъ глаголовъ; 2—отъ сложныхъ). Но если посмотрѣть даже на названія, которыя далъ Ломоносовъ этимъ временамъ, то можно увидѣть, что въ понятіе времени вкладывалось и нѣчто другое: прошедшее опредѣленное, неопредѣленное; или же это нѣчто оставалось скрытымъ за такими названіями: давнопрошедшее первое, второе, третье. Затѣмъ, сами разъясненія Ломоносова показываютъ, какъ не укладывались нѣкоторыя выдвигаемыя имъ временныя формы въ рамки понятія времени. Безспорно, Ломоносовъ своимъ ученіемъ о временахъ русскаго глагола затемнилъ возможность развитія болѣе правительнаго взгляда, высказаннаго Мелетіемъ Смотрицкимъ, и напрасны, въ сущности, тѣ попытки, которыя появлялись въ дальнѣйшей русской научно-педагогической литературѣ, представить какъ будто-бы ясное пониманіе Ломоносовымъ природы русскихъ глаголовъ. (Въ данномъ случаѣ особенно характерна статья въ Филолог. Зап. 1867 г. в. V, подписанная *Θ. В.*, который совѣтовалъ вернуться къ системѣ Ломоносова, не различавшей видовъ. Ср. статью Хованскаго въ тѣхъ же Филолог. Зап. за 1865 г. в. I, 35 стр. Возвращеніе къ системѣ Ломоносова и непризнаваніе видовъ мы находимъ во 2-й статьѣ Синайскаго, см. его „Три статьи по славяно-русскому языку. М. 1857 г.). Немудрено, поэтому, что открытіе видовъ въ русскихъ глаголахъ, опредѣленіе ихъ какъ особыхъ глагольныхъ формъ выпало на долю позднѣйшаго времени—нѣмцевъ Фатера и Таппе, а у насъ раскрытіе ошибочности Ломоносовской системы и выясненіе видовъ выпало на долю Болдырева, который своей статьёй „Разсужденіе о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ“ (Труды общества Любителей Россійск. словесности 1812 г. III) положилъ начало болѣе научному отношенію къ разбираемому вопросу въ русской литературѣ. Болдыревъ опредѣлилъ основную разницу видовъ и временъ. Видъ отдѣлялся Болдыревымъ отъ спряженія. Разные виды одного глагола, это—разные глаголы, произведенные отъ одного корня. Болдыревъ признавалъ четыре вида: неопредѣленный, однократный, совершенный, учащательный. Важно именно здѣсь выдѣленіе видовъ въ особую грамматическую категорію, важно также отѣненіе вида, какъ выраженія качественности, а не времени.

Оставляя пока замѣчанія о видахъ у Востокова, Каткова и Павскаго, я перейду прямо къ Буслаеву. Буслаевъ въ своемъ ученіи о видахъ не удержался на почвѣ отдѣленія послѣднихъ отъ временъ. Говоря о видѣ въ § 181, повидимому, какъ о чемъ-то самостоятельномъ, въ § 182 онъ ясно и опредѣленно считаетъ видъ частью времени: „времена нашихъ глаголовъ различаются по видамъ и составу“. Здѣсь сказалось то ошибочное „логическое“ направленіе, которому поддался Буслаевъ, стремленіе обобщить то, что входило въ разные понятія. Насколько Буслаевъ смѣшалъ, слилъ представленія о видахъ и времени, показываютъ §§ 183—188. Хотя въ § 181 онъ и говоритъ: „по видамъ глаголы дѣлятся на три отдѣла“, но, напримѣръ, § 188 вполне уже показываетъ, насколько Буслаеву чуждо было убѣжденіе, высказанное Болдыревымъ, что съ измѣненіемъ вида получается, въ сущности, и другой глаголь. Въ этомъ § Буслаевъ говоритъ о существованіи различныхъ прошедшихъ: прошедшаго продолженнаго—несъ, носилъ; прошедшаго совершеннаго и однократнаго—принесъ, сказалъ, дунулъ; прошедшаго многократнаго и давнопрошедшаго—нашивалъ, говаривалъ. За этимъ опредѣленіемъ, смахивающимъ на опредѣленіе Ломоносова, слѣдуетъ характерное, по моему, объясненіе прошедшаго многократнаго, характерное потому, что здѣсь вносятся такія черты, которыхъ мы могли бы ждать при опредѣленіи многократнаго вида (т. е. въ § 181). Именно прошедшее многократное употребляется для обозначенія: 1) прошедшаго многократнаго, 2) давнопрошедшаго, 3) съ отрицаніемъ *не* для обозначенія сильнѣйшаго отрицанія.

Вообще въ ученіи Буслаева о видахъ я не нахожу цѣльности. Некрасовъ, страстно нападаая на Буслаева, былъ, по моему, правъ, когда говорилъ, что Буслаевъ, опредѣляя виды, вносилъ въ свое опредѣленіе различныя значенія. Между тѣмъ, у Буслаева мы находимъ мысли, которыя могли бы дать ему возможность избрать иную дорогу при опредѣленіи видовъ. Въ своей рецензій на брошюру Аксакова „О русскихъ глаголахъ“ Буслаевъ соглашается вполне съ мыслью, что виды относятся не къ спряженію, а къ словопроизводству (Отч. Зап. 1855 г., № 8, отд. III, 34).

Въ своихъ положеніяхъ о видахъ Буслаевъ скомбинировалъ то, что находилось главнымъ образомъ въ ученіи о временахъ у Ломоносова, въ ученіи Востокова о видахъ и, наконецъ, въ томъ, что сказано было у Каткова „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ (1845 г.). Я не останавливался на взглядахъ Востокова и

Каткова. Отмѣчу здѣсь лишь то, что въ ученіи того и другого выдѣлены какъ характерные признаки видовъ—конкретность и отвлеченность въ представленіи дѣйствія. У Востокова эти признаки внесены уже въ „подвиды“, видовъ же у него 3: неокончательный, совершенный и многократный. Буслаевъ въ упомянутой мною рецензіи называетъ мысль о наглядности и отвлеченности, какъ характерныхъ признакахъ видовъ, „плодотворной въ приложеніи къ историческому развитію нашихъ глаголовъ“. Между тѣмъ, если внимательно взглянуться въ приводимые глаголы у Востокова и Буслаева, то отмѣчаемая ими „опредѣленность“ или „наглядность“, „неопредѣленность“ или „отвлеченность“ разлетятся въ пухъ.

Я намѣренно перешелъ отъ статьи Болдырева сразу къ Буслаеву, чтобы показать, насколько неправъ былъ Буслаевъ, уклонившись отъ развитія точки зрѣнія Болдырева. Можно также указать, что Буслаевъ могъ бы кое-что позаимствовать и у Павскаго. Не хочу этимъ сказать, чтобы дѣленіе и характеристика видовъ у Павскаго отличались особенными достоинствами, вся система у него крайне путанна, неясна (Павскій дѣлил на „степени“ по отношенію къ времени и пространству), но все же есть въ разсужденіяхъ этого любопытнаго филолога и цѣнныя замѣчанія. Между прочимъ, сама замѣна названій „видовъ“ „степенями“, оцѣненная Аксаковымъ и Некрасовымъ, заключаетъ, по моему, въ основѣ одно изъ вѣрныхъ наблюденій надъ глаголомъ: названіе „степень“ отгнѣяетъ не временное значеніе, а качество дѣйствій, и можетъ выдѣлять виды въ особыя формы.

Аксаковъ, исходя изъ положенія, что въ русскихъ глаголахъ нѣтъ временныхъ формъ, доказывалъ, что въ видѣ временныхъ формъ выступаютъ формы, обозначающія *качество* дѣйствія. Заимствуя мысль о наглядности или отвлеченности видовъ у Каткова, Аксаковъ положилъ эту мысль въ основу своего ученія о томъ, какимъ образомъ отъ качества дѣйствія дѣлается переходъ къ обозначенію времени. „Неопредѣленное дѣйствіе, съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся, поэтому *двигать* образуетъ время *настоящее*. Дѣйствіе, какъ мгновеніе, напротивъ длится не можетъ, слѣдовательно не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому, относительно времени, принимается и употребляется, какъ будущее время, напримѣръ: *двигну...*“ (Поли. собр. соч. II, 415). Слѣдуя Павскому, Аксаковъ замѣняетъ „видъ“—„степенью“ и признаетъ три степени—неопредѣленную, однократную и многократную

(11, 418). Соответственно этому у Некрасова, заимствовавшего основы своей теории у Аксакова, три таких степени: продолженная, краткая и кратная. Во взглядах Аксакова и Некрасова мы видим увлечение нѣсколько въ другую сторону, чѣмъ у Буслаева: времена отдаются уже въ жертву видамъ, основная точка зрѣнія такимъ образомъ мѣняется и строится на ложныхъ началахъ. Любопытны наблюдения, которыя сдѣлалъ надъ многократною степенью въ народномъ языкѣ Некрасовъ. Онъ далъ наглядные образцы, въ которыхъ эта степень глаголовъ обозначала не многократность, а лишь большую силу, выразительность дѣйствія. Но эти наблюдешя лишь расширяютъ то, что говорилъ Буслаевъ относительно многократнаго вида съ отрицаніемъ *не* (§ 188, прим. 3). Мнѣ кажется, что если вдуматься въ эту черту, то можно возсоздать исторію развитія многократнаго вида изъ вида продолженнаго, благодаря извѣстному значенію глаголовъ въ этомъ послѣднемъ. Если „убиваль“ является видомъ продолженнымъ, но дѣйствіе его представляется состоящимъ изъ какихъ-то мало раздѣльныхъ моментовъ, то „убивываль“ („товарища ихъ Добрынку до смерти не убивывали“, Юр. Ак. 1510 г. Буслаева, Ист. грам. § 183, прим. 3) могло быть болѣе энергичнымъ уже по большому выдѣленію этихъ моментовъ. Можно привести и глаголы несовершеннаго вида, употребляющіеся въ качествѣ вида многократнаго: „не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу...“, *идъ гулялъ = гуливалъ* (формы въ такомъ видѣ не существующей).

Если теперь мы посмотримъ, что даетъ дальнѣйшая разработка вопроса о видахъ, то должны будемъ отмѣтить: во-первыхъ, отсутствіе единства въ опредѣленіи видовъ, во-вторыхъ, отсутствіе цѣльной точки зрѣнія на данныя формы. Возьмемъ для примѣра „Руководство“ проф. Овсяннико-Куликовскаго: „видами называются глагольныя формы, въ которыхъ дѣйствіе (состояніе), выражаемое лексическимъ значеніемъ глагола, представлено оконченнымъ или неоконченнымъ, мгновеннымъ или длительнымъ, повторяющимся или не повторяющимся“ (135—136). А влѣдъ за этимъ: „въ видахъ изображены способы совершенія дѣйствій“. Дѣленіе же таково: два основныхъ вида — несовершенный (длительный) и совершенный (оконченный). Разновидности перваго: длительный 1-й степени: нести, вести; 2-й степени: носить, водить; 3-й степени, выражающей повторяемость, силу дѣйствія, а „также, наоборотъ, его слабость или небрежность и нѣкоторыя другіе оттѣнки...“. Разновидности совершеннаго — оконча-

тельный: взять, сказать; начинательный: закричать, запѣть; мгновенный: мигнуть...

VI.

Что понятіе о видахъ считалось какъ бы входящимъ въ понятіе времени, что виды смѣшивались или продолжаютъ смѣшиваться съ временами, это понятно. Сами названія видовъ: совершенный, несовершенный или длительный и окончательный вмѣщаютъ въ себѣ это понятіе. Возьмемъ ли мы сами глаголы, напримѣръ, *махать* и *махнуть*, то и здѣсь будетъ разница во времени. Но все же это не мѣшаетъ говорить о полномъ раздѣленіи времени и видовъ. Съ другой стороны, нельзя дѣлать на виды: совершенный, несовершенный и многократный, потому что нѣтъ въ такомъ дѣленіи единства принципа дѣленія.

Въ отдѣлѣ о „времени“ (§§ 182—190) Буслаевъ даетъ богатый матеріалъ для вывода о томъ, какое значеніе для выраженія времени имѣли и имѣютъ виды. Въ § 184 онъ прямо говоритъ: „замѣна настоящаго времени будущимъ и наоборотъ будущаго настоящимъ объясняется тѣмъ, что языкъ, въ этомъ случаѣ, отмѣчаетъ не времена, а виды“. Въ сущности, отсюда недалеко и до той теоріи, которую проводили Аксаковъ и Некрасовъ, но Буслаевъ, конечно, не смотрѣлъ такъ, какъ они, и не отрицалъ временъ въ русскомъ глаголѣ, недаромъ онъ различалъ „времена“ по „видамъ“. Что Буслаевъ, признавая времена, обнаруживалъ въ своихъ мнѣніяхъ по данному вопросу нѣкоторое сходство съ повидимому совершенно противоположными взглядами Аксакова и Некрасова, показываютъ и слѣдующія слова: „на свойствѣ видовъ основывается въ нашемъ языкѣ сопоставленіе не только настоящаго съ будущимъ (т. е. продолженнаго настоящаго съ совершеннымъ и многократнымъ), но и настоящаго и будущаго съ прошедшимъ; при чемъ обращается вниманіе не на различіе во временахъ, а на соответствіе въ видахъ“ (§ 184). Буслаевъ обратилъ вниманіе на то, что часто дѣйствительное время опредѣляется не формою, а контекстомъ. Въ данномъ случаѣ характерны приведенные имъ примѣры относительно давнопрошедшаго времени (§ 188): *Ослы, не знаю, какъ то знали, что прежде Музы тутъ жили* (изъ Крылова); а *бывалъ-де и тотъ лѣсъ искони вѣкъ Курскіе волости* (изъ Юрид. Ак.). Если мы теперь обратимся къ труду Некрасова и учебной грамматикѣ Н. Богородицкаго (С.-Пб. 1868 г.), представляющей популяризацію основныхъ идей Некрасова, то увидимъ,

что въ прекрасно подобранныхъ примѣрахъ, доказывающихъ, повидимому, отсутствіе въ русскомъ языкѣ опредѣленныхъ формъ для выраженія времени, выражается, въ сущности, вліяніе того же соотношенія.

Говоря о важнѣйшихъ особенностяхъ употребленія у насъ прошедшаго времени, Буслаевъ, почему-то, на подобныхъ предложеніяхъ, какъ: истокъ заросъ хвощемъ, стоитъ тихо; что ты сударыня идешь, закручинилася; молода княгиня испужалась... посылаетъ стольниковъ... и пр., строить правило о томъ, что прошедшее время въ данномъ случаѣ характеризуетъ собою придаточныя предложенія, такъ что приведенные примѣры=истокъ, заросшій хвощемъ, стоитъ... и пр. Аксаковъ (II, 565) возражаетъ противъ того, что здѣсь мы имѣемъ причастіе, но возраженіе нужно было бы направить противъ созданной Буслаевымъ теоріи о какихъ-то не существующихъ въ данныхъ случаяхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Буславъ признаетъ для русскаго языка четыре наклоненія: неопредѣленное, изъявительное, повелительное и условное. Общаго опредѣленія наклоненія у него въ синтаксисѣ не находимъ. О повелительномъ наклоненіи онъ говоритъ, что оно означаетъ не лицо, а только наклоненіе (что совершенно неправильно и приводимые Буслаевымъ примѣры лишь говорятъ о примѣненіи 2-го лица къ другимъ лицамъ. Ср. Аксаковъ, II, 568), при чемъ обозначаетъ желаніе, но употребляется въ смыслѣ повелительнаго и условнаго (съ другой стороны,—§ 194—„прошедшимъ условнымъ выражаемъ не только условіе, но и желаніе“). Неопредѣленное наклоненіе (§ 195) Буслаевъ считалъ согласно этимологическому образованію существительнымъ отглагольнымъ и въ то же время говорилъ, что оно не только выступаетъ подлежащимъ и дополненіемъ (почему бы тогда не добавить и обстоятельственнымъ словомъ), но и сказуемымъ.

Заканчиваетъ Буслаевъ отдѣлъ о глаголѣ §§ 201—202-ми, посвященными безличнымъ глаголамъ и вспомогательному глаголу.

Интересны эти §§ главнымъ образомъ по приводимымъ примѣрамъ, въ такомъ же отношеніи интересны и послѣдующіе §§, посвященные мѣстоименіямъ, именамъ существительнымъ, прилагательнымъ и числительнымъ (§§ 203—233). Въ отдѣлѣ мѣстоименій Буслаевъ довольно подробно остановился на вопросѣ о замѣнѣ единственнаго числа множественнымъ, этотъ же вопросъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе подробно развилъ въ своей специальной работѣ Потемня (Значеніе множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. Филол. Зап. 87 г.,

№№ 2, 5, 6, 88 г., № 1—2). Какъ заключительный § къ 2-й главѣ служить небольшое прибавленіе о двойственномъ числѣ (§ 234).

VII.

Въ 3-й главѣ, озаглавленной: „словосочиненіе въ предложеніи простомъ и сложномъ“, Буслаевымъ разсматриваются слѣдующіе вопросы: 1) согласованіе словъ въ предложеніи простомъ и слитномъ, 2) управленіе словъ въ предложеніи простомъ, 3) отрицательныя предложенія, 4) сокращеніе предложеній, 5) словосочиненіе сложнаго предложенія и 6) порядокъ словъ.

Въ „согласованіи словъ въ предложеніи простомъ и слитномъ“ останавливаются на себѣ вниманіе слѣдующія мѣста.

„Если сказуемое относится вообще къ понятію, выражаемому существительнымъ въ подлежащемъ, то ставится въ среднемъ родѣ единственнаго числа, какъ въ формѣ, наиболѣе соотвѣтствующей отвлеченному понятію“. Напримѣръ, въ пословицахъ XVII вѣка: „грѣхъ сладко, а человекъ надко“, „медь сладко, а муха надко“, „левъ страшно, обезьяна смѣшно“. Въ примѣчаніи же Буслаевъ допускаетъ возможность объясненія и посредствомъ опущенія словъ: въ пословицѣ „умъ хорошо, а два лучше того“ изъ оборота: *имѣть умъ хорошо* или *умъ хорошая вещь, хорошее дѣло*. Послѣднія соображенія подтверждаются тѣмъ, что встрѣчаются, напримѣръ, въ одной пѣснѣ: зимовая служба — молодцамъ *кручинно*... весновая служба — молодцамъ *веселье*... и пр., въ послѣднемъ случаѣ можно было бы поставить *весело*. На это мѣсто обратили вниманіе уже Аксаковъ и Потебня. Первый отнесся къ указанному выше объясненію вполнѣ одобрительно, второй же совершенно отрицательно ко всему приведенному мѣсту. Потебня видѣлъ въ указанныхъ случаяхъ переходъ прилагательныхъ въ нарѣчія, такимъ образомъ и здѣсь онъ находилъ подтвержденіе своей теоріи о постепенномъ усиленіи сказуемости. (Изъ зап. по рус. грамм. I—II. Харьковъ. 88 г., 108—110). Конечно, согласиться съ первымъ объясненіемъ Буслаева совершенно невозможно, это объясненіе пережитокъ „логическихъ“ увлеченій, но въ высказанномъ Буслаевымъ въ примѣчаніи, мнѣ кажется, заключается не малая доля истины: теорія извѣстныхъ сокращеній примѣнима и въ данномъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ теорія усиленія сказуемости. Въ приведенныхъ пословицахъ могло сказаться и неправильное соединеніе въ силу того процесса, который могли испытать въ своемъ образованіи эти пословицы или поговорки. Здѣсь не мѣшаетъ вспомнить загадки. На загадку:

что есть сладко? могъ слѣдовать отвѣтъ: медь, — что есть падко—
человѣкъ и пр.

Зато вполне правильными нахожу я замѣчанія Аксакова и Потевни (ср. Изъ запис., 100 и сл.) относительно словосочиненія приложеній. Буслаевъ, который довольно подробно остановился на этомъ вопросѣ и привелъ довольно много любопытныхъ примѣровъ изъ народнаго и древняго языка, объяснялъ такіе случаи, какъ: *Турь-золотые рога* изъ: Турь, у котораго золотые рога; ставилъ, такимъ образомъ, эти эпитеты въ тѣсную связь съ придаточными предложеніями, но эта связь вовсе не объясняла несклоняемости эпитетовъ, какъ: туромъ-золотые рога и пр., затѣмъ вносила съ собою и непонятное, а именно—почему происходили замѣны падежей, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, эта замѣна была, если взять вмѣсто: у котораго..., который имѣеть..., а въ другихъ случаяхъ болѣе наглядно: напримѣръ, шуба сукно красномалиново—шуба изъ сукна красномалиноваго. Потевня совершенно правильно подмѣчалъ аналогію между неизмѣняемостью въ такихъ случаяхъ, какъ: бой-баба, бой-бабы... и указанными случаями. Самъ Буслаевъ воспользовался примѣненіемъ аналогіи при объясненіи такихъ случаевъ: отъ сорока человѣкъ, о сорока человѣкахъ, къ сорока человѣкамъ; въ данномъ случаѣ онъ считалъ числительное какъ бы частью сложнаго слова и уподоблялъ примѣрамъ: Дунай-рѣки и пр., хотя нельзя сказать, чтобы здѣсь выходила полная аналогія. Продолжая наблюденія Барсова о неизмѣняемости слова „князь“ въ такихъ соединеніяхъ, какъ князь Петра (самъ Буслаевъ ссылается на Барсова только, когда говоритъ о такихъ соединеніяхъ: Александръ Ивановича Боброва), Буслаевъ даетъ любопытные примѣры изъ древне-русскихъ памятниковъ, въ которыхъ мы видимъ употребленіе притяжательнаго прилагательнаго „князь“ тоже въ неизмѣняемой формѣ: князь Федорову руку и пр. Нельзя не отмѣтить приводимыхъ тамъ же примѣровъ согласованія въ старинномъ русскомъ языкѣ, когда опредѣленіе состояло изъ прилагательнаго притяжательнаго отъ собственнаго имени и родительнаго падежа существительнаго, обозначающаго отчество: Юрьева печать Ивановича и пр.

Въ §§ 241—2 Буслаевъ высказываетъ вполне правильныя мысли относительно тѣснѣйшей зависимости между словами управляющими и управляемыми, правильно указываетъ, что предлоги имѣютъ значеніе лишь при падежахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то сбивчиво опредѣляетъ основную разницу между падежами и предлогами: сначала онъ

говорить, что предлоги первоначально имѣли вещественное значеніе, а затѣмъ уже отвлеченное, падежи имѣли и имѣютъ прежде всего значеніе отвлеченное и какъ бы лишь примѣненіе вещественное, но вслѣдъ за этимъ Буслаевъ высказываетъ мысль, что и падежи ранѣе должны были имѣть вещественное значеніе. Въ §§ 243—7 („значеніе падежей“) мы встрѣчаемся снова съ рядомъ любопытныхъ примѣровъ изъ народнаго и стариннаго языка. Можно сомнѣваться въ правильности объясненія, что дательный вмѣсто родительнаго принадлежности употребляется для выраженія большей живости рѣчи (§§ 244—2). Весьма вѣроятно объясненіе дательнаго при неопредѣленномъ наклоненіи въ такихъ случаяхъ: гдѣ худу ни жить, вездѣ ему тужить. Отмѣчено употребленіе въ старинномъ языкѣ дательнаго пѣли, на вопросы: куда, для чего, съ какою цѣлью, напримѣръ: приведе... Киеву и др. Распредѣленіе значеній творительнаго падежа въ схемѣ: подлежащаго (лица дѣйствующаго), сказуемаго (признака или состоянія) и пр. вполне справедливо признано неправильнымъ Потребнею (444), и это не только потому что косвенный падежъ не можетъ выступать ни подлежащимъ, ни частью сказуемаго и пр., а потому что подобное дѣленіе не соотвѣтствуетъ грамматической точкѣ зрѣнія. Правильны и нѣкоторыя другія поправки, сдѣланныя Потребнею въ отдѣлѣ творительнаго падежа, такъ разработаннаго въ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. Буслаевъ, чувствуя известную разницу въ употребленіи именительнаго и творительнаго падежей, давая даже нѣкоторыя практическія указанія, приходилъ къ общему невѣрному заключенію, что тотъ и другой падежъ „во многихъ случаяхъ замѣняются одинъ другимъ безъ всякой видимой причины“. Отношеніе вообще творительнаго ко вторымъ именительному и винительному изложено у Буслаева невѣрно: по Буслаеву, напримѣръ, вмѣсто творительнаго въ такихъ выраженіяхъ, какъ „я видѣлъ его здоровымъ“ ставится „здороваго“, выходитъ, такимъ образомъ, что первый оборотъ болѣе первоначальный. Ту же мысль можно вывести и относительно именительнаго падежа, когда Буслаевъ говоритъ, что творительный древнѣйшихъ текстовъ церковно-славянскихъ замѣнялся именительнымъ (§ 246 прим. 4). Раздѣлъ 3 § 246 показываетъ о такомъ же совершенно невѣрномъ представленіи о разбираемыхъ оборотахъ, при чемъ въ самомъ этомъ раздѣлѣ находятся и противорѣчивыя данныя. Приведу это мѣсто. „Творительный признака изъ сказуемаго переходитъ въ *опредѣленіе*: при чемъ этотъ падежъ иногда оказывается какъ бы независимымъ или самостоятельнымъ, и, слѣдовательно, составляетъ какъ

бы предложіе придаточное сокращенное. Напримѣръ, у Пункина „еще *ребенкомъ* лишилась она матери“... (будучи ребенкомъ, или она, еще ребенокъ, лишилась и проч.); черезъ два часа увидѣли (мы) Карабахскій полкъ *возвращающимся*... (полкъ *возвращающійся*, — или:... что полкъ *возвращается*“...). Послѣдній примѣръ уже и не можетъ служить подтвержденіемъ того, что дается въ опредѣленіи, такъ какъ здѣсь первоначально и не было творительнаго падежа, въ первомъ же указаннаго также перехода нѣтъ, при чемъ уподобленіе придаточному предложенію происходитъ по смыслу.

Въ §§ 248—51, въ которыхъ говорится о значеніи и управленіи предлоговъ, нарѣчій предложныхъ, снова подчеркивается мысль о несамостоятельности въ управленіи предлоговъ, о зависимости этихъ послѣднихъ отъ глаголовъ. Управленіе предлоговъ является какимъ-то въ сущности управленіемъ передаточнымъ. „Предлоги и нарѣчія управляютъ различными падежами не столько по различію своего значенія, сколько по силѣ глагола, дающаго предлогу извѣстное направленіе“... Вопросъ только въ томъ, всегда ли необходимо подразумѣвать въ подобныхъ случаяхъ, какъ *ручка у кресель* пропущенную форму глагола: *находящаяся* и пр.; подобные обороты могли образоваться и путемъ аналогіи, такимъ образомъ никакого пропуска не было. Выясняя тѣ перемѣны, которыя происходили и происходятъ въ управленіи предлоговъ, Буслаевъ устанавливаетъ сначала общую классификацію предлоговъ (въ которой мы узнаемъ заимствованія изъ предыдущей разработки русской грамматики: движительные, установительные и пр.), устанавливаетъ затѣмъ для каждаго предлога рядъ значеній. Эти послѣднія значенія распредѣляются Буслаевымъ по тремъ общимъ рубрикамъ: въ значеніи мѣста, времени, въ значеніи отвлеченномъ. Послѣдняя рубрика не можетъ быть признана особенно удачною: подъ нее подводятся значенія вовсе не отвлеченнаго характера, напримѣръ, качества, орудія и пр. И въ приводимыхъ мелкихъ дѣленіяхъ не всегда можно согласиться съ Буслаевымъ.

Въ §§ 252—59 („управляющія части рѣчи“) важна фактическая сторона и особенно отгѣненіе разницы въ управленіи нѣкоторыхъ глаголовъ ранѣе и теперь.

Въ §§ 260—1 („сокращеніе предложенія въ формѣ существительнаго имени“) Буслаевъ проводитъ невѣрную мысль о сокращеніи такихъ оборотовъ, какъ „я жалуюсь“, въ „моя жалоба“, „тотъ, кто сидитъ“—въ сидень, сидѣлецъ и пр., примѣняя также невѣрно общее положеніе о большей отвлеченности имени существительнаго сравни-

тельно съ глаголомъ къ даннымъ частнымъ случаямъ: въ частныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ „сидѣлецъ“ не будетъ отвлеченнѣе „сидѣтъ“. Здѣсь можно было бы говорить о замѣнѣ, при чемъ эта замѣна не всегда по отгѣнкамъ смысла будетъ тождественной. И переходъ глагола въ имя существительное вовсе не составляетъ какой-то важнѣйшей особенности русскаго языка: это такая же замѣна, какъ и въ другихъ языкахъ, и тѣ „переходы“, которые выставляетъ Буслаевъ въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ, въ сущности, не переходы, а лишь извѣстные способы перевода съ греческаго языка на славянскій. По Буслаеву выходитъ, что имена существительныя вносятъ большую отвлеченность, но вопросъ еще, что отвлеченнѣе: „это худые смѣшки“ или „плохо смѣяться“ (прим. 2 § 261); такихъ примѣровъ можно достаточно привести изъ матеріала, собраннаго Буслаевымъ. Затѣмъ, оказывается, что существительныя, которыя придали большую отвлеченность выраженію, опять начали, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя (жаль, лѣнь), выступать въ роли глагола.

Въ §§ 262—3 („нарѣчія и другія слова, въ видѣ нарѣчій употребляемая“) Буслаевъ старается выяснитъ, какъ нарѣчія теряютъ свое первоначальное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ возможность иныхъ сочетаній сравнительно съ тѣми, которыя обуславливаются ихъ первоначальнымъ значеніемъ. При этомъ Буслаевъ проводить не особенно удачно свою теорію о пропускахъ: выраженіе „*то и дѣло болтаетъ*“ онъ объясняетъ изъ „*то есть и дѣло, что болтаетъ*“ и пр.

Объ отрицательномъ предложеніи Буслаевъ даетъ сравнительно небольшой матеріалъ (§ 264), при чемъ здѣсь, говоря объ изображительномъ отрицаніи (ни на волосъ, ни крошечки...), онъ относитъ къ подобнымъ случаямъ и такія выраженія: *подробности малѣйшей* не забуду и под., гдѣ въ сущности нѣтъ изображительнаго отрицанія.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ сложному предложенію (§§ 265—286), приводится Буслаевымъ любопытный матеріалъ для характеристики строя рѣчи русскою старинной и современной, даются и нѣкоторыя интересныя наблюденія и замѣчанія. Прежде всего: Буслаевымъ отмѣчены тѣ различные случаи употребленія *что*, какъ мѣстоименія, нарѣчія и союза, тѣ случаи, когда это „что“ употребляется вмѣсто „который, —ая, —ое, —ые“. Буслаевъ строитъ здѣсь предположеніе о первоначальности такихъ предложеній, въ которыхъ этому *что* соответствуетъ *то*. Правда, не всегда это можно сказать относительно у насъ уже образовавшихся предложеній: врядъ ли—„говорить, что

придетъ“ образовалось изъ „говорить то, что придетъ“, но, во всякомъ случаѣ, для цѣлой серіи предложеній предположеніе Буслаева можетъ считаться приемлемымъ. Въ данномъ случаѣ можно видѣть точки соприкосновенія между мыслями Буслаева и тѣмъ, что находимъ въ специальномъ изслѣдованіи Э. Е. Корша „Способы относительнаго подчиненія“ (М., 77). Не представляется необходимости при объясненіи подобныхъ примѣровъ, какъ: „человѣкъ, какихъ мало“, прибѣгать къ предположенію (§ 267) о первоначальности здѣсь: „человѣкъ *изъ такихъ*, какихъ мало“; что именно здѣсь дѣло обстоитъ не такъ, указываетъ дальнѣйшій примѣръ, приводимый Буслаевымъ: „*такой* человѣкъ, какихъ мало“, гдѣ указаннаго пропуска ни въ коемъ случаѣ вставить нельзя. Указываемыми у Буслаева примѣрами изъ стариннаго русскаго языка („и вздѣвалъ на себя шубу соболиную, которой шубѣ цѣна три тысячи“ и нѣкоторыя другія) объясняется то странное на первый взглядъ отсутствіе согласованія, которое наблюдается въ современномъ строѣ нашей рѣчи. Правильно указывается на то, что старинный русскій языкъ благодаря употребленію съ мѣстоименіемъ слова опредѣляемаго пользовался большей свободой въ постановкѣ придаточныхъ предложеній. Въ § 271 Буслаевъ почему-то называетъ „настоящимъ знаменателемъ“ придаточнаго предложенія союзъ *если*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Буслаевъ отмѣчаетъ вліяніе на строй рѣчи русской оборотовъ иностранныхъ (такъ: позвольте, чтобъ я умылъ... вмѣсто: умыть и др.). Въ § 275 Буслаевъ отмѣчаетъ нѣкоторые любопытные примѣры изъ народнаго языка съ независимыми дѣепричастіями (ѣдучи отъ Темникова... у дороги старая грань и пр.). Изъ этихъ примѣровъ особенно любопытны такіе: и годъ, другой тому *времени поизойдучи*... (напоминающ. древн. ц.-слав. дательный самостоятельный). Говоря только о томъ, что въ литературной русской рѣчи образовывались примѣры съ независимымъ дѣепричастіемъ подъ вліяніемъ рѣчи иностранной, Буслаевъ не отмѣняетъ разницы между оборотами этими и оборотами народной рѣчи. То же можно сказать и о дальнѣйшемъ—о сокращеніи полнаго придаточнаго предложенія съ союзами *чтобы*, *дабы* посредствомъ неопредѣленнаго наклоненія (§ 276), если сравнить съ тѣмъ, что было сказано въ 272 §. Въ § 277 Буслаевъ прежде всего даетъ выясненіе разницы въ значеніи союзовъ: *а*, *же*, *да*, *но*, *однако*, *впрочемъ*, указывая на ихъ первоначальное значеніе. Здѣсь же онъ, разлагая уступительныя предложенія, говоритъ о ихъ самостоятельности („хотя пойду, но ничего не найду=и пойду, да ничего не найду“), хотя въ

дальнѣйшемъ ему самому приходится прибѣгать къ такой фразѣ: „уступительное предложеніе, въ смыслѣ придаточнаго“... Для выясненія исторіи развитія придаточныхъ предложеній мнѣ представляется важнымъ то указаніе Буслаева, что первоначально предложеніе, начинавшееся съ мѣстоименія *иже, ѡже, ѣже*, было сочиненнымъ, а не подчиненнымъ. Подчиненіе здѣсь происходитъ безъ измѣненія грамматической формы, а подъ вліяніемъ той силы, которая группируетъ въ нѣчто болѣе тѣсно связанное болѣе разьединенные элементы рѣчи. То же можно отмѣтить и относительно предложеній винословныхъ, которыя употреблялись и отчасти употребляются и теперь въ качествѣ самостоятельныхъ предложеній. Подъ „слияніемъ предложеній“ (§ 283) Буслаевъ подразумѣваетъ тѣ случаи, когда изъ двухъ предложеній образуется одно, напримѣръ: „ударилъ чѣмъ ни попало“ (тѣмъ, что ни попало)—здѣсь главное предложеніе поглощаетъ придаточное; „неравно... соколъ залетитъ“ — здѣсь главное поглощено придаточнымъ; *взялъ, пришолъ, и пр.* Разматривая такъ, Буслаевъ къ слитнымъ относитъ и предложенія съ союзами „если“ (изъ есть ли), „будто“ (будь то) и др. Въ § 284 („историческое обозрѣніе сложнаго предложенія“) дается краткая характеристика съ приведеніемъ текстовъ рѣчи древней, находившейся подъ вліяніемъ греческихъ памятниковъ, указывается на проникновеніе въ эту рѣчь началъ народныхъ (рѣчь народная характеризуется главнымъ образомъ со стороны употребленія многихъ союзовъ и болѣе простаго сочетанія предложеній, и въ общемъ, меньшей цѣльностью построеній послѣднихъ). Приводится и отрывокъ для характеристики слога XVII в. (§ 286—искусс. періодъ составл. по правиламъ риторики). Въ послѣднихъ §§ синтаксиса, посвященныхъ вопросу о порядкѣ словъ, Буслаевъ какъ причины свободнаго расположенія словъ въ русскомъ языкѣ отмѣчаетъ богатство грамматическихъ формъ и точность ихъ, а затѣмъ вліяніе иностранныхъ языковъ (сначала греческаго, затѣмъ латинскаго и французскаго).

VIII.

Историческое значеніе Буслаева въ изученіи русскаго синтаксиса должно быть признано очень важнымъ. Это значеніе вовсе не въ томъ, что подъ вліяніемъ Буслаева слагалась наша учебная грамматика, какъ это обыкновенно считается. Можно сказать, что наша школьная грамматика, черпая изъ синтаксиса Буслаева, многое очень важное оставила безъ вниманія, усваивая часто лишь слабыя стороны син-

таксиса Буслаева. Самъ Буслаевъ издавалъ учебникъ по русскому языку, но въ общемъ этотъ учебникъ былъ мало приспособленъ для предназначенной цѣли. Какъ мы могли убѣдиться, Буслаеву не удалось создать извѣстной синтаксической системы. Та система, которую мы находимъ у него, не представляется цѣльной, не представляется построенной на настоящемъ пониманіи общаго строя языка. Поэтому естественны тѣ противорѣчія, та шаткость въ положеніяхъ, которыя характеризуютъ трудъ Буслаева. Но все это не исключаетъ огромныхъ заслугъ Буслаева въ исторіи изученія русскаго языка. Онъ выдвинулъ столько цѣннаго матеріала изъ стариннаго русскаго языка, народной русской рѣчи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказалъ себя тонкимъ наблюдателемъ различныхъ фактовъ языка, что его трудъ до сихъ поръ можетъ давать извѣстный матеріалъ при изслѣдованіи того или другого вопроса или, по крайней мѣрѣ, служить исходной точкой, отъ которой можетъ отправляться изслѣдователь. Стоитъ просмотрѣть списокъ тѣхъ памятниковъ и сочиненій, которыми пользовался какъ источниками Буслаевъ, чтобы изъ одного уже этого увидѣть всю массу матеріала, который легъ въ основу его труда. Въ данномъ случаѣ въ неразрывной связи съ трудомъ Буслаева находится другой его трудъ, его извѣстная хрестоматія, въ примѣчаніяхъ которой разсѣяны разнообразныя отдѣльныя замѣчанія по синтаксису.

Нецѣльность построенія синтаксиса у Буслаева отмѣтилъ въ своей обширной рецензіи К. Аксаковъ. И дѣйствительно, внесеніе пунктовъ, въ коихъ трактовалось о синонимахъ, метафорахъ, метониміяхъ, синекдохахъ, особенно рѣзко должно было бить въ глаза. Но съ другой стороны, эта видимая нецѣльность, сказавшаяся прежде всего въ внесеніи упомянутаго матеріала, можетъ быть оправдана, если принять во вниманіе взглядъ Буслаева (который, нужно думать, ускользнулъ отъ вниманія Аксакова), что отъ участія троповъ зависитъ видоизмѣненіе въ синтаксическомъ употребленіи (Ср. § 154). Поэтому Буслаевъ могъ свободно внести разсмотрѣніе троповъ и фигуръ, хотя и не такъ только распространяться, имѣя въ виду служебное значеніе въ данномъ случаѣ разбираемыхъ вопросовъ. Можно было бы указать и на внесеніе отдѣловъ изъ логики; впрочемъ и послѣднее станетъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на взглядъ Буслаева на отношеніе грамматики, и въ частности синтаксиса, къ логикѣ. Введеніе вполне обрисовываетъ этотъ взглядъ, по которому мы видимъ, что грамматика ставится въ служебное отношеніе къ логикѣ. Языкъ считается лишь выраженіемъ нашего мышленія (§ 115), слово служить

для выраженія понятія (§ 108), само сужденіе наше складывается изъ понятій или изъ понятій съ представленіями (§ 110), потому-то и сужденіе, выраженное словами, есть предложеніе (§ 110). И не мудро, поэтому, что Буслаевъ въ введеніи останавливается прежде всего на тѣхъ данныхъ, которыми оперируетъ логика; эти данныя нужны ему, такъ какъ онѣ исходный пунктъ, по его мнѣнію, для языка. Такимъ образомъ во всемъ этомъ можно найти извѣстную цѣльность. Нецѣльность же была, но въ другомъ: внѣшняя нецѣльность въ разбросанности матеріала, такъ что Буслаеву приходилось повторяться; внутренняя нецѣльность въ отсутствіи твердаго, определеннаго воззрѣнія на языкъ и его законы—въ послѣднемъ случаѣ сказалось вліяніе двухъ школъ языкознанія: прежней и новой. Въдъ въ вопросѣ объ отношеніи языка къ мышленію Буслаевъ въ концѣ концовъ примкнулъ къ прежнему „логическому“ направленію, поэтому у него и можно найти въ введеніи разныя общія фразы о томъ, на примѣръ, что „всѣ слова въ языкѣ служатъ для выраженія понятій, однако отличаются большей или меньшей отвлеченностью“ (§ 108), „всѣ слова суть не что иное, какъ названія общихъ представленій или понятій: потому одно и то же слово можетъ выражать представленіе о различныхъ предметахъ“ (§ 108), „понятія и сужденія образуются въ умѣ нашемъ въ одно и то же время“ (§ 112) и т. п. Но наряду съ этимъ Буслаевъ уловилъ то, какъ создается первоначальное слово—по извѣстному признаку, какъ этотъ признакъ постепенно забывается (ср. сказанное въ § 110 о собств. именахъ, § 112), хотя на процессъ образованія Буслаевъ, какъ видно изъ изложенія, не обратилъ должнаго вниманія.

Казалось бы, что Буслаевъ, склонный болѣе къ изученію внутренней стороны языка, долженъ былъ бы увлечься тѣми идеями, которыя были положены въ основу извѣстнаго сочиненія Гумбольдта—*Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues...* (введеніе къ *Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java, Berlin 1836*). Самъ Буслаевъ говоритъ объ изученіи этого труда Гумбольдта. Между тѣмъ, мнѣ думается, можно сказать, что Буслаевъ не проникся главными идеями Гумбольдта, а проводя, повидимому, нѣкоторыя изъ нихъ, онѣ прибѣгалъ иногда къ такимъ доказательствамъ, которыя обнаруживали въ немъ вовсе не послѣдовательнаго проводника мыслей Гумбольдта. Постараюсь подтвердить высказанную мысль нѣкоторыми сравненіями. Въ § 9 названнаго сочиненія Гумбольдтъ стремится выяснитъ отношеніе языка къ мышленію. Языкъ онѣ считаетъ орудіемъ образованія

мысли. Такимъ образомъ, онъ хотя раньше и говорилъ, что однимъ изъ основныхъ началъ употребленія звуковыхъ формъ является мышленіе, но это послѣднее, какъ оказывается, въ своемъ развитіи находится въ зависимости отъ языка. Сколько новаго, свѣжаго вносила съ собою упомянутая мысль—*die Sprache ist das bildende Organ des Gedankens*: она прежде всего устраняла то установившееся чисто механическое отношеніе, которое признавалось между языкомъ и мышленіемъ (котораго не чуждъ былъ, какъ мы видѣли, и Буслаевъ). Къ образованію представленій Гумбольдтъ не относился такъ легко, какъ замѣчаемъ у его современниковъ (и у Буслаева тожъ), онъ не считалъ наши представленія лишь восприниманіемъ окружающаго посредствомъ нашихъ чувствъ; процессъ этотъ онъ считалъ болѣе сложнымъ: къ дѣятельности чувствъ присоединялъ онъ дѣятельность ума, результатомъ уже совокупной дѣятельности образуется представленіе. Чтобы это представленіе сдѣлалось объектомъ, необходимо слово; благодаря послѣднему представленіе, выйдя какъ бы внѣ, снова получаетъ при новомъ воспріятіи способность сдѣлаться субъективнымъ элементомъ. На такой исторіи развитія представленія основывается и образованіе понятій. Безъ словъ послѣднія не возникали бы, а безъ понятій невозможно и мышленіе. Гумбольдтъ наглядно выясняетъ субъективную и объективную сторону слова и дѣлаетъ понятнымъ парадоксальное на первый взглядъ положеніе, что „всякое пониманіе есть непониманіе“. Всѣ эти положенія, какъ и положенія о томъ, что языкъ въ своей жизни, въ дѣйствительности, представляется чѣмъ-то постоянно измѣняющимся, непрерывно текущимъ (§ 8, LVII), что языкъ получаетъ жизнь только въ употребленіи (§ 9, LXXIX),—были развиты не Буслаевымъ, а Потебнею, который положилъ ихъ въ основу своихъ трудовъ. И ранѣе выдвигали первенствующее синтаксическое значеніе глагола. Гумбольдтъ также проводилъ мысль о томъ, что глаголь является центромъ предложенія (§ 17, CLXXXV) и вмѣстѣ съ тѣмъ глагольные корни являются наиболѣе древнимъ сравнительно съ корнями другихъ частей рѣчи. Эти мысли были распространены въ тогдашней научной литературѣ: ихъ проводилъ Гриммъ въ своемъ синтаксисѣ, Беккеръ (*Organism d. Sprache* §§ 26, 29, 35 п др.), Штейнталь (*Sprachwissenschaft W. v. Humboldts*) и др. Развивалъ ихъ и Буслаевъ, но основанія не вполне были такія, какъ у Гумбольдта. По Гумбольдту, прежде всего въ языкѣ должны были получить выраженіе понятія движенія и качества, въ обозначеніи этихъ понятій и первыя названія; понятія же движенія и качества близки между со-

бою и послѣднее часто принимается за первое. У Буслаева же мы находимъ слѣдующее: „Въ языкѣ первоначальнымъ сказуемымъ бываетъ глаголь. Глаголь же къ общему понятію о дѣйствіи, имъ означаемому, присовокупляетъ наглядное представленіе именно о дѣйствіи лица или предмета въ извѣстное время; напримѣръ, „мужикъ *спѣтъ* рожь“, „*посѣялъ* рожь“. Имена же существительныя, какъ названія только понятій, происходятъ отъ глаголовъ“... (§ 112). Разницу можно отмѣтить и въ другихъ взглядахъ. Такъ, Гумбольдтъ (въ § 13), раздѣляя развитіе языка на два періода, въ первомъ отмѣчая звуковое творчество, говоритъ о второмъ, что творчество это здѣсь уменьшается, наступаетъ повидимому застой въ немъ, наряду съ этимъ во второмъ періодѣ усиливается внутреннее, умственное богатство языка (§ 13, СХХIV); изъ дальнѣйшаго мы видимъ объясненіе употребленнаго слова „повидимому“: *Man wurde indess sehr itren, wenn man, was ich hier mit Absicht zur deutlichen Unterscheidung grell von einander gesondert habe, auch in der Natur für so geschieden halten wollte. Auch auf die wahre Structur der Sprache und den eigentlichen Formenbau hat die fortwährende Arbeit des Geistes in ihrem Gebrauche einen bestimmten und fortlaufenden Einfluss; nur ist derselbe feiner, und entzieht sich bisweilen dem ersten Anblick...* (CCVIII).

Для меня было важно установить отношеніе Буслаева къ упомянутому сочиненію Гумбольдта прежде всего потому, что это отношеніе ярче отгнѣняетъ положеніе Буслаева въ нашей литературѣ по синтаксису. Я привелъ нѣкоторыя сопоставленія этого отношенія съ отношеніемъ Потебни къ тому же сочиненію. Отношенія, какъ видимъ противоположныя. Въ одномъ случаѣ можно подмѣтить нѣкоторое сходство въ частностяхъ, въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, въ другомъ проникновеніе духомъ всей системы. Дѣйствительно, если мы сравнимъ изслѣдованіе Гумбольдта съ названнымъ сочиненіемъ Потебни, то мы увидимъ, что Потебня отправлялся какъ отъ исходныхъ пунктовъ отъ мыслей Гумбольдта, онъ стремился придать имъ еще болшую убѣдительность. Отчасти это сдѣлаетъ для насъ болѣе понятнымъ и то отрицательное отношеніе, которое проявляется во многихъ критическихъ замѣчаніяхъ Потебни на Буслаевскіе лингвистическіе выводы.

За Гумбольдтомъ шелъ Потебня въ развитіи и слѣдующихъ вопросовъ: о внутренней формѣ языка, о первоначальномъ синтетическомъ процессѣ образованія предложений, о параллелизмѣ языка и искусства, націонализмѣ, индивидуализмѣ языковъ; „Мысль и языкъ“ По-

тебни заканчивается изложениемъ тѣхъ же вопросовъ, какъ и Гумбольдтовское введеніе—вопросомъ о поэзіи и прозѣ, при чемъ здѣсь также развитіе возрѣній Гумбольдта.

То увлеченіе, которое обнаружилъ Буслаевъ, сочиненіями Гримма могло бы заставить думать, что при составленіи „Опыта“ Буслаевъ будетъ главнымъ образомъ руководиться 4-й частью „Deutsche Grammatik“ Гримма, содержащей синтаксисъ. На самомъ дѣлѣ, сличая этотъ послѣдній трудъ съ синтаксисомъ Буслаева, мы не можемъ признать, что онъ послужилъ основой для труда Буслаева. Вліяніе, конечно, было; это вліяніе сказалось прежде всего въ томъ, что синтаксисъ Гримма, какъ и вообще вся его грамматика, давала собою образецъ пользованія огромнымъ историческимъ матеріаломъ, она показывала все значеніе этого послѣдняго въ дѣлѣ научной разработки языка. Само содержаніе, различные выдвинутые вопросы также могли найти почву для подражанія (отчасти во внѣшнемъ распредѣленіи матеріала можно подмѣтить нѣкоторое сходство при разсматриваніи частей рѣчи). Но именно лишь нѣкоторое, небольшое сходство, которое можно констатировать между названными трудами, заставляетъ признать иное отношеніе Буслаева къ труду Гримма въ пользованіи, иное, чѣмъ было раньше. По количеству затронутыхъ вопросовъ содержаніе труда Буслаева гораздо шире труда Гримма.

Меньше матеріала для заимствованія дала Grammatik der romanischen Sprachen Дица (Diez), 3-я часть, посвященная синтаксису (Вопп, 1844), отчасти также 2-я, въ которую составитель внесъ также синтаксическій матеріалъ.

Нельзя сказать, чтобы Буслаевъ при составленіи синтаксиса использовалъ всѣ выдающіеся труды въ тогдашней нѣмецкой литературѣ по синтаксису. Изложеніе нѣкоторыхъ пунктовъ безспорно выиграло бы, если бы, напримѣръ, были приняты во вниманіе тѣ данныя, которыя находимъ въ обширномъ трудѣ Гецингера (Die deutsche Sprache I B. 2 Theil. Stuttgart 1839). Уже на первыхъ страницахъ этого труда авторъ замѣчаетъ, съ какой осторожностью необходимо относиться къ установившимся грамматическимъ опредѣленіямъ: разсматривается несоотвѣтственность опредѣленія предложешя, какъ языкового выраженія сужденія, если разсматривать въ обыкновенномъ пониманіи слово „сужденіе“. Не использованы были положительныя данныя въ выдающіхся для своего времени синтаксическихъ трудахъ Герлинга (Die Syntax der deutschen Sprache. 1830. Frankf.) и др.

Незамѣтно вліянія на истор. синт. Буслаева выдающагося для

своего времени нѣмецкаго учебника Гейзе (Heuse's Ausführliches Lehrbuch d. deutschen Sprache).

Однимъ изъ пособій въ области древне-русскаго языка для Буслая были данныя, которыя онъ находилъ въ сочиненіи Лавровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ (С.-Пб. 1852 г.). И Лавровскій исходилъ изъ мысли, что древнему русскому языку свойственно было богатство и разнообразіе въ употребленіи, что этотъ языкъ отличался живостью, образностью. Лавровскій отмѣтилъ довольно много фактическаго матеріала изъ синтаксиса русскихъ лѣтописей и тѣмъ далъ матеріалъ и для Буслая. Еще ранѣе до „Опыта...“, замѣчанія Лавровскаго остались не безъ вліянія на трудъ Буслая въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ“, гдѣ Буслая помѣстилъ свои наблюденія надъ 15 рукописями Московской Синодальной Библіотеки („Палеогр. и филолог. матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ...“ М. 55 г.). Конечно, замѣчанія Лавровскаго относительно синтаксиса древнерусскаго языка носили такой же поверхностный характеръ, какъ и вообще относительно другихъ чертъ памятниковъ: да и трудно было ограничиться какими либо 19 страницами (96—114) для обзоренія и разсмотрѣнія всѣхъ синтаксическихъ особенностей. При сравненіи объясненій у Лавровскаго и Буслая мы замѣчаемъ у послѣдняго болѣе глубокое пониманіе синтаксическихъ явленій. Такъ, на примѣръ, у Буслая мы уже не встрѣтимъ подобнаго объясненія: „Пользуясь тѣмъ, что винительный падежъ имѣлъ двоякую форму, сходную съ именительнымъ и родительнымъ, древній языкъ допускалъ нерѣдко разнообразіе въ одномъ и томъ же предложеніи, такъ: поймите у меня мои нюринъ Михаила... убиша Феодора Ума князя дѣцкой... изволиша собѣ епископъ поставити мужъ Богомъ избранъ Аркадія... послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргевъ внуку“ (97). Этому мѣсту можно противопоставить то, что говоритъ Буслая о согласованіи приложенія. Ту склонность, которую мы замѣтили въ Буслая относительно предположеній о пропускѣ слова „который...“, мы замѣчаемъ и у Лавровскаго; подобный пропускъ онъ замѣчаетъ въ такихъ примѣрахъ, какъ: *панатю сизову обложена златомъ*, въ подобныхъ примѣрахъ нужно видѣть не пропускъ, а, скорѣе, любопытные примѣры непослѣдовательнаго паратактическаго соединенія. Лавровскій считалъ гречизмами такіе типичные древнерусскіе обороты, какъ: *сына моего примите собѣ князя* (102); къ подобнымъ же гречизмамъ онъ относилъ и обороты: *слыши брата ята, тво-*

рхнутъ е потворы дьюще (105). Не входя глубоко въ анализъ синтаксическихъ явленій древнерусскаго языка, Лавровскій въ то же время сумѣлъ отмѣтить нѣкоторыя отличія этого языка отъ современнаго русскаго. Отмѣчена была имъ разница въ употребленіи падежей, въ управленіи глаголовъ указывалось на повторяемость въ древнерусскомъ предлоговъ, говорилось о постановкѣ въ др. рус. иныхъ падежей послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, о своеобразномъ употребленіи мѣстоименія *что* вмѣсто *который*, о своеобразномъ употребленіи союзовъ. Приведенный здѣсь матеріалъ явился, безспорно, пособіемъ для Буслаева (стоитъ сравнить слѣд. стр. изслѣд. Лавровскаго съ §§ истор. спнт. Буслаева: 101—§ 253, 107—§ 224, § 248, 100—§ 254, 102—§ 243 (особ. прим. 9), 99—§ 244, 105—§ 240 (прим. 10), 109—§ 249 (прим. 2), 108—§ 249 (прим. 3) и пр.).

Не безъ вліянія на Буслаева остались труды Востокова, не только его грамматика русскаго языка, но и труды по старославянскому языку, по изданію Остромирова Евангелія и другихъ рукописей. Правъ акад. А. А. Шахматовъ, обращая вниманіе на это вліяніе Востокова („Буслаевъ, какъ основатель историческаго изученія русскаго языка“ въ „Четыре рѣчи о Ѳ. И. Буслаевѣ“. С.-Пб. 1898 г., 8). Я бы не сказалъ только, что Востоковъ „приготовилъ лишь матеріалы, которыми воспользовался Буслаевъ“, а подчеркнулъ бы значеніе того научнаго метода, которымъ отличались труды Востокова, той замѣчательной точности, которую вносилъ онъ въ изученіе палеографической и языковой сторонъ памятниковъ. Особенно послѣдняя черта могла вліять на Буслаева, также усердно занимавшагося древними рукописями, первая же—методъ, научные приемы, не такъ сильно сказались въ непосредственно относившихся къ русскому языку трудахъ Востокова, и потому эта сторона не такъ сильно могла вліять на Буслаева. Но могу я также согласиться вполне со словами академика Шахматова, что „О преподаваніи отечественнаго языка“ является ядромъ „Исторической грамматики“ (9), не могу согласиться въ данномъ случаѣ по отношенію къ синтаксису: трудно признать въ томъ совершенно незначительномъ синтаксическомъ матеріалѣ, который находится въ „О преп. отеч. языка“, ядро того богатаго содержанія, которое даетъ „Историческій синтаксисъ“.

Буслаевъ пользовался трудомъ Барсова. Изъ этого труда онъ дѣлалъ раньше извлеченіе—„Извлеченіе изъ русской грамматики профессора Барсова“ (помѣщено въ „Сборникѣ въ воспоминаніе 12-го января 1855 г.“). Изъ отдѣла о словосочиненіи сдѣлано не особенно

много извлеченій, но отношеніе Буслаева къ этому словосочиненію вполне положительное: „подробности въ изложеніи Русскаго синтаксиса не только отличаются вѣрностью взгляда и полнотою, но и предлагаютъ множество интересныхъ данныхъ для исторіи языка“ (стр. 14 отд. от.); „авторъ имѣлъ довольно ясное и полное понятіе о составѣ предложешій, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ, о частяхъ предложенія... о согласованіи, управленіи, объ отношеніи словъ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ къ опредѣляемымъ и дополняемымъ“ (13). Здѣсь же Буслаевъ отмѣчаетъ, что терминъ, употребляемый Барсовымъ, „синтактичскій“ правильнѣе, чѣмъ „синтаксическій“.

Черезчуръ отрицательная картина была очерчена въ рецензій Котляревскаго „Опыта ист. грам. русск. яз.“ (въ Отеч. Зап. 1859 г., №№ 8, 9; перепечатано въ I т. собранія соч.; настоящая рецензія вошла почти цѣликомъ въ другую статью Котляревскаго подъ названіемъ „Сравнительное языкованіе“; см. 48 т. Сб. Отд. русск. яз. и сл. Имп. Ак. Н.), — картина предыдущаго состоянія разработки русской грамматики, того матеріала, который представлялся этой предыдущей разработкой труда Буслаева. Въ отдѣльности же мы находимъ въ этой рецензій, въ которой авторъ не дошелъ до разсмотрѣнія труда Буслаева, много отдѣльныхъ вполне вѣрныхъ замѣчаній. Правда, Котляревскій не задавался цѣлью подробной оцѣнки труда Буслаева, считая послѣднюю возможной только для послѣдующаго времени, тѣмъ не менѣе, конечно, нельзя считать, что имъ дана оцѣнка „метода (Буслаева) и удачнаго примѣненія его къ русскому языку“. Нельзя считать этой оцѣнкой тѣ немногія общія замѣчанія, которые относятся въ рецензій къ „Опыту“ Буслаева. Такимъ образомъ эта большая рецензія является незаконченной. Въ двухъ напечатанныхъ статьяхъ (составившихъ данную рецензію въ 8 и 9 №№ От. Зап. 1859 г.) Котляревскій намѣтилъ своей задачей: „опредѣлить только главнѣйшіе пути, какимъ слѣдовала наша наука въ своемъ движеніи, и этимъ уяснить отношенія ея въ „Опыту“ Буслаева“ (собраніе соч. въ Сб. от. рус. яз. и сл. Ак. Н. 89 г. т. 47, стр. 382). Рецензентъ „отстранялъ отъ себя упрекъ въ нѣкоторой бездоказательности“ своихъ сужденій, надѣялся, что люди свѣдущіе не упрекнутъ его въ этомъ, а для людей незнакомыхъ близко съ предметомъ онъ предполагалъ написать третью, окончательную статью своей рецензій, „для которой мы сберегаемъ частные факты и подробности...“ (тамъ же). И можно было пожалѣть, что эта третья статья не была написана, потому что, сопоставляя частные факты, отдѣльныя мнѣнія Буслаева съ со-

ображеніями другихъ русскихъ грамматиковъ, Котляревскій, безусловно, измѣнилъ бы многое въ своихъ общихъ предварительныхъ заключеніяхъ.

Котляревскій считалъ совершенно неправильно трудъ Буслаева стоящимъ внѣ предыдущей разработки русскаго языка въ практическихъ русскихъ грамматикахъ. Онъ не обратилъ, между прочимъ, вниманія на то, что, говоря о вліяніи Востокова на трудъ Буслаева, нельзя было опускать Востокова, какъ составителя также практической русской грамматики. Не обращено было вниманія на то, что безусловно многое дано было именно практической русской грамматикой труда Буслаева, тѣмъ же Гречемъ, къ которому Котляревскій относился съ безпощадной критикой. Котляревскій ставилъ въ связь „Опытъ“ Буслаева съ западно-европейской наукой и „немногими ея результатами въ нашемъ отечествѣ“ (388).

Нѣсколько наивный отзывъ былъ помѣщенъ объ „Опытѣ...“ Буслаева въ Извѣст. Акад. Н. по II отд. (т. VIII), гдѣ встрѣчаемъ такую фразу о синтаксисѣ Буслаева: „не знаешь, чему болѣе удивляться—этой ли массѣ данныхъ или ловкости, съ которой онѣ сопоставлены“ (114).

Водовозовъ въ своей рецензіи на „Опытъ...“ Буслаева (Русское Слово 1859 г., № 5) отмѣчаетъ, что Буслаевъ „освободилъ языкъ нашъ отъ всѣхъ веригъ, наложенныхъ на него старой схоластикой“ (45), что онъ „раскрылъ“ тѣ основанія, на которыхъ покоится русская грамматика. Изъ предыдущаго мы видимъ, что подобныя сужденія о трудѣ Буслаева можно принять лишь съ большимъ ограниченіемъ; необходимо замѣтить также: одно—тѣ общія замѣчанія, которыя мы находимъ у Буслаева относительно задачъ грамматики, и совсѣмъ другое—выполненіе этихъ задачъ въ трудѣ Буслаева. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ правильныхъ указаніяхъ Водовозова относительно промаховъ въ Опытѣ съ педагогической точки зрѣнія, я отмѣчу здѣсь слѣдующія его замѣчанія. Буслаевъ не пользовался матеріаломъ, который дается новой русской литературой („авторъ въ языкѣ литературномъ ограничился образцами, начиная съ Ломоносова и до Пушкина...“), иногда въ качествѣ образцовъ онъ приводилъ примѣры, явно отвергаемые народной рѣчью (напримѣръ, выведенное правило на основаніи оборота у Батюшкова: „отъ этой работы отказываюсь я, который часто не понималъ стиховъ“). Вотъ заключеніе Водовозова о трудѣ Буслаева. „Его руководство есть *первая, истинно практическая* грамматика, написанная по исто-

рико сравнительному методу. Если по обилію своего матеріала она только постепенно и съ нѣкоторыми ограниченіями можетъ быть принята въ классахъ, какъ учебникъ... то для преподавателей она становится непременно *настольною книгою*, послѣ которой не зачѣмъ заглядывать въ прочія руководства“ (61).

Для настоящаго времени „Историческая грамматика“ Буслаева сдѣлалась, можно сказать, историческимъ уже трудомъ. Грамматическая систематика, которую находимъ здѣсь, представляетъ безспорно самую слабую сторону. Эту систематику какъ-то нельзя поставить въ прямую неразрывную связь съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, который приводится Буслаевымъ, матеріаломъ, который дѣлалъ и дѣлаетъ интереснымъ его трудъ. И разъ этотъ историческій матеріалъ подвергнуть обобщеніямъ далеко не во всѣхъ случаяхъ, а иногда данные выводы въ силу различныхъ причинъ не могутъ претендовать на убѣдительность, то матеріалъ этотъ остается лишь матеріаломъ и для дальнѣйшихъ изслѣдованій требуетъ несомнѣнно расширенія. Насколько отдѣльные факты, получившіе извѣстное освѣщеніе въ трудѣ Буслаева, нуждались и нуждаются въ провѣркѣ, показали замѣчанія Потебни.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно ясно, насколько переоцѣнивается теперь этотъ трудъ тѣми, кто останавливается на немъ лишь слегка. Г. Войнаховскій въ своей статьѣ о Буслаевѣ („Значеніе трудовъ академика Ѳ. И. Буслаева въ исторіи науки о русскомъ языкѣ“ въ сборникѣ „Памяти Буслаева“. М. 1898 г.) говоритъ, что это сочиненіе „определило время больше, чѣмъ на половину столѣтія“ (103). И другія мѣста этой довольно большой (61—116) статьи (впрочемъ, съ большими также отступленіями отъ темы и непоследовательностью, поэтому, въ изложеніи) говорили именно о необходимости спеціальнаго изученія грамматическихъ трудовъ Буслаева, необходимость чего по отношенію къ „Исторической грамматикѣ“ проводилась и авторомъ статьи.

IX.

Давая въ своемъ „Опытѣ исторической грамматики русскаго языка“ перечень трудовъ, важныхъ для ознакомленія съ вопросами русской, славянской и вообще сравнительной грамматики, Буслаевъ почему-то совершенно не упоминаетъ о выдающемся для того времени трудѣ своего сотоварища В. Классовскаго: „Грамматическія замѣтки“ (С.-Пб. 1855 г.). Классовскимъ составлена была также и учебная грамматика русскаго

языка (1-е изданіе 1856 г., затѣмъ въ переработкѣ изд. въ 1860 г. подъ названіемъ: „Два курса русской грамматики“), а затѣмъ нѣсколько позже имъ издано любопытное сочиненіе „Нерѣшенные вопросы въ грамматикѣ“ (С.-Пб. и М. 1870 г.). Изъ воспоминаній Буслаева мы узнаемъ, что онъ былъ друженъ съ Классовскимъ; познакомился и подружился Буслаевъ съ Классовскимъ въ университетѣ; Классовскому онъ былъ обязанъ, какъ самъ отзывался, „въ умственномъ развитіи и успѣшномъ занятіи учебными предметами“ („Мои воспоминанія“, 22). „Если въ первые годы моего пребыванія въ университетѣ я значительно успѣлъ во французскомъ и латинскомъ языкахъ, то этимъ я обязанъ Классовскому... Сверхъ того онъ упражнялъ меня въ польскомъ... Вліяніе Классовскаго на меня не ограничивалось обученіемъ языковъ. Онъ любилъ со мною бесѣдовать подолгу о разныхъ интересующихъ меня вопросахъ философіи, религіи и такъ называемой морали... Онъ не высказывалъ прямо и рѣшительно своихъ убѣжденій, но умѣлъ ловкими намеками и извилистыми путями доводить меня до того пункта, который назначалъ своей цѣлью“... Буслаевъ называетъ Классовскаго личностью недюжинной, и въ правѣ мы были бы ожидать, что онъ упомянетъ о его трудахъ по русскому языку, хотя въ своихъ воспоминаніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ воспоминаніяхъ не мало мелочей. Классовскій по окончаніи университета учительствовалъ (одно время въ той же гимназій, въ которой преподавалъ и Буслаевъ), затѣмъ долгое время былъ за границею. Вернувшись изъ-за границы, Классовскій получилъ мѣсто преподавателя въ пажескомъ корпусѣ, а затѣмъ давалъ уроки русскаго языка и словесности дѣтямъ великой княгини Маріи Николаевны и наконецъ былъ приглашенъ для преподаванія тѣхъ же предметовъ цесаревичу Николаю Александровичу (См. „Мои воспоминанія“, 27). Когда Буслаевъ былъ приглашенъ преподавать исторію русской литературы цесаревичу Николаю Александровичу, онъ обратился къ Классовскому для полученія свѣдѣній о пройденной программѣ (тамъ же, 28).

„Грамматическія замѣтки“ В. Классовскаго были изданы въ качествѣ „Матеріаловъ къ соображенію при преподаваніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ“. Небольшой сравнительно трудъ этотъ (122 стр.) дѣлится на 4 главы: 1-я посвящена частямъ рѣчи вообще, 2-я—глаголу, 3-я—имени существительному и прилагательному и 4-я остальнымъ частямъ рѣчи.

Прежде всего нужно отмѣтить, что Классовскій былъ въ курсѣ тогдашней западно-европейской литературы по языкознанію: ему извѣ-

стны труды Гумбольдта, Гримма, Потта, Боппа и др., онъ знакомъ былъ и съ существовавшей разработкой русскаго языка. Уже съ первыхъ страницъ высказывается вполне правильный взглядъ на органическую природу предложія, которое „возникаетъ въ умѣ органическою единицею, обособленнымъ суждеиіемъ, и разлагается искусственно на члены уже впоследствии, только при помощи вниманія и средостремительной наблюдательности ума“... Слѣдуя за современными научными авторитетами—Гумбольдтомъ, Беккеромъ, Боппомъ, Классовскій выдвигаетъ въ своемъ трудѣ на первый планъ значеніе глагола. Отъ глагольныхъ корней онъ производитъ другія части рѣчи и прежде всего имена существительныя и прилагательныя. И это построение заставляетъ автора говорить въ дальнѣйшемъ, что отношеніе глагола къ именамъ существительнымъ является отношеніемъ понятія болѣе общаго, родового къ частному, видовому. Впрочемъ, и здѣсь онъ слѣдовалъ за образцомъ — за Герлингомъ. (Ср. 73 стр., гдѣ Классовскій прямо ссылается на Герлинга). Въ классификаціи частей рѣчи по ихъ значенію сказалось, въ сущности, прежнее схоластическое направленіе, лишь нѣсколько улучшенное: имя существительное ставится на второй планъ послѣ глагола въ силу логическихъ соображеній. Производя въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно невѣрно прилагательныя отъ глаголовъ (напр. *смѣшиной* отъ *смѣяться*), Классовскій подходит вполне вѣрно къ тому, что сближаетъ прилагательное и глаголь. Онъ указываетъ на то, что и глаголь, и прилагательное обозначаютъ признакъ предмета, но только глаголомъ признакъ представляется (по нѣсколько неудачной формулировкѣ Классовскаго) „или установившимся въ предметѣ (напр. онъ заигрываетъ, заинтересовываетъ) или какъ бы колеблющимся, движущимся, распространяющимся въ извѣстномъ направленіи... посредствомъ же прилагательнаго... какъ бы приросшимъ къ предмету“... (20). Впрочемъ, самая сущность глагола представляется у Классовскаго совершенно невѣрно: „наклоненія, лица, времена не составляютъ сущности глагола“... Синтаксическая же роль глагола довольно хорошо опредѣляется у Классовскаго: „Глаголь есть часть рѣчи, которою мы утверждаемъ или отрицаемъ признаки въ подлежащемъ (въ предложеніи личномъ), и которая одна въ состояніи выразить собою цѣлое сужденіе (въ предложеніяхъ безличныхъ)“ (23). Здѣсь же мы можемъ отмѣтить совершенно правильное критическое замѣчаніе, что нельзя опредѣлять глаголь какъ показатель дѣйствія или состоянія, такъ какъ то же можно сказать и о многихъ именахъ существительныхъ. Классовскій, не удовлетворенный суще-

ствовавшими опредѣленіями особенностей глагола, стремится дать вполне самостоятельную характеристику этихъ особенностей, основываясь на „теоріи организма рѣчи“, на томъ значеніи, которое имѣетъ глаголъ въ предложеніи. Конечно, любопытна должна быть эта попытка, ставившая такъ высоко значеніе предложенія въ изученіи отдѣльных частей рѣчи. Къ сожалѣнію, попытка эта не привела къ такимъ результатамъ, съ которыми должны были бы считаться. Глаголь какъ сказуемое находится въ отношеніи къ подлежащему, къ дополненію и къ опредѣленіямъ обстоятельственнымъ и опредѣленіямъ—нарѣченіямъ, какъ то формулировалъ Классовскій. И вотъ отношенія глагола къ подлежащему выражаются: лицами, числами, наклоненіями; къ дополненіямъ—залогами; къ опредѣленіямъ—временами и видами. Самостоятельность выказалъ здѣсь Классовскій, желая дать совершенно новую классификацію видовъ. Онъ вкратцѣ говоритъ о предыдущей разработкѣ вопроса о видахъ и безрезультатности предыдущихъ попытокъ. Видъ онъ ставитъ въ зависимость отъ значенія глагола, совершенно отдѣляя видъ отъ времени. Грамматическое время обозначается вопросомъ: *когда*; „формами, извѣстными въ нашихъ грамматикахъ подъ именемъ видовъ, глаголъ отвѣчаетъ на скрытые и явные вопросы всѣхъ прочихъ обстоятельствъ (кромѣ обстоятельствъ времени на вопросъ *когда*), т. е.: 1) времени по вопросамъ *долго ли?* на примѣръ, „дождался“ значитъ ждалъ (вопросъ *долго ли?*) до самаго достиженія чего-либо... 2) образа дѣйствія по вопросу *какъ?* на примѣръ: „говаривалъ“ значитъ говорилъ (вопросъ: *какъ?*) переставая говорить и снова говоря, т. е. говорилъ съ промежутками... 3) цѣли: „онъ поѣхалъ“ (вопросъ *за чѣмъ?*) за деньгами... Затѣмъ въ такомъ же духѣ слѣдуютъ: 4) причины и 5) мѣста.

Я не буду болѣе останавливаться на частичномъ разсмотрѣніи „Грамматическихъ замѣтокъ“; приведеннымъ уже опредѣляется отчасти ихъ значеніе. Прежде всего это трудъ, составленный на основаніи тогдашнихъ авторитетовъ, при чемъ авторъ къ прежнему логическому направленію присоединилъ новую черту, сказавшуюся въ тогдашнемъ языкознаніи—выдвинувшую мысль объ языкѣ какъ объ извѣстномъ организмѣ. Но какъ и Беккеръ, усвоившій эту мысль, но пошедшій въ дальнѣйшемъ, въ сущности, по старому пути логическихъ выкладокъ, такъ и авторъ „Грамматическихъ замѣтокъ“ посредствомъ апіорныхъ законовъ мысли хотѣлъ установить „раціональные“ законы языка и отступленія отъ этихъ раціональныхъ законовъ. Нельзя въ то же время не согласиться съ нѣкоторыми критическими

замѣчаніями, которыя высказывалъ авторъ по отношенію къ русскимъ учебникамъ по грамматикѣ. Для современниковъ Классовскаго его трудъ могъ быть интересенъ и поучителенъ по нѣкоторымъ историческимъ справкамъ, которыя приводилъ онъ по разнымъ вопросамъ; его общія и частныя ошибки (хотя бы тамъ, гдѣ онъ шелъ по стопамъ Павскаго и Костыря) не были особенно замѣтны. Въ этомъ меня убѣждаетъ рецензія, помѣщенная на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ (т. 101-й), рецензія, можетъ быть даже составленная Буслаевымъ... „Въ то же время, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Буслаевъ, мы съ Галаховымъ были усердными сотрудниками Краевскаго въ отдѣлѣ критики его „Отечественныхъ Записокъ“, иногда одну и ту же статью писали вдвоемъ, искусно прилаживая одну къ другой отдѣльныя части, которыя каждый изъ насъ измышлялъ самъ по себѣ“... (327).

Въ 1860 г. были изданы „Два курса русской грамматики“ Классовскаго. Этотъ трудъ былъ приготовленъ къ печати и разрѣшенъ цензурою къ напечатанію еще въ 1858 г. Естественно, что авторъ не упоминаетъ въ числѣ пособій (при 2-мъ курсѣ) „Опыта“... Буслаева. „Два курса“ представляли совершенно переработанный учебникъ по русской грамматикѣ, изданный тѣмъ же составителемъ въ 1856 г. Эти учебники раскрываютъ предъ нами прежде всего педагогическія способности Классовскаго. Я не могу не отмѣтить прежде всего одной мысли, которую составитель высказалъ въ предисловіи: „... какъ ни странно, можетъ быть, это покажется со стороны «составителя» учебной грамматики, по убѣжденію его, данный учебникъ элементарной грамматики, при равенствѣ прочихъ условій, вообще—тѣмъ удовлетворительнѣе, чѣмъ скорѣе доставляетъ онъ возможность обойтись безъ дальнѣйшаго преподаванія этой науки, т. е. чѣмъ скорѣе, вобрѣзъ сдѣлавъ свое дѣло, онъ, чуждый узкаго самоувлеченія, посылно очистить большій просторъ и собственному чтенію воспитанниковъ, и своевременной передачѣ имъ тѣхъ настоятельно требуемыхъ, безотлагательныхъ знаній, которыхъ число, во всякомъ случаѣ, весьма значительное, опредѣляется объемомъ такъ называемаго «общаго образованія»“ (пред. V—VI). Нельзя было бы не привѣтствовать ту простоту и наглядность, съ которыми во многихъ пунктахъ старался изложить составитель элементарныя грамматическія понятія. Во 2-мъ курсѣ онъ давалъ и указанія на главнѣйшіе грамматическіе труды и, оказывается, зналъ даже такой тогда новѣйшій трудъ, какъ изслѣдованіе Штейнтала *Grammatik, Logik*... 2-й курсъ не былъ собственно курсомъ

„высшей“ грамматики, и лишь, какъ озаглавилъ его самъ составитель: „грамматикой, изложенной въ системѣ“. Хотя какъ выражался Клас-совскій въ предисловіи къ позднѣйшему своему труду—„Нерѣшенные вопросы грамматики“ (1870)—въ своихъ учебникахъ не позволялъ онъ себѣ проводить „собственныхъ грамматическихъ убѣжденій“, но все же кое-гдѣ мы можемъ найти отраженіе предыдущаго рассмотре-наго труда „Грамматическихъ замѣтокъ“ (напр., частичное отраженіе взгляда о видахъ, относительно частицъ „да“, „нѣтъ“, которыя отно-сились не къ нарѣчіямъ, а къ междометіямъ и пр.).

Упомянутый трудъ Классовскаго „Нерѣшенные вопросы въ грам-матикѣ“ не представляетъ особаго интереса. Дѣлится этотъ трудъ на двѣ части. Въ первой („Логико-грамматическій вопросъ о подлежа-щемъ“, 1—44) Классовскій силится доказать, что въ роли подлежа-щаго можетъ выступать всякій косвенный падежь. Основывается онъ въ своихъ доказательствахъ на тождествѣ значенія измѣненныхъ пред-ложеній. Во второй части („Части рѣчи и важнѣйшія ихъ принадлеж-ности“) Классовскій развиваетъ то, что указывалось имъ въ „Грамматическихъ замѣткахъ“, напр. о неправильности обыкновенныхъ опре-дѣленій глагола, видахъ и пр. Здѣсь же находятся отступленія въ видѣ экскурсовъ въ область методики грамматики, какъ въ первой части отступленія въ видѣ различныхъ аналогій, въ видѣ цѣлаго вы-мышленнаго разговора между двумя педагогами, разговора, въ кото-ромъ авторъ старается защитить свои нововведенія.

Классовскій не слѣдовалъ системѣ Беккера, а былъ, какъ справед-ливо отмѣчали Отеч. Зап. (т. 109), эклектикомъ. Собственно, педаго-гическія способности Классовскаго отразились въ первоначальныхъ урокахъ грамматики, а не въ систематическомъ изложеніи синтаксиса, гдѣ у него нерѣдко можно замѣтить искусственность въ опредѣле-ніяхъ и въ разныхъ терминахъ.

Х.

„Историческая грамматика“ Буслаева, имѣвшая долгое время авто-ритетное значеніе, оставила въ сущности въ безпомощномъ положеніи нашу учебную грамматику относительно грамматической систематики. Въ такомъ же безпомощномъ положеніи очутился и самъ Буслаевъ въ своихъ учебникахъ — „Учебникъ русской грамматики“ и „Крат-комъ руководствѣ къ первоначальному преподаванію русскаго языка“. Стоитъ сравнить различныя опредѣленія въ нашихъ учебникахъ того времени „предложенія“ и „членовъ предложенія“, чтобы убѣдиться,

насколько не было единства въ этихъ опредѣленіяхъ, а въ отсутствіи этого единства можно было усмотрѣть и недовольство опредѣленіями, болѣе или менѣе утвердившимися. Нѣкоторыя изъ грамматикъ, беря наиболѣе утвердившееся опредѣленіе предложенія: „сужденіе, выраженное словами“ (какое опредѣленіе находимъ, напр., у Буслаева, Кирпичникова и Гилярова, Перевлѣсскаго, Селитренникова), вносятъ измѣненія такого рода: вмѣсто „сужденіе“ ставятъ „мысль“ (Поливановъ—Чудиновъ) или ставятъ то и другое (Московитиновъ), иногда дѣлается прибавка къ „сужденію“ „сказанное со смысломъ“ (Алябевъ). Опредѣленіе, данное Востоковымъ—„Предложеніе—рѣчь, ограниченная выраженіемъ одной мысли“ — также находитъ послѣдователей, вносившихъ нѣкоторыя измѣненія: напр., „предложеніемъ называется краткая рѣчь, выражающая одну мысль“ (Мининъ). Поворотъ къ новымъ опредѣленіямъ замѣчаемъ въ грамматикахъ Богородицкаго и Стоюнина: по Богородицкому „предложеніе—соединеніе признака съ предметомъ“, у Стоюнина: „сужденіе—сознаніе признака въ предметѣ“. Наконецъ, опредѣленія переводятся или всецѣло на логическую почву, напр. „соединеніе понятій составляетъ сужденіе“ (Кеневичъ) или выказываютъ въ сущности свою безпомощность, превращаясь въ подобныя формулы: предложеніемъ называется соединеніе подлежащаго со сказуемымъ (Классовскій, Новаковскій, Смирновъ). Какъ-то болѣе находится однообразія въ опредѣленіяхъ подлежащаго и сказуемаго, хотя неудовлетворительность этихъ опредѣленій была болѣшая, чѣмъ въ опредѣленіяхъ предложенія. Главнымъ образомъ эти опредѣленія сводились: подлежащаго—къ тому предмету, о которомъ говорится въ предложеніи, или къ главному предмету, сказуемаго — къ тому, что говорится о предметѣ, о подлежащемъ. И здѣсь сказывалась иногда безпомощность, такъ, напр., у Басистова: подлежащее—слово, означающее предметъ, къ которому относится сказуемое; сказуемое—слово, которое означаетъ дѣйствіе и относится къ предмету. Опредѣленія второстепенныхъ членовъ предложенія также или ничего не говорили въ силу своей общности или вносили извѣстную путаницу. Возьмемъ, напр., опредѣленіе у Буслаева: „опредѣленіе—присовокупляется къ другимъ словамъ для означенія признаковъ по вопросамъ: какой?... дополненіе присоединяется къ главнымъ членамъ посредствомъ управленія; обстоятельство употребляется въ предложеніи для означенія мѣста...“ Здѣсь мы видимъ смѣшеніе различныхъ точекъ зрѣнія при опредѣленіи—по лексическому значенію и по формальному, а затѣмъ при данной постановкѣ трудно отличить опредѣленіе отъ сказуемаго. Та же нецѣль-

ность сказывается въ другихъ опредѣленіяхъ, формулировавшихъ основной характеръ „опредѣленія“ какъ выраженія качества, какъ извѣстный признакъ, дополненіе же характеризовалось по отношенію къ сказуемому какъ членъ, поясняющій, дополняющій сказуемое. Давались иногда очень краткія, мало говорящія опредѣленія, въ родѣ, напр., востокоскаго: опредѣленіе—слово, присоединяемое къ имени предмета для опредѣленія; дополненіе—слово, присоединяемое къ глаголу для дополненія. Я не буду приводить другихъ формулировокъ: онѣ представляютъ варіаціи въ несущественномъ. На недостатки нашей грамматической систематики обратилъ вниманіе въ своихъ „Грамматическихъ этюдахъ“ г. Смиренскій (С.-Пб. 1874 г.); въ этой книгѣ мы находимъ и попытку, но попытку неудачную, дать болѣе систематическое, болѣе ясное изложеніе вопроса. Авторъ, преслѣдуя педагогическія цѣли, хочетъ показать, какъ можетъ быть построено ученіе о предложеніи для ребенка съ тѣмъ, чтобы ученіе это было наглядно, чтобы оно вело учащагося къ самодѣятельности, возбуждало въ немъ интересъ. И прежде всего авторъ начинаетъ съ выясненія, что такое „предметъ“ и „признакъ“. Его мысль здѣсь такая: выяснивъ, что представляютъ изъ себя „предметъ“ и „признакъ“, перейти къ выясненію, какъ изъ соединенія предмета и признака получается сужденіе, получается предложеніе. Но здѣсь уже въ основѣ, не въ методѣ, мы замѣчаемъ коренную ошибку: авторъ, принимая общеупотребительный грамматическій терминъ „предметъ“, хочетъ оправдать его жизненно, т. е. присваиваетъ понятію „предметъ“ то, что въ жизни ему не присваивается, такимъ образомъ, уже съ самаго начала допускается извѣстное насиліе надъ дѣтскимъ умомъ. Въ концѣ концовъ, у автора мы находимъ такое опредѣленіе предмета—„какъ всего того, о чемъ можно думать“. И опредѣленія предложенія, подлежащаго... у Смиренскаго не выдѣляется изъ тогда употреблявшихся опредѣленій: предложеніе—сужденіе, выраженное словами; подлежащее—слово, означающее предметъ, съ которымъ мысленно соединяется или разъединяется признакъ и пр. и пр. Слѣдовательно, работа Смиренскаго не измѣнила сущности прежнихъ опредѣленій, она стремилась лишь сдѣлать болѣе яснымъ путь объясненій этихъ опредѣленій. Такъ, напр., въ грамматикѣ Классовскаго мы находимъ: „все, о чемъ можно подумать вообще, называется предметомъ. Напр. можно подумать о „землѣ“, о „памяти“,... „бѣготнѣ“...

Нѣчто „новое“, что вносилъ Смиренскій въ опредѣленія подлежащаго и сказуемаго, это было выраженіе о „разъединеніи“ признака.

Признакъ отрицался и за предметомъ никакихъ другихъ признаковъ не утверждалось. Между тѣмъ въ русской научной литературѣ былъ уже ранѣе трудъ, въ которомъ проводилась мысль, что „при отрицаніи, у подлежащаго не отнимается сказуемое, а приписывается ему отрицаніе какого либо понятія, потому что и отрицаніе есть своего рода положительное опредѣленіе“. Авторъ этой статьи „Сколько главныхъ частей въ предложеніи?“ (въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1857 г. XCIV), Билярскій, стремился показать полную нелѣпность ученія о трехчленности предложенія и всѣ свои нападенія онъ сосредоточилъ на грамматикѣ Греча, въ противовѣсъ которой онъ выдвинулъ новое ученіе Востокова, сказавшееся въ одномъ изъ позднѣйшихъ изданій его грамматики, о двухчленности предложенія. Вопросъ сосредоточивался на связкѣ, считать ли ее въ числѣ главныхъ членовъ предложенія или нѣтъ. Вопросъ этотъ и съ педагогической точки зрѣнія имѣлъ большое значеніе, такъ какъ нѣкоторые учебники шли въ этомъ отношеніи за Гречемъ, другіе — за Востоковымъ, а нѣкоторые смѣшивали точки зрѣнія того и другого (въ числѣ послѣднихъ была, напр., „Общесравнительная грамматика“). Если теорія трехчленнаго состава предложенія существовала, какъ говоритъ самъ авторъ, въ теченіе двухъ тысячелѣтій, сдѣлалась даже аксіомой, то нельзя было такъ нападать на Греча за проведеніе этой теоріи, тѣмъ болѣе, что самъ Востоковъ, отказавшись отъ проводимой той же теоріи въ первыхъ изданіяхъ своей грамматики, не совсѣмъ отказался отъ нея и въ томъ изданіи, въ которомъ проводилъ уже новую теорію. На это указываетъ и Билярскій, хотя и стремится оправдать эти остатки прежняго ученія. Тѣмъ труднѣе было бы примѣнять требованіе къ Гречу, чтобы онъ отказался отъ проводимой имъ теоріи въ своемъ учебникѣ. Затѣмъ, нужно имѣть въ виду и то, что „Практическая грамматика“ Греча вовсе не задавалась цѣлью производить анализъ рѣчи сообразно исторіи языка. Этимъ всѣмъ я вовсе, конечно, не хочу сказать, чтобы Гречъ былъ правъ въ своихъ разныхъ формулировкахъ, на которыя справедливо нападаетъ Билярскій. Черезчуръ нападая на Греча, Билярскій впалъ въ другую крайность, превознося „открытіе“ Востокова: послѣдній не далъ намъ яснаго представленія о томъ, какая разница совершилась въ его воззрѣніи на анализъ рѣчи, и выказавъ даже нецѣльность при проведеніи новаго опредѣленія, обнаруживалъ тѣмъ самымъ какую-то неустановленность. Самъ Билярскій въ своихъ опроверженіяхъ основываетъ грамматическій анализъ на логическомъ. Въ данномъ случаѣ

особенно характерны слѣдующія его слова: „опредѣливъ сужденіе соединеніемъ понятій въ одну полную мысль, я не хочу увѣрять, что этимъ опредѣленіемъ исчерпывается логическое значеніе сужденія: но думаю, что этого опредѣленія достаточно для объясненія состава предложенія“ (285). Стремясь доказать, что глаголь „быть“ выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго сказуемаго, Билярскій не выяснилъ, какъ же нужно относиться къ понятію „составное“ сказуемое съ точки зрѣнія грамматической. Непонятнымъ могло остаться и одобрительное отношеніе къ названію у Востокова глагола „быть“ вспомогательнымъ, если считается съ выставленной самостоятельностью данного глагола. При разрѣшеніи данного вопроса нужно было не только затронуть историческую сторону его и затѣмъ перейти къ соображеніямъ логическаго характера, но выдержать историческую точку зрѣнія до конца, и тогда, можетъ быть, одностороннее пониманіе нашихъ грамматистовъ глагола „быть“, какъ связки, не вызвало бы такого страстного нападенія: постепенная потеря конкретнаго значенія, все болъшая и болъшая отвлеченность данного глагола и приводила ученыхъ, не считавшихся съ исторіей вопроса, къ мысли о какомъ-то внѣшнемъ назначеніи глагола „быть“, о назначеніи его служить въ качествѣ какой-то спайки. Но съ другой стороны, и тѣ, которые считались лишь отчасти съ исторіей вопроса, впадали въ другую ошибку: они не замѣчали, что роль глагола „быть“ со временемъ измѣнилась, что измѣнился и строй предложенія.

Въ настоящемъ очеркѣ я останавливаюсь на различныхъ статьяхъ, учебникахъ, имѣющихъ исключительно педагогическій интересъ. Эти статьи, затрогивавшія вопросы русскаго синтаксиса, въ своей основѣ представляютъ заимствованіе матеріала изъ приведенной уже разработки русскаго синтаксиса. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ трудовъ не лишены и извѣстной самостоятельности въ извлеченіи матеріала изъ памятниковъ и книжнаго русскаго языка. Такъ напр., въ „Вышемъ курсѣ русской грамматики“ Новиковскаго (С.-Пб. 72 г.) мы видимъ стремленіе отгнать разницу въ построеніи предложеній въ старинной русской рѣчи и въ рѣчи современной, попытки выяснить нѣкоторыя ошибочныя построенія рѣчи современной въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ вліяніемъ образцовъ иностранныхъ. Много матеріала изъ современной рѣчи сгруппировано въ другомъ „Вышемъ курсѣ русской грамматики“ Стоюнина (первое изданіе которой относится къ 1855 г., затѣмъ въ третьемъ изданіи грамматика эта была значительно измѣнена и дополнена, къ 1908 г.

относится пятое изданіе), но освѣщеніе этого матеріала въ послѣднемъ изданіи, посмертномъ, совершенно не соотвѣтствуетъ научному положенію затронутыхъ вопросовъ, при чемъ замѣтно въ грамматикѣ сильное подчиненіе логикѣ.

Интереснымъ представляется замѣчаніе въ одной изъ рецензій, помѣщенныхъ въ Отеч. Запискахъ 55 г. (т. 98, стр. 14 отд. IV): „Ученіе Беккера... у насъ принято... къ преподаванію русскаго языка учеными въ Москвѣ; въ концѣ тридцатыхъ годовъ, сколько извѣстно изъ педагогической литературы, первыми преподавателями въ этомъ направленіи были питомцы Московскаго университета—въ одной Московской гимназіи Ѳ. И. Буслаевъ, а въ Ярославской—И. М. Перевлѣскій“.

Однимъ изъ послѣдователей Беккера, стремившимся примѣнить его теоріи къ педагогической практикѣ, былъ Вурстъ; его учебникъ пользовался въ Германіи огромной популярностью. Вліяніе этого учебника сказалось и у насъ: по его образцу составлены были нѣкоторые изъ русскихъ учебниковъ (см. объ этомъ въ статьѣ Грота въ Изв. А. Н. по II отд., т. VI. 57 г., стр. 26; Гротъ возражаетъ съ педагогической точки зрѣнія противъ системы Вурста).

Говоря о вліяніи Беккеровской системы у насъ, необходимо выдвигать, мнѣ думается, не то, что въ отвлеченныхъ построеніяхъ этой системы находили нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ тѣ начала, которыя давались Гумбольдтомъ, а то, что эта система по своимъ элементамъ была уже знакома по предыдущей „логической“ разработкѣ синтаксиса. Но въ то же время цѣнились уже съ перваго начала и основанія ученія Гумбольдта, что мы видимъ изъ предисловія авторовъ, но здѣсь, какъ я указалъ, были только основанія, исходные пункты, которые требовали еще самостоятельнаго развитія, продолженія.

Сочиненіе Гумбольдта—*Ueber die Verschiedenheit...* было переведено на русскій языкъ Билярскимъ подъ заглавіемъ „Введеніе во всеобщее языкознаніе“ (помѣщено въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 58—59 г.,—части 97—98). Отдѣльно переводъ былъ изданъ Билярскимъ подъ заглавіемъ „О различіи организмовъ человѣческаго языка“... С.-Пб. 59 г. (VI+366 стр.). Противъ неточности заглавія справедливо возражалъ Н. П. Некрасовъ въ трудѣ „О значеніи формъ“... (стр. 4 прим., собственно: „О различіи строенія языковъ и его вліяніи на духовное развитіе человѣческаго рода“. Эта поправка имѣетъ существенное значеніе, потому что само загла-

віе уже неточно обрисовываетъ основной взглядъ Гумбольдта на отдѣльные языки).

Вскорѣ за появленіемъ перевода на русскій языкъ упомянутого сочиненія Гумбольдта была издана небольшая брошюра Тулова „Обозрѣніе лингвистическихъ категорій“ (Кіевъ 61 г.), въ которомъ авторъ пользовался этимъ переводомъ, въ основу же своей брошюры положилъ сочиненіе Штейнтала *Grammatik, Logik und Psychologie*. Такимъ образомъ и другое выдающееся изслѣдованіе нашло себѣ откликъ уже въ видѣ нѣкоторой компиляціи въ русской литературѣ. Можно пожалѣть, конечно, что эта компиляція не была предпринята въ болѣшихъ размѣрахъ сравнительно съ тѣмъ, что дано. Выхватывая главныя мысли изслѣдованія Штейнтала, разбавляя ихъ дополненіями изъ перевода сочиненія Гумбольдта, историч. грамматики Буслаева и нѣкоторыхъ другихъ пособій, Туловъ вполне выказалъ, какъ трудно сразу было вступитъ на путь новой школы въ языкованіи: не говоря уже о томъ, что у Тулова не обнаруживается никакого критическаго отношенія къ труду Буслаева, но у него попадаютъ такія мысли, которыя онъ не проводилъ бы, если бы хорошо освоился съ матеріаломъ у того же Буслаева (напр., на стр. 64—65 о переходѣ *г* въ *ж* въ словѣ *ножка*, благодаря эстетическому требованію). Если бы Туловъ сдѣлалъ переводъ сочиненія Штейнтала, то это было бы гораздо лучше во многихъ отношеніяхъ: заимствованія сдѣланы имъ изъ 2 и 3 частей книги Штейнтала; многое осталось непереданнымъ; 1 часть, въ которой Штейнталь разбиваетъ теорію Беккера, въ которой онъ показываетъ всю разницу между Беккеромъ и Гумбольдтомъ, также представляла большой интересъ, и этой части Т. коснулся лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

Переводъ Билярскаго сочиненія Гумбольдта послужилъ главнымъ матеріаломъ для новѣйшей статьи г. Житецкаго. Статья Житецкаго „В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языкованія“ (Вопросы философіи и психологіи 1900 г. № 1, стр. 1—30) представляетъ въ своей существенной части удачныя выборки изъ перевода изслѣдованія Гумбольдта, даетъ такимъ образомъ нѣкоторое общее представленіе о взглядахъ этого выдающагося ученаго, но въ этой статьѣ нѣтъ такого широкаго разсмотрѣнія поставленнаго вопроса, какъ то было дано далеко раньше въ капитальномъ сочиненіи Гайма (*Naum. Wilhelm von Humboldt. Berlin 1855, стр. 429—560*). Этимъ сочиненіемъ Житецкій и не воспользовался). Между тѣмъ сочиненіе Гайма уже скорѣ послѣ своего появленія обратило у насъ на себя вниманіе: въ Сборникѣ, изд.

студентами Петербургскаго университета (С.-Пб. 1860 г.) в. 2, находится большое сочиненіе Писарева (компилятивнаго характера) — по трудамъ Гайма и Штейнталя — о Гумбольдтѣ. Билярскимъ было составлено изложеніе сочиненія Штейнталя: *Grammatik...* (въ Извѣстіяхъ Имп. Акад. Наукъ. по отд. рус. яз. и сл., т. X, в. 1 и 4). Билярскій потому, повидимому, не далъ перевода труда Штейнталя, что онъ считалъ подобный переводъ не столь полезнымъ для русскихъ читателей, какъ изложеніе этого труда, которое онъ и даетъ въ академическихъ извѣстіяхъ за 61—63 гг. (т. X: „перечитавъ его книгу съ тѣмъ вниманіемъ, къ какому одушевляють сочиненія этого филолога, я пришелъ къ убѣжденію, что нельзя ее предоставить любознательности каждаго Русскаго читателя. Книга эта есть произведеніе чисто Нѣмецкаго ученаго образованія, обработанное со всей роскошью утонченной діалектики и съ многосторонностью познаній; но изъ того, что легко доступно, важно и нужно для Нѣмецкой учености, далеко не все можетъ быть плодотворно, приложимо и умѣстно при особености нашего умственнаго развитія“, 38). Билярскій высказывалъ сожалѣніе, что послѣ появленія перевода труда Гумбольдта въ русскомъ же переводѣ начало появляться сочиненіе Беккера „Организмъ“... на страницахъ „Филологич. Записокъ“. Онъ въ то же время не удивлялся, что въ предисловіи къ этому переводу Беккеръ выставялся какъ продолжатель идей Гумбольдта, т. е. проводился тотъ же ошибочный взглядъ, который проводился и въ Германіи. И вотъ, основываясь на изслѣдованіи Штейнталя, Билярскій въ своихъ статьяхъ и стремился выяснитъ всю разницу между системой Беккера и идеями Гумбольдта.

Штейнталь, какъ извѣстно, опровергалъ распространенное мнѣніе, что Беккеръ заимствовалъ свое понятіе объ организмѣ языка у Гумбольдта. Это мнѣніе основано было на томъ, что Беккеръ часто ссылается на Гумбольдта. Штейнталь доказываетъ, что понятіе и развитіе понятія объ организмѣ языка у Беккера стоитъ въ тѣсной связи съ господствовавшей въ свое время натуръ-философіей и ничего общаго не имѣетъ съ ученіемъ Гумбольдта (*Grammatik...* 123 и слѣд.).

XI.

Переходя къ характеристикѣ трудовъ К. Аксакова, касающихся русскаго синтаксиса, я позволю себѣ выдвинуть нѣкоторые его общіе взгляды на языкъ и грамматику, которые выгодно отличаютъ даннаго изслѣдователя. Въ своей обширной рецензіи на „Опытъ исторической

грамматики“ Буслаева, помѣщенной въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г. (V—VI т.) и затѣмъ перепечатанной во II томѣ „Полнаго собранія сочиненій“ (М. 75 г.), К. Аксаковъ высказываетъ такой взглядъ на языкъ: „Не только *посредствомъ языка* человекъ выражаетъ мысль свою, но *въ языкѣ* самомъ, въ его созданіи и построеніи—отъ образованія словъ до малѣйшихъ его измѣненій—выразилась мысль, или лучше, мышленіе человека.—Однако, было бы ошибочно строить и распредѣлять языкъ по отвлеченнымъ законамъ логики. Вспомнимъ, что языкъ, въ составѣ своемъ, есть воплотившаяся мысль: языкъ есть разумный міръ. А потому мы должны понять языкъ и построить его на основаніи *въ немъ выразившейся мысли*. О томъ, что въ языкѣ не получило особеннаго *своего язычнаго выраженія, своей словесной формы*,—о томъ говорить нечего. Напримѣръ: имя собственное: какая существуетъ особая словесная форма для собственныхъ именъ? Ея нѣтъ; а слѣдовательно въ грамматикѣ не нужно составлять особаго отдѣла собственныхъ именъ.—Имя уменьшительное: для этого имени существуютъ въ языкѣ особыя словесныя формы; слѣдовательно, оно можетъ составить отдѣлъ въ языкѣ.—Языкъ самъ мыслить своими формами, флексіями, словоизмѣненіями и пр. Это-то мышленіе самого языка, выражающееся въ различныхъ формахъ, необходимо должна слѣдить грамматика“ (II, 530). Здѣсь мы видимъ то отношеніе къ языку и мысли, которое нашло у насъ такого выразителя, какъ Потебня. И если послѣдній шелъ въ данномъ случаѣ по стопамъ Гумбольдта, то относительно Аксакова можно сказать почти съ увѣренностью, что данныя мысли были тѣмъ прозрѣніемъ, тѣмъ исключительнымъ чутьемъ языка, которымъ отличался Аксаковъ. Я хочу этимъ сказать, что Аксакову далеко было въ смыслѣ научности, объективности до Потебни, но это не мѣшало ему иногда подмѣчать то, что иной разъ не могли подмѣтить и гораздо болѣе ученые изслѣдователи. Въ приведенныхъ мною словахъ дается также и выясненіе разницы между логикою и грамматикою. Впрочемъ, отношеніе логики къ грамматикѣ не было точно формулировано Аксаковымъ. Критикуя несообразность раздѣленія логическаго и грамматическаго подлежащихъ (535—6), указывая на то, что какъ подлежащее логическое, такъ и грамматическое заключаютъ одинаково соединеніе объясняющихъ и опредѣляющихъ понятій; утверждая, что все получившее выраженіе въ языкѣ должно непременно относиться къ логикѣ, Аксаковъ тѣмъ самымъ какъ-то противорѣчитъ приведенному ранѣе мѣсту и, новидимому, стоитъ фактически или за сліяніе логики и грамматики, или

идеть по стопамъ древнихъ, считавшихъ грамматику лишь частью логики.

„Надобно быть очень осмотрительну, когда, оставляя область опредѣленныхъ формъ, переходить въ область рѣчи, въ область употребленія, въ область синтаксиса. Да позволено будетъ намъ подать слѣдующій общій совѣтъ. Не надо забывать, — даже и тамъ, гдѣ употребленіе кажется очевиднымъ, — что употребленіе одной формы въ смыслѣ другой никогда еще не превращаетъ одной формы въ другую, и что какъ ни употребляйся явственно одна форма въ смыслѣ другой, въ основѣ всегда остается собственный ея, коренной, ей принадлежащій смыслъ“ (II, 573).

Настоящее общее положеніе Аксакова можетъ быть пояснено и нѣкоторыми частными примѣрами, которые онъ приводилъ противъ Буслаева. Такъ, напр., онъ возстаетъ (стр. 536) противъ „сокращенія“, т. е. замѣны болѣе пространнаго выраженія менѣе пространнымъ, и указываетъ на то, что съ этимъ „сокращеніемъ“ происходитъ и измѣненіе смысла. То же на стр. 579, гдѣ Аксаковъ возстаетъ противъ различныхъ подразумѣваній. Аксаковъ указываетъ здѣсь на то, что всякое подразумѣваніе уничтожаетъ „фізіономію“ выраженія.

Нельзя не отмѣтить здѣсь того, что вѣрный взглядъ на грамматику былъ высказанъ Аксаковымъ въ его статьѣ, писанной въ юные годы (когда Аксакову было только 21 годъ) — рецензіи на грамматику В. Г. Бѣлинскаго (напечатана была въ „Москов. Наблюдатель“ 1838 г.). Эта рецензія важна также тѣмъ, что въ ней положена основа взглядовъ, развитыхъ Аксаковымъ въ позднѣйшихъ его грамматич. трудахъ. Здѣсь обозначился взглядъ на „имя“, который онъ развилъ въ своемъ „Опытѣ русской грамматики“, на части рѣчи, о которыхъ подробнѣе говорилось въ рецензіи на „Опытъ“... Буслаева, на глаголь, о которомъ шла рѣчь въ статьѣ „о русскихъ глаголахъ“. Указывая на ложность основанія, принятаго Бѣлинскимъ при дѣленіи частей рѣчи, Аксаковъ замѣчаетъ: „Ошибка автора произошла оттого, что онъ не обратилъ вниманія на *форму* слова, а это главное. Одна и та же часть рѣчи можетъ быть употребляема и подлежащимъ и сказуемымъ, и потому основывать на этомъ свое дѣленіе было бы ложно. Нѣтъ: вопросъ въ томъ, почему слово человѣческое приняло такія и такія формы. На этотъ-то вопросъ должно было отвѣчать, и на это-то не даетъ намъ никакого отвѣта его грамматика. Въ самомъ дѣлѣ: содержаніе слова можетъ быть какое вамъ угодно, но дѣло все въ формѣ (именно въ окончательной), которая придается этому

содержанію, и указываетъ ему мѣсто въ языкѣ, такъ что оно или скло- няется или спрягается или является... слѣдовательно первый вопросъ Грамматики заключается въ томъ, вслѣдствіе какихъ законовъ слово че- ловѣческое, выражая мысль, приняло такія и такія формы“ (II, 5—6). Въ этихъ словахъ заключается вѣрное пониманіе того принципа, который долженъ былъ бы быть положенъ въ основу дѣленія рѣчи на граммати- ческія части. Раздѣляя части рѣчи, Аксаковъ выдѣляетъ изъ нихъ междометія, и причины, по которымъ онъ это дѣлаетъ, очень важны для насъ. Междометіе, по Аксакову, не является частью рѣчи, по- тому что оно выраженіе непосредственнаго ощущенія, но не мысли, и разъ междометіе является для выраженія какой либо мысли, оно перестаетъ быть междометіемъ. Здѣсь опять можно найти точки со- прикосновенія съ тѣмъ, что впослѣдствіи проводилъ Потебня. Пер- воначалюю частью рѣчи по образованію Аксакову представлялось мѣстоименіе личное „я“, потомъ „ты“. Появленіе этихъ словъ слу- жило уже признакомъ выдѣленія человѣкомъ собственной природы отъ окружающаго міра, сознаніе собственной отдѣльности. „Онъ“ Акса- ковъ относилъ уже къ „предметамъ“, къ „природѣ“. Здѣсь мы открываемъ сходныя мысли съ тѣми, которыя высказывались Гумбольдтомъ въ его *Ueber die Verschiedenheit...* (§13, стр. CXXVIII, ср. въ примѣч. ссылку и на болѣе ранній трудъ Гумбольдта).

Аксаковъ проводилъ мысль о необходимости ограниченія рамокъ синтаксиса. Критикуя содержаніе синтаксиса Буслава и отмѣчая, что точка зрѣнія изслѣдователя ошибочна, такъ какъ къ языку при- мѣняются понятія, „которыя въ языкѣ выраженія язычнаго не нахо- дятся“ (531), Аксаковъ писалъ, что „предметъ синтаксиса есть *рѣчь*; по этому все, что выражается какъ *рѣчь*, будь это хотя самое корот- кое рѣченіе,—есть предметъ синтаксиса... II такъ *рѣчь* со всѣми ея отдѣлками есть предметъ синтаксиса. Въ рѣчи выражается мысль че- ловѣческая. Но не забудемъ: для насъ именно важно то, что нашло себѣ выраженіе въ *рѣчи самой*. Съ какой кстати, напримѣръ, въ син- таксисѣ говорить о метафорѣ? Развѣ метафора выражается особымъ значеніемъ? У г. Буслаева есть примѣръ метафоры: *берегъ всплываетъ*; но еслибъ это не была метафора, берегъ точно бы всплылъ, — измѣ- нилось бы сколько-нибудь рѣченіе?“ (531). Къ мнѣнію Аксакова объ ошибочности объясненій Буслаева такихъ выраженій, какъ „Дмитрій грозныя очи“, „Туръ золотые рога“, „шуба сукно красномалиновое“ и пр. пропускомъ „который“... и пр. (т. е. благодаря сокращенію при- даточнаго предложенія), присоединяется и Потебня (II, 100). Акса-

ковъ подобныя выраженія объяснял однимъ *сопоставленіемъ*, однимъ *сближеніемъ*, тѣмъ болѣе живымъ и рѣзкимъ, что приложеніе даже не измѣняетъ падежа своего, а является въ именительномъ, безъ всякаго измѣненія, напр., „сапоги—зеленъ сафьянъ“... (603). Аксаковъ при томъ дѣлалъ различіе въ оборотахъ: „Дмитрій грозныя очи“ съ одной стороны и „шуба сукно красномалиновое“ съ другой: въ первомъ онъ видѣлъ только эпитетъ; какъ выясняющій характерную черту даннаго предмета, ко второму (гдѣ обозначалось вещество, изъ котораго сдѣланъ предметъ) онъ не относилъ названія эпитетъ. Процессъ же образованія, по Аксакову, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ, былъ одинаковъ.

Аксаковъ прекрасно отѣнилъ разницу въ синтаксическомъ строѣ живой народной рѣчи и рѣчи письменной. „Живая рѣчь, обитая въ области произношенія, въ области разговора и случайности, не могла, разумѣется, развить въ себѣ синтаксиса, его настоящихъ силъ, развивающихся только на бумагѣ, въ письменности; фразы говорились, и такъ слово, какъ слово, не было предоставлено самому себѣ и не развивало предъ мыслію, уединенно присутствующей, всѣ свои тайныя обороты, все богатство свое, чтобы достойно воплотить ее. Въ разговорѣ голосъ, движенія, все помогало слову, и само оно, являясь зависимымъ слугою, живую рѣчью извѣстнаго лица, покорялось его движеніямъ: фразы перебивались, не досказывались, повторялись; однимъ словомъ, съ синтаксической стороны своей, слогъ въ живой рѣчи преданъ былъ въ жертву случайности и былъ въ зависимости отъ множества постороннихъ обстоятельствъ. Эту живую рѣчь видимъ мы въ народныхъ памятникахъ, въ договорахъ, жалованныхъ и прочихъ грамотахъ; эта рѣчь, касаясь бумаги, конечно оставалась, такъ сказать, и неволью устраивалась; она не переносила туда того, чего не могла перенести, ни движенія ни голоса“... (II, 181, изъ „Ломоносовъ въ исторіи рус. литературы и рус. яз.“).

Исторія языка не представлялась Аксакову исторіей его паденія и разложенія. Въ этой исторіи онъ видѣлъ новыя усилія, новые порывы творчества. Эту мысль Аксаковъ проводилъ и въ своемъ изслѣдованіи о Ломоносовѣ и особенно въ „Опытѣ русской грамматики“.

Та страстная защита необходимости самостоятельнаго изученія русскаго языка, дававшая въ результатахъ у Аксакова иногда крайности, защита, которая особенно сказалась въ небольшой брошюрѣ Аксакова „О русскихъ глаголахъ“, станетъ понятной, если вспомнимъ, сколько теоретическихъ, лженаучныхъ положеній вносилось такъ называемыми

и философическими“ грамматиками, питавшимися нѣмецкими образцами „стремившимися на ихъ основѣ создать философію русскаго языка. Впрочемъ, и самъ Аксаковъ, какъ справедливо отмѣчалъ Буслаевъ, далеко не чуждъ былъ воззрѣній этихъ философическихъ грамматикъ.

Отрицаніе временъ въ русскомъ глаголѣ, — эта мысль Аксакова, нашедшая себѣ продолжателя въ лицѣ проф. Н. П. Некрасова, было, конечно, результатомъ того увлеченія самобытными началами, которое характеризуетъ Аксакова. Критика Буслаева въ Отечеств. Запискахъ 55 г. на брошюру „О русскихъ глаголахъ“ въ общемъ вѣрно указывала на несуразность выводовъ, хотя критика эта не во всѣхъ деталяхъ отмѣняла эту послѣднюю черту изслѣдованія и не указала тѣхъ основъ, изъ коихъ развилась главная мысль. Буслаевъ особенно напиралъ на то, что Аксаковъ какъ-то выдѣляетъ русскій языкъ изъ другихъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ несомнѣнно временныя формы, и ставитъ его на какое-то исключительное—вопреки историческимъ указаніямъ—мѣсто, что онъ разрушаетъ генетическую связь славянскихъ языковъ. Между тѣмъ, нужно было указать на то, что ранѣе причастныя формы на -ль превращаются вполне въ такъ называемое „изъявительное“ наклоненіе и теряютъ такимъ образомъ свои прежнія свойства. Философствованіе Аксакова потому-то и не вѣрно, что выхватываются черты, соотвѣтственныя разному времени. Странно звучатъ слова Аксакова: „что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію русскаго языка“... Если „видъ“ принадлежитъ не спряженію, а словопроизводству, то нельзя смѣшивать видъ съ временемъ. Видъ обозначаетъ не только качество дѣйствія, но, какъ отмѣчаетъ вполне справедливо Буслаевъ, и количество дѣйствія, „или, выражаясь точнѣе, мѣру, измѣреніе дѣйствія“ (Отеч. Зап. 55 г. № 8 отд. III, 34). Въ приложеніи къ своей брошюрѣ Аксаковъ привелъ выдержку изъ изслѣдованія Каткова „Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка“, въ которой довольно туманнымъ языкомъ выражается та мысль, что съ краткой формой глагола соединяется отгѣнокъ опредѣленности, а съ формой расширенной—неопредѣленность. Эта мысль Каткова послужила точкою отправления не только разсужденіямъ Аксакова, но послужила и Буслаеву для его характеристики видовъ.

Важно отмѣтить то огромное значеніе, которое придавалъ Аксаковъ *слову*. Слово онъ уподоблялъ разуму, въ немъ онъ видѣлъ выраженіе сознанія, само сознаніе (Опытъ р. грам. въ III т. соч., 2 и сл.).

Нельзя отрицать вполне правильнаго взгляда Аксакова на задачи

и цѣли грамматики, на то, что основа ея должна быть выведена изъ изученія самого языка. Представитель славянофильства, преувеличавшій значеніе самобытныхъ началъ, и особенно славянскихъ, Аксаковъ въ то же время правильно взглянулъ на отношеніе грамматики русской къ грамматикѣ „общечеловѣческой“, или, какъ мы сказали бы, вообще къ сравнительному языкознанію, къ законамъ человѣческаго духа.

Иванъ Аксаковъ правильно отмѣчаетъ въ предисловіи къ изданію сочиненій К. Аксакова отличительную черту послѣдняго какъ ученаго, его „художественную стихію“, или, лучше сказать, способность къ творчеству, способность угадывать, схватывать извѣстные законы, обладая для этого малымъ количествомъ данныхъ. Конечно, много несообразностей высказываетъ К. Аксаковъ, особенно это проявляется въ Опытѣ русской грамматики (вышла только 1 ч. этого опыта, посвященная имени существительному съ конспективнымъ изложеніемъ матеріала относительно прилагательныхъ и предлоговъ, изд. первое относится къ 1880 г.). Но нужно помнить, что у Аксакова не было школы. Благодаря именно отсутствію научной дисциплины мы видимъ порывы фантазіи, но и среди фантастическихъ измышленій прорываются часто здравыя мысли. Даже въ области фонетики, гдѣ мы находимъ прямо чудовищныя вещи, можно найти такія наблюденія и замѣчанія, которыя дѣлали честь Аксакову: возьмемъ для примѣра мысль о томъ, что звуки *o* и *e* столь же древни, какъ и другіе гласные звуки, и сравнимъ съ господствовавшей тогда теоріей о вторичности этихъ звуковъ.

Я уже указывалъ на зависимость воззрѣній П. П. Некрасова отъ К. Аксакова. Живо и интересно написанная работа Н. Некрасова „О значеніи формъ русскаго глагола“ (М. 1865 г.) построена на ложныхъ основаніяхъ. Авторъ, упрекавшій предыдущихъ изслѣдователей за ихъ предвзятость, самъ является крайнимъ поборникомъ этой послѣдней. Создавъ путемъ нѣкотораго наблюденія надъ русскимъ языкомъ теорію объ отсутствіи временныхъ формъ въ русскомъ глаголѣ, Некрасовъ стремился всячески провести эту теорію, оправдать предполагаемое отсутствіе путемъ различныхъ логическихъ соображеній и посылкъ и, самъ того не замѣчая, иногда впадалъ въ логическія же противорѣчія.

Основная мысль такова: категоріи дѣйствія по существу вовсе не является непремѣнно свойственнымъ понятіе времени. Настоящаго времени нѣтъ; настоящее время лишь какая-то неудовимая граница между

будущимъ и прошедшимъ; настоящее время такимъ образомъ условно, какъ условно вообще понятіе о временахъ. Такимъ образомъ для дѣйствія время есть нѣчто постороннее, внѣшнее условіе. И это послѣднее имѣетъ большое отношеніе не къ дѣйствию, а къ лицу говорящему или слушающему. Главнымъ же, существеннымъ признакомъ дѣйствія является его продолжительность или краткость или его кратность. Если понятіе о времени условно, отвлеченно, то послѣднія свойства—дѣйствительны, конкретны. Если въ другихъ языкахъ глаголь имѣетъ временныя формы, то въ русскомъ языкѣ ихъ нѣтъ, въ немъ есть за то формы, которыя показываютъ настоящее свойство дѣйствія—его болышую или меньшую продолжительность, это виды или „степени“ глагола. Не имѣя чисто временныхъ формъ глагола, русскій языкъ пользуется для показаній отгѣнковъ времени чисто логическими данными, смысломъ, соединяемымъ съ извѣстной формой глагола.

Основные воззрѣнія К. Аксакова и Н. Некрасова о томъ, какъ изучать языкъ,—именно: прежде всего необходимо знаніе и пониманіе живого, современнаго языка, а затѣмъ уже привлеченіе исторіи языка, привлеченіе другихъ языковъ для сравненія, воззрѣнія эти вполнѣ правильны. Правильно ихъ указаніе на необходимость удерживаться только въ этой области, не ударяясь въ различныя мудрствованія, вызываемыя путемъ увлеченія разсматриваніемъ различныхъ приставокъ, суффиксовъ и пр. Путь намѣченъ былъ правильно, но сами изслѣдователи не выполнили его, какъ слѣдуетъ, они сами увлеклись мудрствованіями только болѣе общаго характера. Они изучали языкъ въ его настоящемъ и безъ знанія историческаго хода языка освѣщали это настоящее субъективно.

Въ своемъ изслѣдованіи Н. П. Некрасовъ выступилъ прежде всего противъ Ѳ. И. Буслаева. Это прежде всего высказывается въ вступительныхъ строкахъ—посвященіи труда Буслаеву. Главныя положенія книги сильно, дѣйствительно, расходились и съ положеніями „Исторической грамматики“ Буслаева и вообще съ утвердившимися грамматическими понятіями, и удивительно то, что книга не вызвала серьезныхъ рецензій. Положенія книги были затронуты критикой нѣсколько позже и уже по поводу грамматики Н. Богородицкаго, шествовавшаго по стопамъ Некрасова.

Грамматика Н. Богородицкаго (М. 68 г. ср. и его статью) „По вопросу о рус. грамматикѣ какъ учебникѣ“ (М. 68 г., изъ *Журн. Мин. Нар. Просв.*) интересна прежде всего какъ популяризація выводовъ.

Н. Некрасова (не всегда впрочемъ точная), затѣмъ какъ основанная на примѣрахъ живой народной рѣчи, народной словесности (въ этомъ случаѣ Богородицкій шель также по стопамъ Н. Некрасова). И вотъ по поводу этой грамматики въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 69, 70 и 72 гг. были помѣщены статьи Завьялова, А. Некрасова, затѣмъ самого Н. Некрасова и Богородицкаго.

Ошибка Н. П. Некрасова заключалась прежде всего въ томъ, что имъ невѣрно были поняты нѣкоторыя формы. Невѣрно была понята форма прошедшаго времени, каковую онъ считалъ за прилагательное имя. Въ прилагательности этой формы Н. П. Некрасовъ даже видѣлъ преимущество русскаго языка: здѣсь, дескать, выражалось осмысленіе дѣйствія, которое представлялось не какъ отвлеченное движеніе во времени, а какъ реальная проявляемость свойствъ предмета. Между тѣмъ, не нужно было бы забывать, какъ образовалась форма нашего прошедшаго времени, и имѣть въ виду предидирующее значеніе прежнихъ причастій. Не признавая глагольности формы прошедшаго времени, естественно, легко было перейти къ мысли о неимѣннн вообще въ русскомъ языкѣ формъ для обозначенія времени, такъ какъ для обозначенія настоящаго и будущаго времени употребляются одни и тѣ же окончанія. Къ тому же могло повести и смѣшеніе временныхъ формъ, смѣшеніе, которое наблюдается въ народной словесности. Но знаніе народнаго языка должно было удержатъ отъ подобнаго заключенія, затѣмъ само употребленіе временъ въ народной рѣчи могло бы дать возможность искать причинъ замѣнъ одного времени другимъ не въ отсутствіи рѣзко выраженныхъ временныхъ формъ, а въ чемъ-то другомъ.

ХП.

Не Буслаевъ являлся у насъ проводникомъ взглядовъ и мнѣній Беккера, а еще до появленія „Опыта“... была издана русскимъ педагогомъ Басистовымъ „Система синтаксиса“, основанная главнымъ образомъ на „Ausführliche deutsche Grammatik“ Беккера, именно на этомъ трудѣ, а не на „Organism. der Sprache“ (какъ то выставлено у Некрасова „О значеніи формъ русскаго глагола“, 5 и повторено ошибочно Балицкимъ въ „Матеріалахъ для исторіи слав. яз.“, II, 73); послѣднее сочиненіе принималось во вниманіе составителемъ наряду съ изслѣдованіями Боппа, Гумбольдта и Буслаева—О препод. отеч. яз. (См. предисловіе составителя). Неуспѣхъ этой книги (1-е изданіе 1848 г., 2-е—1878 г.) наглядно показываетъ, насколько неправъ былъ Н. П. Не-

красовъ, высказывая въ своемъ изслѣдованіи „О знач. формъ рус. глагола“ слѣдующее: „Успѣхъ книги Беккера былъ значительнѣе успѣха сочиненій Гумбольдта, особенно у насъ въ Россіи. Отвлеченное построеніе теоріи языка мы приняли за лучшую исходную точку для изученія и своего роднаго языка, тоже въ смыслѣ живого организма, и отвлеченную теорію ученаго нѣмца стали прилагать къ языку русскому. Явилась замѣчательная брошюра г. Басистова „Система синтаксиса, написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ книги Беккера“ (5). Ничего „замѣчательнаго“ не представлялъ изъ себя учебникъ Басистова (во всякомъ случаѣ не „брошюра“), написанный правда въ нѣсколько своеобразной формѣ и представлявшій въ своей основѣ лишь изложеніе упомянутой подробной грамматики Беккера (и вовсе не написанный лишь подъ вліяніемъ, хотя и непосредственнымъ, „Организма“... Беккера). Появленіе русскаго труда, шедшаго по стопамъ Беккера, а не Гумбольдта, объяснялось не тѣмъ, что была предпочтена отвлеченность при объясненіи языковыхъ явленій, а тѣмъ, что Беккеромъ составлены были учебники нѣмецкаго языка, у Гумбольдта находили лишь отправныя точки для будущихъ изслѣдованій, самъ Гумбольдтъ вовсе не давалъ какой либо грамматической системы: вотъ и шли по готовому, тѣмъ болѣе, что и Беккеръ выставялъ нѣкоторыя мысли, выдвинутыя Гумбольдтомъ. Возражая противъ приведенныхъ мыслей Н. П. Некрасова, я не могу не согласиться съ тѣмъ, что сказано имъ дальше: „Читая книгу Беккера (подраз. „Организмъ“..., можно прибавить и указан. „Подроб. грамм. нѣм. яз.“) и Систему синтаксиса г. Басистова, языкъ представляется скорѣе въ образѣ скелета, иссушеннаго логическимъ отвлеченіемъ и очищеннаго систематическимъ изложеніемъ, чѣмъ въ образѣ живого организма, въ которомъ жизнь обнаруживается непрерывнымъ движеніемъ и игрою красокъ“ (5). Для того, чтобы дать нѣкоторое представленіе о „Системѣ“... Басистова, приведу нѣсколько выдержекъ: § 19—„*Понятіе* есть произведеніе предмета и мыслящаго духа. Оно возникаетъ отъ соприкосновенія духа съ предметомъ, какъ искра отъ удара огнива объ кремень. Дѣло *предмета*—подѣйствовать на духъ своими явленіями: дѣло *духа*—отличить между этими явленіями тѣ, которыми выражается сущность предмета, и слить ихъ (химически) въ одно понятіе“... § 22: „Какъ мышленіе есть свободное повтореніе въ духѣ нашемъ того, что происходитъ въ природѣ: точно такъ и языкъ есть живое зеркало, свободно отражающее собою то, что дѣлается у насъ въ духѣ... А такъ какъ мыслимо можетъ быть или бы-

тіе, или явленіе, или сущность предметовъ: то и въ сказываемомъ не можетъ быть ничего другого. Слѣдовательно, *сказуемое* представляетъ три вида: 1) *сказуемое бытіе*, 2) *сказуемое явленіе*, 3) *сказуемое сущность*.—§ 29: „Безотносительно *мыслимая сущность* выражается... относительное пониманіе предмета выражается“... § 43: „Въ дополненіи можетъ быть означенъ или такой предметъ, *къ которому* направлена дѣятельность, или такой, отъ котораго она направлена“... и пр. и пр.

Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik Беккера, какъ показываетъ цѣликомъ выписанное мною заглавіе, являлась комментариемъ къ школьной грамматикѣ того же автора (Ср. также предисловіе къ перв. изд.). Весьма вѣроятно, что Басистовъ имѣлъ подъ руками и эту школьную грамматiku, тѣмъ болѣе это можно думать, если обратить вниманіе на нѣкоторое чисто внѣшнее сходство въ приведеніи примѣровъ и частныхъ поясненій мелкимъ шрифтомъ. „Система синтаксиса“ даже сравнительно съ *Schulgrammatik* является небольшою книгой, не говоря уже объ *Ausführliche Grammatik*. Была несомнѣнно ошибка составителя—его желаніе дать въ краткомъ изложеніи выводы Беккеровской системы, присоединивъ къ этому изложенію въ качествѣ придаточнаго элемента данныя русскаго языка. Самъ Беккеръ въ своей школьной грамматикѣ поступилъ болѣе разумно, распустивъ свои логическія измышленія въ массѣ практическаго матеріала, чѣмъ, конечно, и обусловилъ популярность своего учебника въ Германіи. Одно здѣсь необходимо выдвинуть, заканчивая характеристику труда Басистова: по изложенію, по распланировкѣ матеріала его „Система р. с.“ представляетъ работу все же самостоятельную. Выдвинуть здѣсь это представляется необходимымъ, потому что вскорѣ появился трудъ по русскому синтаксису, въ которомъ мы видимъ цѣликомъ заимствованія слово въ слово изъ труда Басистова, или заимствованія съ измѣненіями, состоявшими въ передѣлкѣ формы предложеній или опредѣлительныхъ словъ.

Я указалъ на неуспѣхъ учебника Басистова. Весьма возможно, что этотъ неуспѣхъ былъ обусловленъ въ данномъ случаѣ прежде всего именно тѣмъ, что логическія отвлеченія внесены были въ большомъ количествѣ въ книгу, предназначенную для учебныхъ цѣлей. Въ русской научной литературѣ вскорѣ появилось сочиненіе, близкое по духу къ „Системѣ синтаксиса“ Басистова, при чемъ это сочиненіе въ теченіе 3 лѣтъ выдержало 3 изданія; это былъ „Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка“, составленный академикомъ И. Давыдо-

вымъ и вышедшій какъ изданіе второго отдѣленія академіи наукъ. И вотъ мнѣ кажется, что успѣхъ заключался главнымъ образомъ именно въ послѣднемъ обстоятельстве: этотъ трудъ являлся какъ бы трудомъ самой академіи, но крайней мѣрѣ, исходилъ отъ нея. Между тѣмъ, уже изъ предисловія составителя можно было видѣть, что представляемый трудъ лишенъ, въ сущности, самостоятельности. „Я не смѣю ничего присвоивать себѣ въ этомъ трудѣ: воспользовавшись глубокими изслѣдованіями о русскомъ языкѣ во всемъ его составѣ заслуженныхъ нашихъ грамматиковъ, *Греча и Востокова*, филологическихкими наблюденіями *Павскаго*, синтаксисомъ *Перевльскаго*, нѣкоторыми частными замѣчаніями *Лангемельда, Буслаева, Каткова, Басистова*, я привелъ въ систему готовыя сокровища, по той мысли, каковую положилъ въ основаніе по Беккеру, въ слѣдствіе многолѣтняго опыта“ (пред. стр. XII къ 3-му изд. 1854 г.). Для показанія, что это за „частныя замѣчанія“, я приведу нѣкоторыя сличенія.

„Система синт.“ *Басистова*:

§ 30.

.....въ сказуемомъ можетъ быть только *указано* на мыслимое, безъ означенія самаго бытія, явленія или сущности. Это указаше на мыслимое выражается глаголомъ „быть“ съ мѣстоименіемъ.

§ 31.

Мыслимое или утверждается или отрицается. Смотря по этому и сказуемое бываетъ или *отрицательное* или *утвердительное*.

§ 32.

Мыслимое, какъ произведеніе духа и предметовъ, находится въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1. къ мыслящему духу, 2. къ предметамъ, съ которыми оно различнымъ образомъ соприкасается.

„Опытъ общесрав. грам. р. яз.“:

примѣч. 4, къ § 362.

Въ сказуемомъ можетъ быть только указано на то, что мы мыслимъ, безъ означенія самаго бытія дѣятельности или качественности: это указаніе выражается глаголомъ *быть* съ мѣстоименіемъ.....

§ 363.

То, что мы мыслимъ, или утверждается, или отрицается: смотря по этому и сказуемое бываетъ или *утвердительное* или *отрицательное*.

§ 364.

Все мыслимое, какъ произведеніе духа, находится въ слѣдующихъ отношеніяхъ: или къ самому духу, или къ предметамъ, съ которыми различно соприкасается.

Подобныя сличенія можно было бы продолжить: §§ 33—365, §§ 34—366, §§ 35—367, §§ 36—373, §§ 37—383, §§ 38—384, §§ 39—386, §§ 40—387, §§ 41—397, §§ 42—398, §§ 43—399 (въ этихъ послѣднихъ §§ даже приводимые примѣры одинаковы), §§ 45—424, §§ 62, 63, 64—§ 473, §§ 66—474, §§ 67—475, §§ 68—477, §§ 70—478, §§ 69—479, §§ 71—480, §§ 73—481, §§ 11—357 (въ серединѣ), §§ 22, 29—§ 362 (по частямъ). Это сличеніе уже въ достаточной мѣрѣ можетъ опредѣлить значеніе труда Давыдова въ исторіи разработки русскаго синтаксиса. Не представляется нужнымъ производить сличенія съ другими источниками этого труда: если въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Давыдовъ и не такъ рабски слѣдовалъ за своими источниками, именно за формой ихъ внѣшняго изложенія, какъ это сказалось въ приведенныхъ мѣстахъ, могущихъ вызвать полное недоумѣніе относительно поразительнаго метода пользованія чужими трудами (при томъ только „частными замѣчаніями“), то вполне передавалъ уже ранѣе извѣстное, не внося отъ себя ничего существеннаго.

Еще когда печатался „Опытъ“... первымъ издашемъ, вышла рецензія Срезневскаго объ этомъ трудѣ Давыдова. Дѣло въ томъ, что въ теченіе цѣлаго года (1850) разсмотрѣніе этого труда было, по словамъ Срезневскаго, однимъ изъ главнѣйшихъ занятій 2-го отдѣленія академіи (И. И. Срезневскій былъ тогда адъюнктомъ академіи); сама рецензія Срезневскаго была помѣщена въ приложеніи къ отчету отдѣленія (см. *Жур. Мин. Нар. Прос.* 51 г. т. 69 отд. III, 59). Отзывъ Срезневскаго очень похвальный: въ „Опытѣ“... рецензентъ видитъ „явленіе замѣчательное“ (при томъ „въ высшей степени“). Оказывается, что авторъ внесъ много своего, новаго, хотя и сама задача, которую онъ ставилъ себѣ—сдѣлать своего рода сведеніе уже извѣстнаго матеріала, должна была бы вызвать большую благодарность. На трудъ Давыдова рецензентъ смотрѣлъ не только какъ на трудъ ученаго, но и какъ на трудъ „художника“! Рецензентъ задавался и цѣлью показать, что въ трудѣ Давыдова заимствовано и что принадлежитъ самому автору, но выполненіе этой задачи ограничилось нѣсколькими общими фразами. Относительно синтаксиса было указано, что Давыдовъ слѣдовалъ Перевлѣскому, и въ данномъ случаѣ Срезневскій руководствовался скорѣе не собственными сличеніями, а тѣмъ, что еще ранѣе сообщалъ самъ Давыдовъ: именно, разбирая грамматику Перевлѣскаго, Давыдовъ высказался, что воспользуется ею при составленіи своей грамматики (64). Между прочимъ—въ томъ же приложеніи къ годовичному отчету II отдѣленія академіи наукъ находится отзывъ акад. Да-

выдова о сочиненіи акад. Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка“.

Въ Отеч. Зап. за 53 и 54 гг. (т. 87 и 97) были помѣщены вполне благопріятныя рецензіи объ „Опытѣ общесрав. грам.“ Давыдова. Было сказано, между прочимъ (т. 54, отд. IV, стр. 4), что въ синтаксисѣ Давыдовъ слѣдовалъ Перевлѣсскому, при чемъ внесъ улучшенія. Это положительное отношеніе Отеч. Зап. выразилось и въ томъ, что, когда появилась отрицательная критика Греча на книгу Давыдова, От. Зап. тотчасъ же отозвались въ насмѣшливомъ видѣ объ этой критикѣ Греча, „грамматическаго Ахиллеса“.

Черезчуръ суровую, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вполне правильную, характеристику труда Давыдова находимъ въ статьяхъ Котляревскаго (въ рецензіи „Опыта“... Буслаева, о которой раньше шла рѣчь). Нельзя не назвать „Опытъ“... Давыдова самой нелогической грамматикой изъ существовавшихъ тогда „логическихъ“ грамматикъ. Правъ рецензентъ, указывая на то, что благодаря главному принципу „логическихъ“ грамматикъ—строить синтаксисъ на требованіяхъ здраваго смысла—мы не имѣли настоящаго синтаксиса русскаго языка. Въ данномъ случаѣ рецензентъ воспроизводилъ мысли Буслаева, но только нужно прибавить, что самъ Буслаевъ все же указывалъ и на положительныя стороны практическихъ грамматикъ, на нѣкоторый живой матеріалъ, который выдвигался этими грамматиками. Котляревскій отмѣчаетъ правильно, что Давыдовъ „слишкомъ нецеремонно“ черпалъ изъ Беккера, Вурста и др. Съ методомъ заимствованія Давыдова мы уже имѣли случай познакомиться по отношенію къ „Системѣ“... Басистова. Котляревскій коснулся и той критики, которая вызвана была Опытомъ, отмѣтилъ похвальную рецензію Срезневскаго и отрицательную рецензію Греча („Разсмотрѣніе Общесравнительной грамматики“ С.-Пб. 1856 г.), нанесшую „смертельный“ ударъ дотолѣ побѣдоносно шествовавшей грамматикѣ Давыдова.

Довольно дѣльныхъ замѣчаній на трудъ Давыдова въ критическомъ отношеніи даетъ и „Разсмотрѣніе“... Греча и слабымъ является отвѣтъ Давыдова на эти замѣчанія въ „Запискѣ о книгѣ Разсмотрѣніе“... (напечатанной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1856 г. №№ 263—4). Я выдвину здѣсь одно мелькомъ высказанное замѣчаніе Греча: нельзя примѣнять строгіе законы логики къ области языка, области, дѣйствующей по неразгаданнымъ еще законамъ психологіи (5).

Въ 1 в. Извѣстій акад. н. по отд. рус. яз. и сл. (57 г.) нахо-

димъ, что отдѣленіе поручило своему предѣдательствующему акад. Давыдову составить сокращеніе изъ Общесравнительной грамматики для руководства учащихся. Здѣсь же указывались пожеланія отдѣленія, чтобы при составленіи были приняты во вниманіе рецензіи даннаго труда и въ частности упоминалось о необходимости обратить вниманіе на „дѣльныя указанія заслуженнаго грамматиста Н. И. Греча“ въ его „Разсмотрѣніи“..., несмотря на несогласія его съ авторомъ критикованнаго сочиненія (стр. 5).

XIII

Уже въ грамматическихъ объясненіяхъ, приложенныхъ къ изданію Остромирова Евангелія, Востоковъ посвятилъ одинъ параграфъ словосочиненію Остромирова Ев. (стр. 36—7). Въ этомъ параграфѣ, состоящемъ изъ 4 подраздѣленій (при чемъ 3 подраздѣленіе въ свою очередь раздѣлено на 4 части), даны лишь самыя бѣглыя замѣчанія относительно синтаксиса древне-церковно-славянскаго языка по Остромирову Евангелію. Всѣ эти замѣчанія вошли потомъ цѣликомъ въ „Грамматику церковно-словенскаго языка“, изданную Востоковымъ въ 1863 году. Синтаксисъ въ этой грамматикѣ занимаетъ отъ 105 по 134 страницу. Такимъ образомъ, совершенно нельзя примѣнить къ синтаксису въ этой грамматикѣ сказанное Срезневскимъ (Изв. 2-го отд. Имп. А. Н. т. IX, 272), что „главныя основанія этой грамматики уже изложены А. Х. Востоковымъ въ приложеніи къ его изданію Остромирова Евангелія“...

Синтаксисъ въ грамматикѣ Востокова представляется менѣе разработаннымъ, чѣмъ ученіе о „разрядахъ словъ и ихъ измѣненіи“, входящее въ 1-ю часть грамматики. Это скорѣе синтаксическія замѣтки, интересныя по тому матеріалу, который былъ извлеченъ Востоковымъ изъ Остромирова Ев. и другихъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Востоковъ дѣлаетъ лишь дополненія къ тому, что находилъ у Добровскаго. Сопоставляетъ Востоковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ данныя церковно-славянскаго языка съ данными языка древне-русскаго. Можетъ быть, благодаря малому количеству собранныхъ фактовъ, Востоковъ не рѣшался выставлять обобщенія и потому ограничивался только приведеніемъ имѣвагося фактическаго матеріала. Употребленіе достигабельнаго наклоненія послѣ глаголовъ, не относящихся къ разряду глаголовъ движенія, Востоковъ объяснялъ перенесеніемъ значенія, „метафорой“: *понта княжитъ* вмѣсто *приведоша княжитъ*, *хоща искутитъ* вмѣсто *ида искутитъ* и пр. Проще,

конечно, было бы здѣсь выдвинуть вообще аналогію, дѣйствіе извѣстныхъ ассоціацій. Востоковъ отмѣчаетъ любопытные случаи непослѣдовательнаго сочиненія, какъ: оузрѣша Іга ходаща по морю и близъ корабля бывъшоу, считаетъ подобную „разность“ падежей особенностью церковно-славянскоѣ рѣчи (§ 114) и совершенно не входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ случаевъ. Необходимъ большій матеріалъ для установленія другой особенности — опущенія мѣстоименія *са* при глаголѣ возвратномъ, взаимномъ и общемъ, если такой глаголь слѣдуетъ за другимъ глаголомъ съ *са*, напр.: възвеселити же *са* и възрадовати подобаше... Конечно, подобная черта вытекала изъ особенности постановки *са* не только послѣ глаголовъ, но и передъ ними. Востоковъ не входилъ подробно въ разницу конструкцій въ церковно-славянскомъ сравнительно съ русскимъ въ такихъ случаяхъ: вы зовете *ма* оучитель и пр. Констатируя данныя отличія, онъ выражался такъ: „именительный падежъ въ Церковно-Словенскомъ иногда употреблялся вмѣсто косвенныхъ падежей“... (§ 119). Отмѣчая разницу въ постановкѣ падежей послѣ числительныхъ: три, четыре въ церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, Востоковъ относительно русскаго языка повторяетъ свое прежнее неудачное мнѣніе (изъ грамматики русскаго яз.), что „въ нынѣшнемъ Русскомъ *три*, *четыре*, какъ и *два*, соединяются въ именительномъ и винительномъ съ окончаніемъ, подобнымъ родительному ед. ч“... (§ 105, стр. 107). Востоковъ обращаетъ вниманіе на особенности въ передачѣ извѣстныхъ оборотовъ греческихъ славянскими, при чемъ отмѣчаетъ и уклоненія отъ слагавшихся обычныхъ способовъ передачи (напр., въ § 107 о случаяхъ передачи греч. прилагательныхъ съ членомъ прилагательными неполнаго образованія). Подобныя сличенія являлись результатомъ еще той работы, которую Востоковъ продѣлалъ ранѣе надъ Остромировымъ Евангеліемъ, сличивъ его съ греческимъ текстомъ. Благодаря этому сличенію, Востокову легко было отмѣтить особенности славянскаго перевода. Отмѣчены, между прочимъ, случаи постановки причастія въ смыслѣ сказуемаго (§ 108).

Разбирая трудъ Буслаева по русскому синтаксису, я намѣренно оставилъ безъ вниманія замѣчанія о синтаксическихъ данныхъ древне-церковно-славянскаго языка, которыя самъ Буслаевъ вносилъ главнымъ образомъ въ примѣчанія, считая эту часть добавочной. Я хочу здѣсь наглядно доказать, что эти замѣчанія Буслаева должны быть поставлены выше II части труда Востокова. Будучи собраны воедино, эти замѣчанія прежде всего по объему дали бы матеріалъ болѣе обширный для обри-

совки синтаксических явлений церковно-славянского языка, чѣмъ приведенное въ систему учение Востокова о сочиненіи словъ. Затѣмъ у Буслаева мы находимъ цѣнное стремленіе различать въ синтаксическихъ явленіяхъ древнѣйшій и позднѣйшій періоды, мы видимъ у него стремленіе выяснитъ смыслъ тѣхъ явленій, на которыхъ какъ-то не останавливалось вниманіе Востокова. А иногда объясненія Буслаева расходятся съ объясненіями Востокова. Страннымъ представляется, что Востоковъ, дополняя грамматику Добровскаго, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ не соглашаясь съ Добровскимъ, совершенно безъ вниманія оставляетъ болѣе удачную постановку вопросовъ у Буслаева.

Для доказательства выставленной мысли я приведу слѣдующія данныя.

Въ § 176 Буслаевъ отмѣчаетъ разницу въ залогахъ нѣкоторыхъ глаголовъ въ современномъ книжномъ и старинномъ языкѣ, и въ силу этого различныя конструкции: лѣстить народы, гостити и, пажитъ жити, пажити пастиса. У Востокова нѣтъ соотвѣтствующихъ указаній. Тамъ же у Буслаева отмѣчено употребленіе глаголовъ безъ са, употреблявшихся позднѣе только съ са. Выставленная Востоковымъ „особенность“ древне-церковно-сл. яз.: опущеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ са, нѣсколько полнѣе отгѣняется у Буслаева указаніемъ на то, что въ ново-церковно-сл. текстахъ въ подобныхъ случаяхъ мы видимъ восстановленіе этого са, но съ другой стороны есть случаи опущенія въ народномъ языкѣ (правда, указывается лишь одинъ примѣръ изъ пѣсни при томъ начала XVII в.: *ино мѣ постричитися не хочеть*, примѣръ, какъ мы видимъ не особенно народнаго склада) (§ 176, 5 прим. 6.). Въ § 180 (прим. 3) Буслаевъ обращаетъ вниманіе на преимущественную передачу греческихъ страдательныхъ формъ глагола формами возвратнаго и отчасти описательными формами, а также оборотами съ глаголами дѣйствительнаго залога; обращается вниманіе на разницу переводовъ въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ текстахъ: на чередованіе залоговъ дѣйствительнаго и возвратнаго. Въ § 183 (прим. 1) дано много примѣровъ употребленія въ Остромировомъ Ев. настоящаго времени вмѣсто будущаго, указывается въ томъ же § на смѣшеніе видовъ. Въ § 187 (прим. 2) Буслаевъ указываетъ на пропускъ вспомогательнаго глагола *естъ* въ формѣ прошедшаго времени въ такомъ древнемъ памятникѣ, какъ Супрасльская рукопись. У Востокова (§ 104) о подобномъ пропускѣ говорится лишь въ случаяхъ, если употреблены формы отъ двухъ глаголовъ, то при одномъ пропускается *естъ*. Востоковъ основывается въ приводимыхъ примѣ-

рахъ прежде всего на памятникѣ XV в. Относительно наст. врем. 3 л.—*есть* Востоковъ (§ 103) замѣчаетъ, что эта форма не выпускается; пользуется Востоковъ примѣрами, приведенными Добровскимъ; примѣры опущенія *есть* Востоковъ объяснялъ тѣмъ, что въ соответственныхъ мѣстахъ не было вспомогательнаго глагола въ греческомъ текстѣ. Буслаевъ же въ § 202 (прим. 1) отмѣчаетъ прежде всего, что въ греческомъ оригиналѣ часто опускается вспомогательный глаголь, въ древнѣйшихъ церковно-слав. текстахъ этотъ глаголь ставится, а позднѣйшіе церковно-слав. тексты согласуются иногда съ греческимъ текстомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Буслаевъ отмѣчаетъ въ Остромир. Ев.: употребленіе и пропускъ вспомогательнаго глагола въ одномъ и томъ же случаѣ. Послѣднее указаніе можетъ заставлятъ уже нѣсколько отрицательно относиться къ выставленному мнѣнію Востокова.

Я не буду болѣе останавливаться на подробномъ сличеніи данныхъ у Востокова и Буслаева. Укажу, что вопросы, затронутые Буслаевымъ, вообще были обоснованы болѣшимъ матеріаломъ сравнительно съ тѣмъ, что далъ Востоковъ. Въ данномъ случаѣ сошлюсь, кромѣ приведеннаго, отчасти на слѣдующіе §§, сходные по содержанію: Буслаевъ § 216—Востоковъ 105; 222 (прим. 1)—107; 243 (прим. 10)—123; 207 (прим. 1)—106; 230 (прим. 1, 4)—105; 247 (прим. 1)—130. Востоковъ не отмѣчаетъ дательнаго п. цѣли (ср. у Буслаева § 244. 4), слишкомъ мало удѣляетъ вниманія дательному самостоятельному, рассматривая этотъ оборотъ болѣе со стороны логической (какъ сокращеніе предложенія съ *егда* и *иже*; между тѣмъ, у Буслаева, хотя также не особенно подробно, но все же указываются нѣкоторыя особенности въ переводахъ). Востоковъ совершенно не обратилъ вниманія на замѣчаніе Буслаева, что форма чашъ (которую Востоковъ въ приложеніи къ Остр. Ев. и въ грамматикѣ объяснялъ какъ творительный падежъ) въ примѣрѣ напоить чашъ студены воды объясняется вліяніемъ греческаго текста, гдѣ *ποτήριον* (соответственно этому въ Галиц. Поликарп. и др. памятникахъ—*чашоу*).

Въ числѣ важнѣйшихъ сочиненій, которыя по разнымъ отдѣламъ были указаны Буслаевымъ въ предисловіи къ „Опыту“, не упоминается „Грамматика старославянскаго языка“ Перевлѣскаго. Правда, это былъ только учебникъ, но, принимая во вниманіе состояніе тогдашняго изученія славянскаго языка и болѣе самостоятельное отношеніе составителя къ предмету, книга эта могла свободно претендовать на особенное вниманіе къ себѣ. Тѣмъ болѣе могла она разсчитывать на это, что сравнительно съ *Institutiones* Добровскаго (указан-

ными въ числѣ важнѣйшихъ сочиненій) она представляла уже шагъ впередъ (благодаря особенно трудамъ Востокова и Миклошича). Относительно синтаксиса въ этой грамматикѣ нужно сказать, что онъ представляетъ наименѣ разработанный отдѣлъ. Несмотря, впрочемъ, на послѣднее обстоятельство, синтаксисъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несомнѣнно далъ извѣстный матеріалъ для Буслаева. Дѣло въ томъ, что Перевлѣсскій самостоятельно занимался древне-церковно-слав. текстами: ему принадлежитъ изданіе „Памятниковъ старословенскаго языка“ (С.-Пб. 1854 г.). Немудрено, поэтому, что въ синтаксисѣ у Перевлѣскаго мы видимъ самостоятельно выбранный въ нѣкоторыхъ случаяхъ матеріалъ (1 изд. грамматики относится къ 1851 г., 2-е къ 56 г.), въ нѣкоторыхъ случаяхъ и попытки объяснить этотъ матеріалъ (правда, иногда не особенно удачно). Прежде всего необходимо отмѣтить, что въ изложеніи синтаксиса у Перевлѣскаго проведена система, въ которой мы узнаемъ слѣды увлеченія его „логическимъ“ направленіемъ: данныя древне-церковно-слав. языка вставляются въ рамки логическаго ученія о предложеніи и его частяхъ. Интересно замѣчаніе Перевлѣскаго относительно прошедшаго времени сложнаго: Перевлѣсскій замѣчаетъ, что это прошедшее для показанія дѣйствія только что оконченнаго „какъ бы въ минуту рѣчи“ (225), впрочемъ, здѣсь же сказано „или вообще неопредѣленно“ (т. е. дѣйствіе обозн. прош. слож.).

XIV.

Давыдовъ былъ правъ, когда съ большой похвалой отзывался о сочиненіи Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка“. И въ дальнѣйшей русской критической литературѣ мы встрѣчаемъ отзывы въ пользу этого изслѣдованія, несмотря на протекшіе годы. Для примѣра можно сослаться на отзывъ Котляревскаго (въ его рецензіи на Опытъ истор. грам. Буслаева), ак. Ягича въ его „Критическихъ замѣткахъ по русскому яз.“. Находили достоинства въ этомъ трудѣ не только съ исторической точки зрѣнія, но и для современнаго положенія науки о русскомъ языкѣ видѣли въ этомъ трудѣ много полезнаго. Дѣйствительно, если оцѣнивать это изслѣдованіе съ исторической точки зрѣнія, то его нужно поставить очень высоко, я бы сказалъ не по результатамъ, а по нѣкоторымъ общимъ взглядамъ изслѣдователя, по умѣнью очень живо представлять въ общей картинѣ тотъ матеріалъ, которымъ владѣлъ онъ, по обширности этого матеріала для своего времени (но не для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ!), по умѣнью

разобраться въ нѣкоторыхъ частныхъ фактахъ этого матеріала. Я долженъ также выдвинуть незамѣченную характерную черту этого труда— въ нѣкоторыхъ общихъ взглядахъ на языкъ и развитіе языка Срезневскій высказываетъ взгляды, которые обнаруживаютъ его отсталость сравнительно съ тѣмъ, что начинало уже проводиться въ западно-европейской наукѣ по слѣдамъ Гумбольдта. Для доказательства своей мысли я приведу, напр., слѣдующее мѣсто: „Языкъ въ первомъ началѣ своемъ есть собраніе звуковъ безъ всякаго внутренняго строя. Немного звуковъ, немного и словъ, образованныхъ изъ нихъ, гораздо менѣе чѣмъ представленій, которыя бы могли быть ими выражены. Каждое слово стоитъ въ языкѣ отдѣльно; каждое слово есть само по себѣ корень, несродный съ другими. Слова коротки, и не подлежатъ измѣненіямъ. Порядокъ ихъ во фразахъ случаенъ... Одно и то же слово есть вмѣстѣ названіе и предмета, и дѣйствія его, и качества, и впечатлѣнія, ими производимаго въ умѣ... Въ этой безжизненности языка есть уже впрочемъ зачала жизни, и по времени они все болѣе развиваются. Звукъ одинъ постепенно развивается въ нѣсколько сродныхъ звуковъ, дробится, слагается и разлагается; одно слово—корень получаетъ различный выговоръ и разнообразить этимъ свое значеніе... Гораздо болѣе жизненной силы даетъ языку фантазія народа, управляя словами, какъ символами понятій. Представленія, почему-нибудь кажущіяся сходными, выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ; слово переходитъ отъ смысла къ смыслу, и съ пріобрѣтеніемъ новаго смысла все болѣе опредѣляется“... (см. Годичный акт. въ Имп. С.-Пб. унив. 49 г., 68 стр.). Я ограничусь одной этой выпиской, вполне достаточной для подтвержденія высказанной мною мысли. Нужно думать, что самъ Срезневскій впослѣдствіи сознавалъ слабость своего изслѣдованія прежде всего въ его общей части. Этимъ-то главнымъ образомъ я бы объяснилъ ту надпись, которая находилась на экземплярѣ, послужившемъ для напечатанія второго изданія „Мыслей“. Надпись эта взята Срезневскимъ изъ 2-го изданія нѣмецкой грамматики Гримма, мыслями котораго онъ во многомъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи: *Die in der ersten Ausgabe mitgetheilten allgemeinen Sätze über den historischen Gang der Sprache sind als unreife Erörterungen jetzt bei Seife gelegt worden.* Издатели объясняли эти слова тѣмъ, что Срезневскій, продолжая свои занятія надъ русскимъ языкомъ, видѣлъ недостаточность сдѣланныхъ имъ дополненій и смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на подлежащій еще большей обработкѣ (см. 2-е издан. С.-Пб. 87 г. V—VI).

Нечего, конечно, и говорить, что для разрѣшенія главныхъ двухъ вопросовъ, которымъ посвящено изслѣдованіе Срезневскаго: каковъ былъ русскій языкъ въ періодъ отдѣленія его отъ другихъ славянскихъ языковъ и какъ постепенно измѣнялся русскій языкъ въ періодъ своей самостоятельной жизни—матеріала и разработки матеріала было въ то время совершенно недостаточно, и потому въ настоящее время можно уже сдѣлать цѣлый рядъ поправокъ къ различнымъ положеніямъ, и все построенное зданіе должно рушиться.

Нельзя не выдвинуть ту мысль, которую проводилъ Срезневскій о необходимости историческаго изученія языка. На такомъ изученіи онъ строилъ все. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, отразилось вліяніе Гримма. Въ общемъ введеніи у Срезневскаго проводится мысль о двухъ періодахъ въ развитіи языка. Относительно синтаксиса второй періодъ характеризуется господствомъ логики. Эти мысли также были заимствованы, и въ лучшей формулировкѣ мы ихъ находимъ у Буслаева. Лишь вскользь коснулся Срезневскій фактовъ древнерусскаго синтаксиса сравнительно съ позднѣйшимъ состояніемъ языка. Приведу цѣликомъ то небольшое мѣсто, въ которомъ Срезневскій характеризуетъ строй древнерусскаго синтаксиса. „Богатство, разнообразіе и опредѣленность словоизмѣненія отражались въ складѣ рѣчи богатствомъ, разнообразіемъ и опредѣленностью формъ словосочетанія. Для каждаго изъ трехъ главныхъ сочетаній словъ—прямого, вопросительнаго и относительнаго—были свои отдѣльныя условія расположенія словъ. Многообразію формъ словосочетанія помогали между прочимъ времена сложные, формы возвратнаго глагола вмѣсто страдательныхъ (напр., *слышнеться* вмѣсто слышимъ кѣтъ), дательный самостоятельный причастный (напр. *дню бывъшу, грозъ будучи*), винительный причастный (напр. *мншати єго умрѣша*), самостоятельное неопредѣленное наклоненіе въ смыслѣ повелительномъ и условномъ (напр. *дати єму вмѣсто дай єму, дати єму не дай и говорити не говори*). Особенную опредѣленность выраженіямъ придавало употребленіе падежей, изъ которыхъ ни одинъ не требовалъ передъ собою предлога непременно, и между тѣмъ каждый могъ съ нимъ соединяться: понятіе принадлежности выражалось родительнымъ и дательнымъ (*рабъ господа*), орудіе — родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ (*плънь духа, бысть чуду, кльнеться небомъ*), время—винительнымъ, творительнымъ, предложнымъ (*зимусь, зимою, зимъ*), мѣсто—дательнымъ и предложнымъ (*идеть Къєву, бысть Къєвѣ*), и пр.“ (88—9). Еще болѣе кратко отмѣчаются Срезнев-

скимъ тѣ видоизмѣненія, которыя претерпѣло словосочиненіе въ теченіе дальнѣйшаго времени. Отмѣчаются собственно тѣ „значительныя потери въ отношеніи къ опредѣленности формъ“, которыя наблюдались въ словосочиненіи. Этихъ потерь насчитывается три: опущеніе „управляющихъ“ глаголовъ (но приводится только вспомогательный глаголъ *быть*), потеря опредѣленности формъ нѣкоторыхъ падежей и потому необходимость сочетанія ихъ съ предлогами (приводятся изъ нѣк. слав. яз.: *съ ножемъ рѣзать*; говорится о потери дат. и предл. въ рус., сохраненіи этихъ пад. въ нѣк. другихъ слав. яз., и объ остаткахъ въ рус. предлож. пад. для обознач. времени), о потерѣ дательнаго самостоятельнаго, при чемъ Срезневскій высказываетъ здѣсь такую мысль: „Въ русскомъ употребленіи дательнаго самостоятельнаго сохранялось еще въ XIV в., но уже не съ такою требовательностью, какъ прежде, и теперь осталось въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ случайно, напримѣръ, въ западно-малорусской пословицѣ *самому теби въ миси, товарища не знайдеи*: ясно, что при выраженіи *самому теби* подразумевать должно причастіе *будучу* (146—8)“. Срезневскій обратилъ вниманіе и на такіе примѣры, какъ *въсплакавъ и рече*, при чемъ здѣсь видѣлъ пропускъ вспомогательнаго глагола, проводилъ параллель съ остатками подобныхъ выраженій въ современномъ русскомъ языкѣ: онъ ужъ вставши; указывалъ такое же употребленіе съ причастіемъ настоящ. времени въ древнихъ памятникахъ: бѣ уча (142—3). Изъ всего приведеннаго здѣсь мы можемъ видѣть, насколько бѣгло коснулся Срезневскій синтаксическихъ особенностей русской рѣчи. Въ этихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ можно отмѣтить и ошибки, но важно здѣсь подчеркнуть то, что Срезневскій сумѣлъ лучше понять нѣкоторые обороты, чѣмъ Лавровскій (напр., винит. причастный).

XV.

Въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1862 г. было помѣщено изслѣдованіе Потевни „Мысль и языкъ“. Это изслѣдованіе тотчасъ же обратило на себя вниманіе: Билярскій въ упомянутой ранѣе статьѣ, излагавшей выводы Штейнталя, привѣтствовалъ въ трудѣ Потевни „изложеніе философскаго языкоученія Штейнталя“, что, какъ увидимъ, являлось не вполне правильнымъ. Затѣмъ въ Филологическихъ Запискахъ 1873 г. (в. IV—VI) было помѣщено начало изслѣдованія А. А. Потевни „Изъ записокъ по русской грамматикѣ (Введеніе)“, продолженное въ Запискахъ Имп. Харьковскаго университета за 1874 г. Здѣсь я не буду разсматривать этихъ трудовъ, положившихъ

начало новымъ путямъ въ разработкѣ русскаго синтаксиса. Въ заключеніе настоящихъ очерковъ я остановлюсь на одномъ трудѣ, который лишь отчасти затрагивалъ вопросы синтаксиса славянскихъ языковъ.

Защитникомъ примѣненія сравнительнаго метода въ широкой степени при изученіи синтаксическихъ явленій выступилъ въ своемъ изслѣдованіи „Способы относительнаго подчиненія“ (М. 1877) О. Е. Коршъ. Въ изслѣдованіи этомъ, представляющемъ „главу изъ сравнительнаго синтаксиса“, приводятся данныя по разсматриваемому вопросу изъ языковъ русскаго и славянскихъ. Для разрѣшенія вопроса объ исторіи развитія относительнаго подчиненія необходимо подробно остановиться на этой исторіи въ предѣлахъ каждаго изъ разсматриваемыхъ языковъ и тогда уже переходить къ построенію общихъ заключеній. Я хочу сказать, что при изученіи синтаксическихъ явленій не менѣе важна историческая сторона, чѣмъ при изученіи другихъ сторонъ языка. Такимъ образомъ я не могу согласиться прежде всего съ тѣми словами, которые мы находимъ въ началѣ изслѣдованія и которыми авторъ, очевидно, стремится оправдать отсутствіе послѣдовательно проведеннаго у него принципа историко-сравнительнаго изученія вопроса. Изслѣдователь, наоборотъ, вначалѣ стремится даже противопоставить изученіе синтаксиса, которое можетъ обходиться лишь сравнительнымъ матеріаломъ, изученію другихъ сторонъ языка, гдѣ должна выступать на первый планъ исторія. Впрочемъ, онъ долженъ былъ сказать: „Само собой разумѣется, что чисто-историческія изслѣдованія должны и по синтаксическимъ вопросамъ идти тѣмъ путемъ, какого держится сравнительная этимологія, никогда не выпускающая изъ виду предашія“. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ совсѣмъ неудовлетворительное объясненіе, почему при изслѣдованіи синтаксическихъ явленій можно и не прибѣгать къ исторіи вопроса: „Мы хотимъ только сказать, что этотъ путь для сравнительнаго синтаксиса съ одной стороны неудовлетворителенъ, потому что при относительной самостоятельности языковъ въ созданіи и выборѣ синтаксическихъ построеній мы очень часто не имѣемъ возможности объяснить послѣдующее предыдущимъ, какъ это дѣлается въ сравнительной этимологіи; съ другой стороны этотъ путь не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ средствъ, на которыя сравнительный синтаксисъ имѣетъ право вслѣдствіе того, что за этой синтаксической самостоятельностью отдѣльныхъ языковъ мы видимъ несомнѣнно общую почву, общіе законы“ (13—14). Все это не исключаетъ необходимости вносить широкое историческое освѣщеніе при изученіи синтаксическихъ явленій, которое является необхо-

димымъ даже при разрѣшеніи того, что указывается изслѣдователемъ. Послѣднія слова Ө. Е. Кориа, приведенныя мною, указываютъ также на ошибочную принципиальную постановку изслѣдованія въ томъ прежде всего смыслѣ, что извѣстное начало апріорно признается уже аксіомой. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить нѣкотораго сходства въ воззрѣніяхъ изслѣдователя съ тѣмъ, что высказывалось и ранѣе о логическихъ законахъ мышленія. Впрочемъ, у автора находимъ и слѣдующее: „Вѣтъ можетъ, намъ возражать, что такія аналогіи во взглядахъ чуждыхъ другъ другу народовъ на одну и ту же логическую или грамматическую категорію объясняются не столько общностью психическихъ законовъ, сколько тѣмъ же преданіемъ, но уже не племеннымъ, а общечеловѣческимъ. Противъ такого возраженія спорить мы не будемъ, потому что этотъ вопросъ связанъ съ другимъ до сихъ поръ еще не разъясненнымъ—съ вопросомъ о происхожденіи рода человѣческаго“ (8). Но для того, чтобы подойти съ большей или меньшей вѣроятностью къ разрѣшенію даннаго вопроса, и необходимо детальное его историческое освѣщеніе. Вѣдь, кромѣ той или другой общности, нельзя отрицать возможности проявленія чисто иногда случайности въ той или другой аналогіи въ языкахъ отдаленныхъ народовъ, затѣмъ иногда можетъ оказаться при болѣе внимательномъ анализѣ, что и аналогіи никакой нѣтъ.

Высказанныя соображенія не позволяютъ мнѣ назвать разбираемый трудъ „капитальнымъ“, какъ отозвался о немъ проф. Овсяннико-Куликовскій (Синтаксисъ, 312). По моему, построеніе этого труда неправильно въ силу неправильныхъ въ основѣ его общихъ точекъ зрѣнія, неправиленъ именно методъ изслѣдованія. Однако, это не исключаетъ частныхъ достоинствъ: можетъ быть, въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ авторъ и правъ, но результаты этихъ выводовъ добыты главнымъ образомъ, по моему, все же благодаря догадкѣ, и для полной убѣдительности ихъ необходима еще добавочная работа. Мнѣ думается, не изъ одной только скромности самъ изслѣдователь такъ выражался о своей работѣ: „Едва ли нужно прибавлять, что я далека отъ мысли считать эти выводы окончательными: ишаткость нѣкоторыхъ изъ нихъ до такой степени очевидна, что, если авторъ и можетъ придавать какое нибудь значеніе этой попыткѣ, то развѣ временное, которое она должна утратить въ его собственныхъ глазахъ, какъ только появится болѣе удовлетворительное разрѣшеніе этой грамматической загадки“ (59).

Я указала на апріорное положеніе, выставленное изслѣдователемъ.

Для подтвержденія этого положенія указывается на сходство въ различныхъ, даже неродственныхъ языкахъ, образованія конструкціи относительныхъ предложений. При чемъ отмѣчается, что арійскіе языки не вынесли изъ времени совмѣстнаго своего существованія построенія этихъ предложений. „Тѣмъ не менѣе средства, употребленныя въ этомъ случаѣ отдѣльными языками, иногда поразительно сходны, даже въ мелочахъ“ (14). Но разматривая тотъ разнообразный матеріалъ, который представленъ авторомъ, мы можемъ свободно прийти къ другому выводу, именно, что такого поразительнаго сходства далеко нѣтъ. Даже наоборотъ, можно было бы выставить мнѣніе, что путь, по которому шло развитіе относительныхъ конструкцій, свидѣтельствуетъ о различныхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгали различные языки, а то несомнѣнное сходство, которое въ то же время наблюдается, напр., въ арійскихъ языкахъ, указываетъ на возможность развитія изъ оборотовъ первоначально общихъ этимъ языкамъ въ пору ихъ болѣе близкаго единенія. Для выясненія этой мысли авторъ даетъ матеріалъ, который мы находимъ въ разбираемомъ изслѣдованіи. Такъ представляется вполне вѣроятною та догадка, которую высказалъ Гольцманъ (*Zeitschrift für Völkerpsychologie* VIII, 50) и съ которой соглашается К. (24—26), а именно, что наши предложенія „кто..., тотъ, который...“ возникли изъ первоначально двухъ самостоятельныхъ предложений, при чемъ первое изъ нихъ было вопросительнымъ. „Кто хочетъ слышать пѣсни, загадки...? тотъ пусть идетъ“... Отсюда понятна конструкція: „а которая женщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указать“ (изъ Домостроя), и здѣсь вовсе никакой нѣтъ перестановки опредѣляемаго слова изъ главнаго въ подчиненное (43, это перемѣщеніе лишь съ нашей, современной точки зрѣнія). Думается, что изъ прежняго паратаксиста свободно могъ выработаться гипотаксистъ, именно прежде всего благодаря мѣстоименіямъ, и вовсе не представляется правильнымъ взглядъ автора о большей древности соединенія двухъ самостоятельныхъ предложений посредствомъ союза, чѣмъ безъ всякой внѣшней связи. Такимъ образомъ изъ 2 первоначальныхъ самостоятельныхъ предложений, изъ коихъ одно начиналось мѣстоименіемъ вопросительнымъ или указательнымъ, получалось вполнѣ подчиненіе предложеній, при чемъ мѣстоименія вопросительное и указательное переходили въ мѣстоименія относительныя (переходъ этотъ съ указательными мѣстоименіями совершился, какъ объясняетъ, идя за существовавшими указаніями, Э. Е. Коршъ, благодаря переходу этихъ мѣстоименій въ анафорическія, 22). И вотъ въ подтвержденіе того,

что я раньше сказалъ, приведу слѣдующія слова К.: „Но воспользовавшись этими корнями, не всѣ народы нашли нужнымъ или возможнымъ создать себѣ относительныя мѣстоименія въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. вполне опредѣленные и склоняемыя замѣны существительнаго въ подчиненномъ предложени: нѣкоторыя изъ нихъ оставились на относительныхъ частицахъ, т. е. на какихъ-нибудь неизмѣняемыхъ образованияхъ относительнаго (указ. или вопрос.) корня со значеніемъ, первоначально опредѣленнымъ, но впоследствии расширеннымъ до такой степени, что они сдѣлались годными для выраженія относительнаго подчиненія вообще“ (26—27). И тамъ же (примѣч.) авторъ замѣчаетъ: „Въ примѣрахъ, приведенныхъ ниже, мы передаемъ относительныя частицы нашимъ *что*. Но это мѣстоименіе далеко не выражаетъ значенія настоящихъ относительныхъ частицъ: послѣднія непереводамы ни однимъ относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ, которыя представляютъ относительную связь не иначе, какъ приуроченною къ какой-нибудь грамматической категоріи — предмета, качества, количества, мѣста, времени, образа дѣйствія и пр.“ Очень удачно выбрано О. Е. Коршемъ мѣсто изъ старинной русской грамоты, гдѣ мы находимъ рядъ разнообразныхъ относительныхъ подчиненій (изъ межевой грамоты XVII в): „на Покровскаго монастыря землѣ, *что* дана в Тетюшскоі монастырь под убогим домом и под слободу Тетюшкаго города, з животным выпуском, от водоройного врага, *котороі* впал в большой враг, *котороі* *большоі* враг около города, *что* в нем ключь впал в Волгу реку, и того водоройного врага поставлен столб, *а* на нем грань, а под столбом пять камней, а напротив того столба яма *а* в ней камень, а от того столба и от ямы на столб же, на немъ двѣ грани; а столбъ стоит у дорожки, *что* ѣздят іс той монастырскоі слободки взвоз в город Тетюши (15). Разнообразію, находимому здѣсь, можно дѣйствительно подобрать аналогіи изъ славянскихъ нарѣчій. Исслѣдователь справедливо обращаетъ вниманіе на подобные аналогичные примѣры малорусскаго языка, какъ: „не жаль тому козаченьку носнѣдати (поснѣдати) дати, що вонъ (вінъ) иде из (з) улици“..., „да той куриць, що на ней“..., „а де жъ тая крыниченька, що голубъ купався“... и пр., т. е. всѣ подобные примѣры, въ которыхъ мы видимъ широкое употребленіе мѣстоименія *что*, выступающаго вмѣсто измѣняемаго и согласуемаго мѣстоименія *который*. Въ сербскомъ языкѣ, какъ отмѣчаетъ исслѣдователь, наряду съ *што* употребляется *дѣе*—въ подобныхъ случаяхъ, въ слов.—*ки*. Но матеріалъ, даваемый въ данномъ случаѣ, сравнительно очень неболь-

шой, какъ бы приведенный въ дополненіе къ тому, что говорится о другихъ языкахъ, особенно греческомъ.

Я не могу сказать, чтобы разсматриваемая работа представляла собою болѣе или менѣе полную разработку поставленнаго вопроса. Слишкомъ кратко, напр., авторомъ затронуть вопросъ о союзѣ *и* и его роли въ качествѣ союза, соединяющаго предложеніе подчиненное съ самостоятельнымъ. Объ этомъ мы находимъ главнымъ образомъ на стр. 16—18 и въ приложеніи на стр. 60. На этихъ же страницахъ есть и ссылка на статью Тоблера въ *Germania* XIII г. Между тѣмъ названная статья Тоблера является лишь дополненіемъ къ его болѣе обширной статьѣ, помѣщенной въ VI томѣ *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* (изд. Куномъ). Самъ Тоблеръ ссылается на эту статью въ началѣ статьи въ *Germania*. Матеріаль, который данъ здѣсь Тоблеромъ, могъ бы свободно послужить для обработки; этимъ матеріаломъ можно было бы воспользоваться въ такомъ же размѣрѣ, какъ сдѣлалъ это г. Коршъ по отношенію матеріала и выводовъ, данныхъ Тоблеромъ въ *Germania* XVII г., гдѣ разбираются примѣры съ относительными мѣстоименіями („Ueber Auslassung und Vertretung d. Pronomen relativum“ 257—294; собственно съ стр. 259 на стр. 257—8 и отч. 259 резюме и нѣкоторыя дополненія статей предыдущихъ—über den relativen Gebrauch d. deutschen „und“ mit Vergleichung verwandter Spracherscheinungen,—и это резюме отразилось на стр. 60 въ изслѣдованіи г. Корша, а на стр. 17 ссылка на статью Тоблера приводится только въ дополненіе къ другому матеріалу). Г. Коршемъ не была разсмотрѣна книга Эрдмана *Untersuchungen über die Syntax d. Sprache Otfrids*, (1 ч. Halle. 1874), оставшаяся, очевидно, неизвѣстной изслѣдователю, между тѣмъ какъ это сочиненіе являлось очень важнымъ при изслѣдованіи поставленнаго вопроса: Эрдманъ вносилъ новое сравнительно съ тѣмъ, что дано было Виндишемъ, на точку зрѣнія котораго становился и Коршъ; это новое касалось исторіи относительныхъ предложеній въ нѣмецкомъ языкѣ, а затѣмъ здѣсь давались и цѣнныя частныя наблюденія надъ синтаксисомъ языка Отфрида, надъ особенностями языка котораго, идя за Тоблеромъ, останавливался и г. Коршъ. Можно указать еще нѣсколько изслѣдованій, не разобранныхъ г. Коршемъ, но также важныхъ при изученіи поставленной темы: *Steinthal*, *De pronomino relativo* (1847 г.), *Kölbing*, *Untersuchungen über den Ausfall d. relativ-Pronomens in d. germ. Sprachen* (72 г.), его же—„Enti“ den Nachsatz einleitend (*Zeitschrift f. deutsche Philol.* т. IV, 1873 г.), его же—*Zur Entstehung d. Relativsätze in den german. Spra-*

chen (Germania 21 т. 76 г.), *Eckardt*—Ueber die Syntax des gotischen Relativpronomens (75 г.).

Не входитъ въ мою задачу всестороннее разсмотрѣніе работы г. Корша, и если я сдѣлалъ приведенныя сейчасъ указанія, то съ тѣмъ лишь, чтобы оправдать свое ранѣ высказанное мнѣніе, а затѣмъ указаніемъ на неполноту обработки поставленнаго вопроса въ его главной части сдѣлать болѣе яснымъ, что обработка матеріала болѣе второстепеннаго—въ видѣ данныхъ изъ русскаго и славянскихъ языковъ—естественно еще менѣ могла претендовать на полноту и обстоятельность.
